М.И.КАЗАКОВ ЛЮБЫЕ ФЛАНГИ

М.И.КАЗАКОВ

ЛЮБЫЕ ФЛАНГИ

М. И. КАЗАКОВ

ЛЮБЫЕ ФЛАНГИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛИЕСМА»
РИГА 1977

9(S)2
К14

Литературная запись
и предисловие Г. Курпнека

Оформление художника О. Берзиня

©«Лиесма», 1977

К $\frac{10604-352}{M801(11)-77}$ —77

Заслуги латышей отмечены.
Про них, как правило, пиши:
Любые фланги обеспечены,
Когда на флангах латыши.

Демьян Бедный

ПРЕДИСЛОВИЕ

Об авторе этой книги в Большой Советской Энциклопедии (т. II) можно прочесть такие строки:

«Казаков Михаил Ильич (р. 26. 9 (9.10) 1901, дер. Великуша ныне Кичменско-Городецкого р-на Вологодской обл.), советский военачальник, генерал армии (1955). Чл. КПСС с 1919 г. Род. в семье крестьянина. В Сов. Армии с 1920, участвовал в Гражд. войне политбойцом на Юж. фронте. Окончил кав. курсы усовершенствования комсостава (1927), Воен. академию им. М. В. Фрунзе (1931) и Воен. академию Генштаба (1937), служил на командных и штабных должностях. В 1938—1941 нач. штаба Среднеазиатского воен. округа. Во время Великой Отечеств. войны 1941—1945 нач. штаба Брянского (янв.—июль 1942), Воронежского (июль 1942—февр. 1943) фронтов, пом. командующего войсками Резервного и Степного фронтов, зам. командующего войсками Брянского и 2-го Прибалт. фронтов (апр.—дек. 1943). С янв. 1944 до конца войны командовал 10-й гвард. армией. Участвовал в боях на Дону, в Курской битве, освобождении Украины и Прибалтики. После войны на командных и штабных должностях. В 1953—1956 командующий войсками Уральского воен. округа, зам. главкома Сухопутными войсками (1956), командующий Юж. группой войск (дек. 1956—1960), командующий войсками Ленинград. воен. округа (1960—1965); нач. штаба Объединенных Вооруж. сил стран Варшавского договора (1965—1968). С 1968 воен. инспектор-советник. Деп. Верх. Совета СССР 2-го, 4—7-го созывов. Канд. в члены ЦК КПСС в 1961—1971. Автор книги «Над картой былых сражений» (1965). Награжден 2 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 4 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1-й и 2-й степени, Кутузова 1-й степени,

2 орденами Красной Звезды, 2 иностр. орденами[1]*, а также медалями».*

Сухие анкетные строки. А за ними — жизнь. За каждой строкой — неповторимые мгновения, дни, месяцы, годы. Попробуем расшифровать некоторые строки.

Деревня Великуша на Вологодчине. Сотни таких деревень разбросаны в этом краю. Смотрели они на мир подслеповатыми окнами, коптили небо печными трубами. Обычная деревня. А у Михаила Ильича, когда он вспоминает о ней, замирает сердце. И совсем не потому, что голопузым мальчонкой бегал по ее тропам, окаймленным мягкой, как волосы матери, травой. Нет! Просто он порой думает, что родная его Великуша могла бы исчезнуть с лица земли, не посвяти он, как и тысячи его сверстников — ровесников XX века, свою жизнь самому главному, по его мнению, делу человека на земле — защите Отечества.

В большой путь по жизни, по земле Михаил Ильич взял из Великуши и мягкий окающий говорок, и бездонную голубизну неба, а главное — упорство характера, упорство в достижении поставленной цели, извечно присущее вологодским крестьянам, не избалованным ни щедротами земли-кормилицы, ни солнечным теплом.

«Участвовал в Гражданской войне политбойцом...» А кто они были такие — политбойцы? Ораторы, звавшие в бой других, чтобы самим отсидеться в тылу? Может быть, у политбойцов были какие-то особые права перед массой красноармейцев? Разумеется, были! В отличие от всех прочих, политбойцы имели право погибнуть в первой шеренге атакующих, первыми ворваться в окопы белых, первыми принять на себя удары белоказаков. Они и города брали первыми, а оставляли последними. Коммунисты, одетые в красноармейскую форму, были политбойцами. Впрочем, формы в обычном понятии чаще всего не было. Звездочка или красный лоскуток на фуражке — вот и все внешнее отличие красного бойца от прочих граждан революционной России. И еще — партбилет. Но он олицетворял уже внутреннюю, душевную сторону солдата революционной армии.

Политбоец мог стать комиссаром. Чаще всего это происходило в бою. Погибал один коммунист, на его место

[1] В настоящее время М. И. Казаков имеет 3 иностранных ордена. — *Г. Курпнек.*

становился другой. Стал комиссаром и Михаил Ильич Казаков. Правда, случилось это уже после окончания гражданской войны, весной 1924 года. Позади были тяжелые бои в Северной Таврии, «Каховский плацдарм», схватки с разбитыми врангелевцами в Севастополе.

Весна 1924 года. Вот что рассказывает Михаил Ильич:

— Я был переведен из 3-й Крымской дивизии в кавалерию. В мае прибыл в Изяславль. С вокзала извозчик довез меня на своей захудалой кляче в ободранном рыдване лишь до реки Горынь, что протекала примерно по центру города. Дальше сквозного проезда не было: мост оказался неисправным. Я вскинул на плечи вещевой мешок с притороченным к нему солдатским котелком и зашагал к видневшейся вдали высокой монастырской стене, за которой размещался кавалерийский полк, где отныне мне предстояло работать комиссаром.

— О легендарном червонном казачестве я знал тогда очень мало. Помнилось только, что сказал о нем М. В. Фрунзе: «У нас в Красной Армии немало частей, которые создали себе громкую боевую репутацию и славное революционное имя, однако мало найдется таких, которые могли бы стать в один ряд с червонноказачьим корпусом».

Еще в Харькове, в политуправлении округа, меня проинструктировали об особых условиях службы политработника в кавалерии. В соответствии с этими инструкциями я обзавелся новой форменной фуражкой, какие носили тогда в кавкорпусе червонного казачества, сходил к портному, и тот нашил на мои брюки красные лампасы. И вот шагаю под непривычный звон шпор и позвякиванье котелка в штаб своего полка, твердо уверенный, что выгляжу настоящим конником... Каково же было мое удивление, когда еще на подходе к штабу, возле ограды старого католического монастыря, я был «опознан» с первого взгляда. «Из пехоты прислали», — раздался за моей спиной полупренебрежительный голос настоящего, с великолепным чубом кавалериста... Выдали меня, оказывается, две сугубо пехотинские принадлежности — вещевой мешок, с которым я не расставался с гражданской войны, и армейский котелок. Ну и, конечно же, подвело отсутствие у меня традиционного кавалерийского чуба. Очень скоро я понял, что приобрести внешнее сходство с конником куда легче, чем стать им в действительности...

Истинным кавалеристом Михаил Ильич так и не стал, хотя слыл среди товарищей лихим наездником. «Пехота-матушка» навсегда осталась для него самой близкой. Та самая пехота, о которой «Правда» писала в разгар Отечественной войны:

«...Когда кончится война, когда зарастут травой блиндажи, человечество поставит великолепный памятник героям этой освободительной войны. На первом плане в группе суровых отважных воинов здесь по праву займет свое место фигура советского пехотинца с гранатой за поясом, с автоматом на груди...»

Но тот кавалерийский полк в Изяславле стал для Михаила Ильича первой ступенью овладения военным искусством, которое завершится в Военной академии Генштаба, и получит практическое подтверждение на фронтах Великой Отечественной войны. Между двумя этими школами были и курсы усовершенствования комсостава, и Военная академия им. М. В. Фрунзе, командные и штабные должности, постепенно, как бы исподволь, «делавшие» из бывшего вологодского паренька военачальника крупного масштаба.

Война застала Михаила Ильича в Средней Азии. Одна за другой отправлялись на фронт сформированные здесь дивизии, а первой... Первой ушла 316-я дивизия под командованием генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова. Этой дивизии, как известно, суждено было вписать ярчайшую страницу в историю Великой Отечественной войны, пройти трудный боевой путь от Москвы до Курляндии. Не подозревал тогда, в сорок первом, Михаил Ильич, что 8-я имени И. В. Панфилова гвардейская стрелковая дивизия в апреле сорок четвертого войдет в состав 10-й гвардейской армии.

Как все, он рвался в действующую армию. С тревогой переставлял красные флажки на карте Европейской части Союза. Они были уже почти возле самой Москвы. Мысленно Михаил Ильич был там, где водили в бой полки и дивизии его однокашники по двум академиям.

В сентябре пришел и его черед выступить в боевой поход. Было подписано соглашение между правительствами СССР и Великобритании, с одной стороны, и правительством Ирана — с другой, об отводе иранских войск из ряда районов и размещении в этих районах советских и английских войск. Вступление советских войск в Иран

было мерой вынужденной и в той обстановке необходимой. В Иране еще до войны стало очень заметно проявляться влияние фашистской Германии. Сначала сюда проникли представители крупного германского капитала, за ними мутным потоком хлынула фашистская агентура — всякого рода «специалисты» и «эксперты». Через Иран планировалось наступление немецко-фашистских войск с Балканского полуострова, а из Турции — на Индию. Нацистская агентура готовила в Иране государственный переворот. Дело зашло так далеко, что были уже завезены новые государственные флаги Ирана со свастикой. В таких условиях Советское правительство отдало директиву войскам Закавказского и Средне-Азиатского военных округов о вступлении на территорию Ирана. Право на это давал советско-иранский договор от 26 февраля 1921 года, в котором было предусмотрено, что если какие-то враждебные элементы попытаются использовать Иран в качестве базы для нападения на Советский Союз, он может в целях самообороны ввести туда свои войска. Разумеется, этот вынужденный шаг не затрагивал территориальной целостности и государственной независимости Ирана.

Но на фоне той грандиозной битвы с фашизмом, которая шла на Родине, иранские дела казались Михаилу Ильичу малозначительными. Не раз обращался он с просьбой отправить его на фронт. Наконец в начале января 1942 года он был назначен начальником штаба Брянского фронта.

Ехал к месту новой службы окрыленный первой крупной победой нашей армии — разгромом фашистов под Москвой. Но эту радость омрачало известие о гибели в этих боях младшего брата — Ивана Ильича.

Брянский фронт. В своих воспоминаниях Михаил Ильич детально прослеживает и крупные и частные операции зимы и весны 1942 года, размышляет об удачах, не маскирует «объективными причинами» собственные промахи и ошибки. Тревожным, очень тревожным было лето сорок второго. Враг рвался к Сталинграду. Ни на день не стихали бои и на Брянском фронте. Почти тридцать лет спустя после Победы Михаил Ильич в книге «Над картой былых сражений» напишет: «... Общий ход нашей оборонительной операции в критические дни июля 1942 года можно считать удовлетворительным: против нас были

развернуты все войска противника, имевшиеся в полосе фронта, а разительного результата они не достигли. Внимание гитлеровских генералов здесь раздваивалось. Еще оставалась невыполненной задача в районе Воронежа, ... а их верховное командование уже торопилось начать следующий этап плана летней кампании — развить наступление на юго-восток, в сторону Кавказа... Тем не менее, оглядываясь сегодня на события лета 1942 года и самокритично оценивая собственную работу, должен признать: при том соотношении сил, которое сложилось в полосе Брянского фронта (особенно по количеству танков), наши войска могли бы не только нарушить планы противника, но и нанести сокрушительное поражение основной его ударной группировке». «Сейчас, — пишет далее Михаил Ильич, — когда мы пытаемся объяснить себе, почему события почти 30-летней давности прошли так, а не иначе, почему противник был лишь остановлен на рубеже Дона, а не разбит между Курском и Воронежом, невольно приходишь к мысли, что одной из причин этого был недостаток опыта в управлении войсками в условиях сложной операции. Этим в первую очередь и объясняются почти все наши тогдашние промахи. Сейчас нам ясно, как их можно было избежать. Но в то время нам казалось, что большего, чем сделали мы, сделать невозможно».

В середине июля М. И. Казаков был назначен начальником штаба Воронежского фронта, удержавшего перед собой не менее тридцати вражеских дивизий, которые очень бы пригодились немецко-фашистскому командованию под Сталинградом.

Наступил декабрь 1942 года. Он выдался снежным и морозным. В ходе операции «Малый Сатурн» на Воронежском фронте были разгромлены 5-я итальянская и 385-я немецкая пехотные дивизии, захвачено свыше 2500 пленных, взято в качестве трофеев 100 пушек, 200 минометов, сотни пулеметов. Несколько тысяч вражеских солдат нашли могилу на Воронежской земле... Предстояли еще многие трудные дни, тяжелые бои. Но — и все это чувствовали — время начиналось уже иное, более благоприятное для Советской Армии.

— Возможно, сегодня не каждому интересны перипетии былых сражений, — рассказывает Михаил Ильич,— не каждого может увлечь пересечение красных и синих

стрел на карте. Но мне лично почти всю войну пришлось работать в крупных штабах, и, вспоминая те далекие уже дни, я не могу не обращаться к карте, к оперативным документам, которые составляли тогда существо моей жизни... Да и не только моей. В этих картах, стрелах и схемах воплотился коллективный разум сотен военачальников, усилия тысяч и тысяч бойцов, воля народа, направленные к единой цели — разгромить и уничтожить оккупантов.

Не изгладилась из памяти Михаила Ильича Острогожско-Россошанская операция, осуществленная войсками Воронежского фронта в январе сорок третьего года. Стремительная, непривычно дерзкая по замыслу и воплощению, перечеркнувшая многие привычно-шаблонные тактические разработки, эта, скромная, на первый взгляд, операция послужила образцом для многих тактических замыслов не только Воронежского, но и других фронтов в зимней кампании 1943 года. За неделю боев было разгромлено до 16 дивизий противника, захвачено 170 танков, 1700 орудий, до 400 минометов, 6000 автомашин и много другой техники, в плен было захвачено более 80 тысяч человек.

В ходе последовавшей затем Воронежско-Касторненской операции Михаил Ильич был назначен командующим 69-й армии. Стоит напомнить, что командармами на Воронежском фронте в то время были генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов, И. Д. Черняховский, К. С. Москаленко, П. С. Рыбалко. Непродолжительное по времени, это сражение было весьма значительным по итогам. Здесь было разгромлено до двадцати дивизий врага, освобождена большая территория Воронежской и Курской областей.

Историки отмечают весьма характерную особенность начала 1943 года: не успевала кончиться одна операция как разрабатывалась и начиналась другая. Еще бушевали, например, бои под Касторной, а во фронтовом и армейских штабах уже разрабатывался план новой, Харьковской наступательной операции под кодовым наименованием «Звезда». М. И. Казакову пришлось участвовать в этой операции в двух ролях — сначала в роли начальника штаба фронта, планировавшего ее, а потом в роли командующего войсками 69-й армии.

Как известно, в операции «Звезда» на протяжении трех с лишним месяцев, начиная с 10 декабря, наши войска с большим напряжением и доблестью выполняли свой воинский долг. За это время было разгромлено и уничтожено до тридцати фашистских дивизий, освобождена от оккупантов обширная территория Воронежской, Курской и Харьковской областей. Но на завершающем этапе операции в марте 1943 года советские войска постигла неудача. Им пришлось отступить, оставить Харьков и некоторые другие города. Все тяжело переживали неожиданный финал успешного наступления. Причину этой неудачи и Михаил Ильич, и другие крупные военачальники видели прежде всего в том, что войскам не удалось удержать в своих руках оперативную инициативу, что наступление (особенно после 16 февраля) не было достаточно подготовлено, и поэтому был сильно ограничен маневр резервами и материальными средствами.

Был ли извлечен урок из этой неудачи? Безусловно! Михаил Ильич рассказывает, что лично для него с весны 1943 года начался качественно новый этап войны. Он характеризуется прежде всего более конкретным тактическим мышлением, стремлением глубже вникнуть в саму суть происходящих событий, предупредить возможные действия противника.

Той же весной М. И. Казаков получил новое назначение — помощником командующего Резервного фронта, который просуществовал сравнительно недолго — два-три месяца, — но за это время вырос в грозную силу. Это стало особенно ясно уже в первые дни грандиозного сражения на Курском выступе, когда в бой были введены значительные силы Резервного (Степного) фронта (части 10-го танкового корпуса и 5-й танковой армии). Дальнейшее подтверждение это нашло и в умелых действиях 5-й гвардейской армии, которая сыграла такую важную роль в ходе исторического сражения на Курской дуге.

На завершающем этапе Курской битвы Михаил Ильич по заданию командующего фронтом генерал-полковника И. С. Конева находился в 53-й армии. Вместе с командармом И. М. Манагаровым организовывал наступление. И вот, в один из горячих июльских дней на КП Манагарова неожиданно появился Иван Степанович Конев. Вообще И. С. Конев большую часть времени проводил

в войсках. А тут у 53-й армии заметно снизился темп наступления.

— Перед вами и немцев-то, наверное, давно нет, а вы топчетесь на месте, — заметил Конев, выслушав командарма.

Честно говоря, обвинение было и обидное и несправедливое. Командарм вместе с Михаилом Ильичем пытались доказать, что...

— А ну, поехали в боевые порядки, там лучше всего разберемся, — перебил их Конев.

Через несколько минут они уже сидели в машине. Иван Степанович все еще хмурился.

— Хорошо помню неубранное пшеничное поле, — рассказывает Михаил Ильич, — на котором были остановлены наши войска. Впереди, километрах в двух, в самый горизонт упирался гребень высот. Там был противник, и его наблюдатели, конечно же, не обошли вниманием появившийся на пыльном проселке «командирский автомобиль». Нас накрыли сплошным минометным огнем. Пришлось оставить машину и залечь в борозде неподалеку от дороги... Лежим мы с Иваном Степановичем неподалеку друг от друга, изредка переглядываемся и молчим. Доказывать, что перед фронтом армии есть немцы и что они «кусаются», теперь уже не требовалось. Впору было подумать о том, как выбраться отсюда.

— Прямо перед собой, — рассказывает Михаил Ильич, — я увидел лицо Конева, так хорошо мне знакомое. За те годы, что я знал Ивана Степановича, оно, конечно, постарело, или, как говорят вежливые люди, возмужало. А вот глаза совсем не изменились. В них по-прежнему много молодого огня, боевого азарта, будто ему и теперь двадцать с небольшим... Тогда я подумал: мы отдали народу всю свою молодость. А теперь вот уже рядом с нами и сыновья наши воюют, и братья гибнут в бою. Что скрывать — порой мы чувствуем себя усталыми. Но если строго и честно спросить себя вот здесь, на этом несжатом белгородском поле, под прицелом немецких минометчиков: чего хотел бы ты сейчас? — я думаю, каждый бы ответил: бороться до полной победы!.. Короткими перебежками (бывает, и генералам приходится действовать по-солдатски), мы вырвались с Иваном Степановичем из-под обстрела, снова сели в машину. И почти весь обратный путь говорили о делах Степного

фронта, о нуждах наступающих дивизий. На воображаемой карте (они всегда мерещатся штабисту) пестрели новые красные стрелы. Однако реализовать задуманное мне тогда не пришлось. Вскоре я получил назначение опять на Брянский фронт.

На этот раз встреча с Брянскими лесами была недолгой. Осенью 1943 года Михаил Ильич вписал в свою биографию название нового фронта — 2-го Прибалтийского. На этом фронте ему суждено было закончить Великую Отечественную войну. Сначала М. И. Казаков был заместителем командующего фронтом, а потом — с января 1944 года — командующим 10-й гвардейской армией.

Заново созданный фронт предназначался для наступления в направлении Идрица, Лудза, Гулбене, Валга. В ту памятную осень на рабочих картах Михаила Ильича все чаще и чаще стали появляться названия латвийских населенных пунктов, городов, рек... Казалось, до границы Советской Латвии — рукой подать, не сегодня-завтра передовые части фронта пересекут ее и ... Но жизнь внесла свои коррективы.

Есть неподалеку от Великих Лук небольшой городок Невель, известный в истории тем, что был основан в царствование Ивана Грозного. В историю же Великой Отечественной войны он вошел в связи со сложной и трудной операцией, проведенной командованием фронта в конце 1943 года. С осени, казалось, ничто не предвещало затяжных боев в районе Невеля. Некоторые дивизии, преодолевая сопротивление слабых групп оккупантов, продвигались на 25—30 километров в сутки. 3-я ударная армия 2-го Прибалтийского фронта и 4-я ударная 1-го Прибалтийского глубоко вклинились в расположения противника, создавая серьезную угрозу тылам Невельской группировки фашистов. Гитлеровское командование понимало, что эта тактическая угроза перерастает в стратегическую опасность для его войск под Ленинградом, Псковом и Новгородом. Чтобы укрепить свое общее положение в Прибалтике, командование группы армий «Север» вынуждено было перебрасывать к Невелю все новые и новые подкрепления. За октябрь, ноябрь и декабрь сюда были переброшены восемь пехотных дивизий, снятых с других Прибалтийских направлений.

Вот так совсем неожиданно небольшой городок Невель и прилегающие к нему районы стали ареной

первого крупного сражения на Прибалтийском направлении.

Там, под Невелем, Михаил Ильич Казаков вступил в командование 10-й гвардейской армией. Много лет спустя, оценивая это назначение, он говорил:

— Конечно, должность заместителя командующего фронтом помасштабнее: я участвовал в разработках почти всех фронтовых операций. Но это все же была не самостоятельная работа. Когда операция начиналась, я, по существу, превращался в исполнителя отдельных, частных поручений командующего... Командарм — лицо более самостоятельное. С этой точки зрения новое назначение было для меня лестным, тем более, что армия была заслуженная, гвардейская.

Этапы освобождения Советской Латвии от немецко-фашистских оккупантов хорошо известны и изучены в достаточной степени. Причем, как это нередко бывает в исторических изысканиях, отдельные эпизоды, факты и детали порой заслоняют собою общую картину сражения. Если же послушать рассказы Михаила Ильича Казакова на эту тему, то они привлекают внимание именно своей масштабностью. И это вполне объяснимо: командарм имеет дело с крупными категориями. Его мышление и видение — пропорциональны тем воинским частям и подразделениям, которые он ведет в бой. Рассказывая о своей 10-й гвардейской армии, прошедшей с боями всю Латвию от Лудзы до Салдуса, Михаил Ильич редко «опускается» до действий полка или батальона. Дивизия, корпус, армия — их действия он знает досконально и поэтому оценивает глубоко, всесторонне.

В чем состоит характерная особенность боев за Советскую Латвию, если их оценивать с позиций командующего армией? На этот вопрос Михаил Ильич дает короткий и недвусмысленный ответ:

— Это была наступательная операция. Если исключить заключительный этап в Курляндии, мы нигде, я подчеркиваю, нигде и никогда — не только не отступали с занятых позиций, но даже не переходили к обороне. Прекрасное слово «Вперед!» было нашим девизом.

Вместе с войсками 10-й гвардейской на латвийскую землю вступили правительство Советской Латвии во главе с Председателем Совета Министров В. Т. Лацисом и некоторые руководители ЦК Компартии республики.

Разумеется, их появление в 10-й гвардейской объяснялось не каким-то особым отношением к ней, а лишь тем, что эта армия продвинулась быстрее соседних. Да и направление ее наступления с подходом к Лудзе и Резекне становилось осевым направлением для фронта.

10-я гвардейская армия вела наступательные бои в полосе, простирающейся по самому центру республики. Левый ее фланг почти все время находился в 20—30 километрах от правого берега Даугавы, а правый — на линии Карсава—Гулбене. В то время это был труднопроходимый район. Дорог тут было мало, зато заболоченных лесов и топей — чрезвычайно много. В таких условиях нечего было и думать о массовом применении артиллерии и танков.

После освобождения Резекне в границы наступления армии почти целиком вошла знаменитая Лубанская низменность. Во всех военно-географических справочниках ее приводили как классический пример непроходимой местности. В центре этой низменности — озеро Лубана, а вокруг — болотные топи, леса и полное бездорожье. Поэтому, несмотря на слабое сопротивление противника, армия продвигалась медленно — не более пяти километров в сутки. Наступление распалось на отдельные очаги. Атаки были преимущественно лобовыми: болота ограничивали маневр.

Много лет спустя, оценивая действия 10-й гвардейской армии при прохождении Лубанской низменности, бывший командующий 2-м Прибалтийским фронтом Маршал Советского Союза А. И. Еременко писал в книге «Годы возмездия»:

«Не знаю, все ли участники этого похода ясно представляют, что они совершили. Переход через Лубанские болота есть выдающийся воинский подвиг. На этой гнилой местности, протянувшейся на десятки километров, считалось невозможным вести боевые действия, тем более — крупными соединениями. Однако войска фронта за десять дней прошли с боями Лубанскую низменность, сбивая врага с оборонительных рубежей, совершая тяжелые обходы по непролазным топям и сбрасывая врага с дорог. Наши герои-гвардейцы шли по наспех проложенным гатям, пробирались по пояс, а то и по горло в болотной воде, перетаскивая на себе свое оружие, — и победили. Честь и слава бойцам и офицерам Лубанского

перехода! Его участники — бойцы и сержанты — не уронили престиж доблестного русского солдата, известного со времен Суворова тем, что для него нет непреодолимых преград. Участники перехода — офицеры — показали такое искусство маневра в сложнейших природных условиях, которым можно по праву гордиться. В Лубане приумножена гвардейская слава!».

Выход 10-й гвардейской армии на Видземскую возвышенность, по существу означал начало новой большой операции — освобождение Риги. Вначале предполагалось, что после Огре армия двинется прямым путем на столицу Советской Латвии. Но потом командование изменило этот план: 10-я гвардейская была переброшена на левый берег Даугавы и завязала бон в районе Задвинья — в Баложи. Вечером 13 октября Москва салютовала в честь двух Прибалтийских фронтов, освободивших Ригу.

— Четырнадцатого октября, — рассказывает Михаил Ильич, — выдался солнечный день. Рижане радостно приветствовали войска 3-го Прибалтийского фронта. А мы еще дрались в южной части города. Нам ожесточенно сопротивлялись три пехотные дивизии противника. Только в ночь на 16 октября мы окончательно выбили их из Пардаугавы.

Рижская операция была завершена. Началась последняя военная операция на Советской земле — ликвидация Курляндской группировки фашистов.

Вспоминая этот этап войны, Михаил Ильич подчеркивает, что в Курляндии советские войска не проводили глубоких наступательных операций, которыми так богат завершающий период Великой Отечественной войны на других направлениях. Не было в Курляндии и высоких темпов продвижения наших войск, таких, как в Белоруссии, на Украине, на Балканах, в Польше и в самой Германии. Затяжной характер борьбы в Курляндии коренился в том, что против нас сражались кадровые, боеспособные солдаты, почти не пострадавшие во время предшествующих сражений. Условия местности также способствовали обороне противника. Ну, а главное, это то, что судьба войны решалась не здесь. Главные силы и основная масса технических средств сосредоточились на Белорусских и Украинских фронтах, перемалывавших основные армии фашистов.

Тем не менее бои на Курляндских рубежах сыграли важную роль в ходе войны и ее победоносном окончании. Ведь за всю войну противник не получил возможности даже в самые критические для него моменты на центральном и южном направлениях подкреплять их за счет своей группы армий «Север». Это особенно относится к последним месяцам войны, когда Гитлер и его окружение ждало подхода подкреплений из Курляндии. Как известно, эти подкрепления так и не прибыли.

Боевые действия в Курляндии прекратились не сразу. Вплоть до 28 мая 10-я гвардейская армия очищала полуостров от остатков вражеских войск, укрывавшихся в лесах.

* *
*

Таков боевой путь Михаила Ильича Казакова. Путь от политбойца до генерала армии. Как и в любой жизни, были на этом пути и свои радости, и свои горести. Кто знает, может быть, горького было даже больше? Но оно не пересилило главного — высокой и благородной цели, во имя которой Михаил Ильич в молодые годы ходил в атаки на фронтах Гражданской войны, а в годы зрелые — водил в атаки крупные соединения Советской Армии. Да, он стал советским военачальником, генералом армии. Но он так и остался скромным русским человеком, для которого возможность любоваться мирным небом, белоствольной березой на берегу затуманенного озера — так же важно и так же необходимо, как и укрепление родной армии, которой он отдал всю свою жизнь.

Сейчас Михаил Ильич живет и работает в Москве. Но он сердцем прирос к Латвии, к ее людям. Да и может ли быть иначе, если с боями прошел по ее земле, если лежат его боевые товарищи под Лудзой и Резекне, у Лубанского озера, в Мадоне, под Ауце и Салдусом? Их не изгладишь из памяти, не вырвешь из сердца . . . Каждый год Михаил Ильич приезжает в Латвию, встречается с рабочими и колхозниками, школьниками, интеллигенцией, военнослужащими. И всегда его рассказы ярки, эмоциональны, никого не оставляют равнодушными.

«Любые фланги» — новая работа Михаила Ильича. Она посвящена латышским стрелкам. Крупный советский военачальник, он, по его словам, «всегда восхищался латышским народом, родившим славную ленинскую гвардию — красных латышских стрелков». Многих из них он знал лично, с другими познакомился заочно, проделав исследовательско-журналистскую работу в архивах, встречаясь и беседуя с участниками гражданской войны.

Книга М. И. Казакова не претендует на всеобъемлющий исторический анализ сражений гражданской войны и действий латышских стрелков. Она представляет интерес как живое свидетельство человека, прошедшего в одном строю с представителями многих народов нашей страны путь борьбы за победу революции, за торжество дела Ленина.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТ «ПУЛЕМЕТНОЙ ГОРКИ» ДО СМОЛЬНОГО

1. ОБЩАЯ ЦЕЛЬ

В один из августовских дней 1919 года я стоял в толпе на окраине уездного городка Никольска бывшей Вологодской губернии и наблюдал, как провожают в Красную Армию призывников. Среди отъезжающих был и Иван Степанович Коиев. Он был тогда нашим уездным военным комиссаром и партийной мобилизации не подлежал. Но он сам отпросился на фронт. Его отпустили, потому что знали — на фронте такие люди нужнее.

Я стоял в толпе и смотрел на Конева не то с завистью, не то с каким-то неосознанным предчувствием. Мне, конечно, не могло тогда и подуматься, что мы провожаем будущего полководца Советской Армии, будущего Маршала Советского Союза . . . И уж конечно, я не мог знать, что четверть века спустя мы с Иваном Степановичем в разгар битвы на Курской дуге будем лежать на обширном неубранном пшеничном поле под плотным минометным огнем фашистов. Мы лежали тогда и молчали, а в моей памяти всплывал и августовский денек в Никольске, и совсем недавние события — бой под Прохоровкой. Бой, которому суждено было войти в историю Великой Отечественной войны.

Многое из пережитого промелькнуло передо мной на этом горестном неубранном поле, где колосья пшеницы падали наземь, срезанные не ножом уборочной машины и не косой, а осколками снарядов и мин.

Было в моей жизни еще одно такое поле. Точнее говоря, не поле, а бескрайнее болото вблизи латвийского озера Лубана. Летом сорок четвертого наша 10-я гвардейская армия форсировала лубанские топи, и в один из тяжелых дней этого наступления я остановился на обширном болоте, наблюдая, как наши солдаты, по пояс в жирной грязи, двигаются вперед и вперед . . .

И вспомнился мне тогда Снваш времен гражданской

войны. Такие же вот фигурки солдат, упорно идущих вперед, навстречу Победе... Тогда же вспомнил я своих боевых товарищей — красных латышских стрелков, освобождавших вместе с другими частями Красной Армии Северную Таврию от белогвардейцев в августе 1920 года.

... После полуночи над Днепром заклубился туман. Тишина стояла такая, будто не было днем ни жаркой перестрелки, ни криков раненых, ни ржания лошадей. Все эти звуки утонули в ночной тиши.

Вдруг на противоположном берегу реки раздалось несколько выстрелов, застрекотал пулемет, ухнула граната. И опять тишина. Липкая, тягучая. Потом в туманной мгле засветилась зеленая ракета.

Это был условный сигнал, означавший, что разведчики сняли белогвардейские заслоны и можно начинать форсирование.

Вот такой припоминается мне ночь с 6 на 7 августа 1920 года, когда началась знаменитая Каховская операция против врангелевских войск.

В начале двадцатого года остатки недобитых деникинских дивизий укрылись в Крыму. Здесь державы Антанты оснастили их оружием и техникой, пополнили офицерским составом и под звон литавр в июне двинули в бескрайние степи Северной Таврии. На первых порах врангелевцы продвигались почти беспрепятственно, поскольку все силы молодой республики Советов были тогда сосредоточены на польском фронте. В. И. Ленин подчеркивал в те дни, что Врангель и паиская Польша являются двумя руками Антанты, которыми она стремится задушить Советскую республику.

В конце июля 1920 года командование Красной Армии разработало план операции и решило захватить плацдарм на левом берегу Днепра в районе Большой и Малой Каховки. С этого плацдарма надлежало начать решительное наступление против Врангеля. В операции участвовала правобережная группа XIII-й армии в составе Латышской, 52-й и 15-й дивизий, имевших 12 960 штыков и сабель при 220 пулеметах и 71 орудии. Кроме того, для их поддержки с Восточного фронта подходила 51-я дивизия В. Блюхера, отличившаяся при разгроме Колчака. В ее составе было около 10 тысяч штыков, 182 пулемета и 24 орудия. У белых было значительно меньше сил, и

основные надежды их командование возлагало на подвижный резерв — конный корпус генерала Барбовича, сосредоточенный в районе села Серогозы.

Операцию красных войск готовили очень тщательно, в строгом секрете. Для форсирования Днепра военные инженеры Латышской и 52-й дивизий Корин и Недзвецкий собрали в округе подручные переправочные средства, подготовили плотики. Возле города Бериславля сосредоточили всю артиллерию с тем, чтобы нанести врагу массированный удар.

Латышская и 52-я дивизии должны были форсировать Днепр у Большой и Малой Каховки, а 15-я — ниже по течению, возле Корсунского монастыря.

В 3 часа ночи 7 августа разведка 3-го латышского полка сбила заслоны противника на левом берегу. За ними переправились разведчики 1-го латышского полка, а потом началось форсирование реки главными силами дивизий. 3-й латышский полк, которым командовал Янис Адамсон, после переправы в 9 часов утра подошел к речке Конке юго-западнее Малой Каховки и завязал бой с передовыми частями белых. В это время 1-й латышский полк (командир Адольф Шнеппе) опрокинул авангард противиика и тоже подошел к Конке, но только с северо-запада. Им на помощь выдвинулся 2-й полк Освалда Лациса. Завязался бой, и в 11 часов эти части совместным ударом выбили белых из Малой Каховки и начали преследовать врага в направлении села Черненька.

Одновременно 5-й и 6-й латышские полки под командованием Адольфа Туппе и Яниса Бривкална переправились через Днепр и в 12 часов после жаркой схватки ворвались в Большую Каховку.

Должен сказать, что меня всегда восхищала высочайшая организация совместных действий латышских подразделений и частей. В то утро 7 августа эта организованность проявилась, иа мой взгляд, особенно ярко.

Мне еще предстоит вернуться к операции на Каховском плацдарме, рассказать и о моем (первом в жизни) бое возле деревни Днепровки. Пока же вернемся на Лубанскую низменность лета 1944 года. Как мне кажется, тогда на болоте я совсем не случайно вспомнил о красных латышских стрелках 1920 года. На протяжении всей своей жизни я не раз убеждался, что многие события, внешне вроде бы между собой и не связанные, соединены

невидимыми нитями. В самом деле, что общего между нашим переходом через Лубанскую пойму и боями латышских стрелков на берегу Днепра? Они разделены и временем и расстоянием. И все-таки они неразрывны, потому что неразрывна связь наших поколений, едина цель, к которой мы шли и в двадцатом и в сорок четвертом годах, к которой мы двигаемся и теперь. Продолжается великая битва за торжество новой жизни, начавшейся в октябре 1917 года, за дело ленинской партии, за коммунизм.

2. ЛОЖЬ И ПРАВДА

В ходе войны стало ясно, что крах царизма неизбежен. Но правительство и господствующие классы все еще призывали продолжать войну «до победного конца», рассчитывая таким путем отсрочить революцию. Эту политику всеми силами поддерживала буржуазия «российских окраин», в том числе и Латвии. Латышская буржуазия усилила шовинистическую пропаганду и агитацию, из кожи вон лезла, чтобы угодить «царствующему дому», кровью латышских рабочих и крестьян купить себе «место под солнцем». Свои корыстные интересы — стремление защитить свои владения, увеличить свой капитал — буржуазия маскировала националистической агитацией, лозунгом освобождения Курземе (Курляндии) от германской оккупации, утверждая, что именно с этой целью и создаются латышские части.

В действительности же создание латышских батальонов было предательством национальных интересов латышского народа. Собрав лучшие силы трудящихся в отдельные батальоны, можно было лишь ускорить их массовое истребление. В условиях, когда вся огромная царская армия под ударами немецких войск терпела неудачу за неудачей, несколько латышских подразделений конечно же не могли разгромить противника и освободить Курземе.

В тот момент, когда шовинизм, который проповедовала буржуазия, уже грозил, казалось, охватить латышский народ и втянуть его в петлю смерти, уверенно и смело прозвучал голос Социал-демократии Латышского края, выступившей против организации латышских батальонов, против войны. По всей Латвии распространились изданные ЦК СДЛК листовки, в которых осуждалась империалистическая война, разоблачалась шовинистическая пропаганда буржуазии. СДЛК рассматривала создание латышских стрелковых батальонов как одно из самых больших преступлений, которые совершила буржуазия по отношению к латышскому народу. Необходимо сделать все возможное для превращения войны в революцию, — эта мысль подчеркивается во всех листовках СДЛК того времени.

Между тем фронт все приближался и приближался к Риге. Эвакуация заводов и фабрик привела к тому, что Рига перестала быть крупным центром промышленности и рабочего движения. Царское правительство и буржуазия громили организации рабочего класса. В таких условиях и началось формирование латышских стрелковых батальонов. (Первые такие части были созданы летом 1915 года. Это были 1-й Усть-Двинский (Даугавгривский) и 2-й Рижский батальоны.) В 1915 и 1916 годах в батальоны было принято около 8 тысяч добровольцев. Это свидетельствовало о том, что народные массы не поддержали авантюру буржуазии.

В начале октября 1915 года немцы предприняли наступление в районе Елгавы (Митавы), прорвали фронт и подошли к Олайне. В этот критический момент латышских стрелков, находившихся на обучении в Риге, поспешно перебросили на фронт в районе Олайне и Слоки. Немцев удалось потеснить за реку Мису, их наступление было задержано, и непосредственная опасность Риге была предотвращена. До марта 1916 года латышские стрелки провели на Рижском фронте несколько смелых атак разведывательного характера.

В июле 1916 года началось наступление русских войск на левом берегу Даугавы, под Ригой. Целью этого наступления было облегчить положение армий, наступающих на Юго-Западном фронте. Туда на помощь австро-венграм спешили немецкие соединения. В июльском наступлении участвовали фактически все латышские батальоны, сражавшиеся плечом к плечу вместе с солдатами 3-й и 12-й Сибирских стрелковых дивизий.

Вот что пишут об этом наступлении авторы «Истории латышских стрелков», выпущенной издательством «Зинатне» в Риге, в 1972 году: «Организация июльского

наступления... была бездарной: командный состав XII армии не сумел использовать значительный перевес в силах, который имелся на стороне русской армии, совсем незначительной была роль артиллерии в операции — отлично замаскированные немецкие опорные точки, располагавшиеся за первой линией окопов, не были даже обнаружены. Совершенно недостаточными оказались разведка позиций противника и наблюдения с воздуха. Тысячи солдат заплатили за это своей кровью и жизнью. В общественных, а также в военных кругах России все более укреплялась мысль, что в поражении повинны только немецкие шпионы и предатели. Один из черносотенных депутатов Государственной думы Пуришкевич 20 июля 1916 года телеграфировал военному министру о положении на Северном фронте: «Предательство процветает, и за немецкие гроши в буквальном смысле слова приносится в жертву наша прекрасная, бравая армия. 3 июля этому предательству были принесены в жертву латышские стрелковые батальоны. Завтра или послезавтра за ними последуют другие боевые части»[1].

Однако тяжелые потери и неудачи XII армии объясняются не только хорошо налаженной разведкой противника, а причинами, о которых Пуришкевич предпочитал помалкивать. Я имею в виду руководство операцией командованием Северного фронта, XII армии. Даже самому непредубежденному специалисту видно, что в этой операции нет и намека на взаимодействие частей, серьезной артиллерийской обеспеченности, продуманных фланговых ударов.

Весной и летом 1916 года латышские и сибирские стрелки вели бои на Острове Смерти — Икшкильском предмостном укреплении. Не вдаваясь в подробности, скажу только, что оборона здесь носила затяжной характер, потребовала значительных жертв. Немецкая артиллерия буквально простреливала насквозь весь Остров Смертн. К тому же здесь были применены газы, от которых погибли два батальона 173-го Каменецкого полка.

После окончания первой мировой войны латышские буржуазные националисты (да и часть генералов бывшей царской армии, окопавшихся в белой эмиграции)

[1] История латышских стрелков. Рига, «Зинатие», 1972, с. 72.

пытались возвести бои на Острове Смерти в ранг «высочайшего военного искусства» и «высочайшего человеческого мужества». Примеров героизма и мужества солдат на Острове Смерти действительно было немало. Но в военном отношении эта операция совершенно никчемна, поскольку обороняющаяся сторона не выполнила основную задачу — изолировать Яунелгавскую войсковую группировку противника от Рижской группировки. Таким образом кровь латышских и русских солдат на Острове Смерти была пролита напрасно.

Такой же оценки, на мой взгляд, заслуживают и печально известные бои у так называемой «Пулеметной горки», явившейся частью «Рождественского наступления» русских войск в 1916 году.

Осенью того года Организационный комитет (т. е. латышская буржуазия) предложил мобилизовать для службы в армии всех мужчин в возрасте от 19 до 45 лет, проживавших на неоккупированной территории Латвии. Батальоны были реорганизованы в полки, и к концу 1916 года имелось уже 8 латышских стрелковых полков, насчитывавших в декабре 1916 года примерно 24 тысячи стрелков и 500 офицеров. В Запасном полку имелось 13 555 человек[1]. В основном полки состояли из рабочих, батраков, беднейших крестьян и других трудящихся. Как известно, именно это обстоятельство во многом определило их большевизацию, а впоследствии — в мае 1917 года — бесповоротный переход на сторону Ленина, Октябрьской революции.

Но не будем опережать события и посмотрим, что произошло на «Пулеметной горке». Эти бои явились составной частью декабрьского наступления XII армии, задуманного командованием «всего лишь как демонстрация местного значения». Артиллерия XII армии не была в состоянии разрушить хорошо укрепленные позиции немцев. К тому же командующий XII армией генерал Радко-Димитриев приказал сибирским и латышским стрелкам атаковать без артиллерийской подготовки.

Наступление в районе озера Бабите предусмотрено было начать силами 3-й Сибирской дивизии и латышских стрелков. Эти части образовали ударную группу, которой в соответствии с приказом по XII армии и 6-му

[1] История латышских стрелков, с. 75.

Сибирскому стрелковому корпусу следовало отбросить противника на Иецаву и Лиелупе и наступать в направлении Елгавы.

Наступление началось рано утром 23 декабря. Главный удар нанесли полки 2-й латышской бригады, которые, наступая в Тирельском болоте между «Пулеметной горкой» (так называли сильно укрепленную дюну на правом берегу реки Лиелупе к северу от пос. Калниемс) и местечком Мангали. Без помощи артиллерии, проявив невиданный героизм, полки заняли три линии немецких укреплений на фронте шириной в 6 км и вклинились в немецкую оборону на глубину 4 км. Латышские полки и 3-й батальон 10-го Сибирского полка вели бои почти в полном окружении, и им приходилось отражать контратаки свежих сил немцев.

Командование решило, что наступление в направлении Елгавы сорвалось, и стремилось любыми средствами взять «Пулеметную горку». Генерал Триковский приказал полкам 2-й Латышской бригады атаковать «Пулеметную горку» с юга (с тыла), а сибирским стрелковым полкам — с фронта. «Пулеметная горка» была занята около полудня 25 декабря.

В последующие дни командование армии несколько раз повторяло приказы о продолжении наступления, чтобы занять Калниемс теми же силами, которые, начиная с 23 декабря, непрерывно находились в боях, в снегу, под открытым небом, без горячей пищи и воды, неся огромные потери. Латышские стрелки отказались идти в наступление по открытому полю, без артиллерийской подготовки.

Наступление было прекращено 31 декабря. В результате «рождественских боев» XII армия заняла территорию примерно в два квадратных километра — «Пулеметную горку», — но за этот (не такой уж важный в оперативном отношении) рубеж заплатила жизнями 19 147 человек. Латышские стрелковые полки потеряли в этих боях 5364 человека[1].

И тогда, и много лет спустя латышская националистическая буржуазия создавала вокруг боев за «Пулеметную горку» ореол «национальной гордости» и «национальной славы». При этом апологеты буржуазии всячески

[1] История латышских стрелков, с. 82.

восхваляли «латышское воинство», грудью шедшее на немецкие окопы. В канцеляриях и хозяйственных частях Запасного латышского стрелкового полка, в комитетах и приютах беженцев от фронта спасались многие сынки латышской буржуазии. Некоторые писатели (например, К. Скалбе и Я. Акуратер), сидя в тылу, сочиняли хвалебные песни во славу преступной войны. Все они превозносили войну и латышские стрелковые полки, так как благодаря им «занимали теперь обеспеченное положение» и надеялись получить кое-что «после победы». Мысли и чувства всех этих тыловиков, строивших собственное благополучие на народной крови, выразил пастор Малдонис. Он провожал стрелков на фронт циничным напутствием: «Идите братья! Мы за родину будем молить бога, вы за нее будете молиться своей кровью».

Нагромоздив вокруг «Пулеметной горки» (и других боев 1916 года) горы лжи, латышская буржуазия пыталась скрыть за нею правду: русские и латышские солдаты погибали в этих боях за чуждое им дело, причем погибали большей частью из-за бездарности командования, плохой организации и низкой технической оснащенности операций. Но правда этих боев заключена и в другом: солдаты все сильнее и сильнее ненавидели кровопролитную войну, все смелее становились под знамя большевиков.

В некоторых современных статьях о боях 1916 года вообще и «Пулеметной горке» в частности, делается, на мой взгляд, неправильный вывод, что с атаки на Тирельском болоте начался боевой путь легендарных латышских красных стрелков. Это не так. Ведь в этих боях латыши (как и сибирские стрелки) отстаивали не свои классовые интересы, а чуждые им интересы помещиков и капиталистов. Да, в этих боях они набирались воинского мастерства и опыта (к сожалению, очень дорогой ценой), но подлинно революционными латышские стрелки стали позднее — с мая 1917 года, когда на II съезде заявили о поддержке Ленина и большевиков, когда отстаивали подступы к Петрограду от предательского удара Корнилова.

... Осенью 1944 года части нашей 10-й гвардейской армии вели бои на подступах к Риге. Вели в тех самых местах, где зимой 1916 года, весной и летом 1917 года сражались сибирские и латышские стрелки. Нередко

случалось, что наши гвардейцы просто-напросто углубляли, восстанавливали разрушенные временем окопы, артиллерийские позиции или пулеметные гнезда, отрытые здесь три десятилетия назад при зашите Риги от германского вторжения, при ликвидации корниловской авантюры.

Я умышленно опускаю подробности январских (1917 г.) боев латышских стрелков. Эти сражения были логическим продолжением предшествующих операций и ни по замыслу, ни по воплощению от них не отличались. С 10 по 21 января 1917 года русские войска в районе Риги потеряли в боях 26 168 солдат. Латышские стрелковые бригады, насчитывавшие 24 тысячи человек, в «рождественских» и январских боях потеряли около 37,5% состава[1].

Реакционные генералы и офицеры буржуазной Латвии впоследствии старались внушить народу, что эти жертвы были исторнчески необходимы, что, дескать, этими боями латыши вошли в доверие союзников, сыграли такую «важную роль» в создании «независимой» Латвии. Иные из буржуазных националистов договаривались до откровенного цинизма, утверждая, что огромные жертвы стрелков послужили на пользу народу, так как в случае ухода немцев из Прибалтики изменился бы ход войны, в России не вспыхнула бы революция, Латвия не стала бы «независимой» и т. д.

И в ходе боев, и после них латышские большевики разоблачали шовинистическую и националистическую пропаганду буржуазии, вели большую разъяснительную работу в массах трудящихся, среди солдат. Например, до Февральской революции СДЛК издала более ста листовок, общим тиражом 850 тысяч экземпляров. А всего большевистские организации России, в том числе СДЛК, за годы войны издали примерно 450 листовок тиражом около двух миллионов экземпляров[2].

В этих листовках доступным для солдат языком разоблачались империалистические цели войны, реакционная политика царизма, рассказывалось о предательстве и продажности генералов и чиновников. В каждой листовке содержался призыв бороться за свержение самодержавия, за демократическую Россию, за прекращение войны.

[1] История латышских стрелков, с. 91.
[2] Там же, с. 94.

Большое революционизирующее влияние на массы солдат оказывали большевики, призванные в армию. Летом 1916 года в Запасном батальоне был создан нелегальный социал-демократический кружок «Пелекие» («Серые»), вскоре развернувший широкую пропагандистскую работу в латышских полках. Кружок вошел в состав Виденской организации СДЛК, установил связь с Петроградским комитетом РСДРП(б).

Большевистская пропаганда имела самые серьезные последствия на всем Северном фронте. Недаром на совещании комаидующих фронтами в Ставке 17—18 декабря 1916 года главиокомандующий войсками Северного фронта генерал Рузский жаловался: «Рига и Двинск — несчастье Северного фронта, особенно Рига. Это — два распропагандированных гнезда»[1].

Деятельность Социал-демократии Латышского края в условиях империалистической войны высоко оценил В. И. Ленин. Известный латышский революционер Ян Берзинь-Зиемелис по поручению Ленина написал отчет о работе латышских большевиков на фронте. Этот отчет был опубликован в редактированном В. И. Лениным сборнике статей «Сборник социал-демократа» с примечанием редакции: «С величайшим удовольствием печатаем мы статью, которая рисует громадную интернационалистскую работу, выполненную нашими латышскими товарищами и друзьями. Честь и слава революционным латышским пролетарням! . .»[2].

3. ПОД КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Сейчас мне предстоит рассказать, как латышские стрелки все активнее становились под большевистские знамена, как они стали латышскими красными стрелками. Знакомясь с документами того времени, с воспоминаниями очевидцев и участников событий, ставших уже историей, я думаю, о том что точно такой же путь — от стихийного протеста до сознательной борьбы — прошли не только латышскне полки, но и очень многие другие воинские части царской армии. Но латышские стрелки

[1] Разложение армии в 1917 году. М., 1925, с. 7.
[2] Сборник социал-демократа. II, дек., 1916., с. 51.

наиболее ярко сконцентрировали в себе и революционную сознательность, и революционную волю, и революционный порыв. Поэтому они сыграли такую большую роль накануне Октября и в последующие годы. Поэтому мы без капли преувеличения называем латышских красных стрелков ленинской гвардией Октября.

Хочу предупредить читателя, что почти не буду касаться общеполитических событий, происходивших в России весной и летом 1917 года. Не говорю я и о большевизации русской армии в целом, поскольку эта тема выходит за границы данной книги.

Итак, 1917 год. Весна. Свершилась Февральская буржуазная революция. Самодержавие выброшено, как тогда говорили, «на свалку истории».

На фронте все было почти без перемен. По-прежнему лилась кровь. По-прежнему «унтеры» гнали солдат в атаки, а «война до победного конца» становилась войной без конца, без края. Но...

Но в окопах все-таки многое изменилось. И прежде всего в корне изменилось отношение солдат к войне. Программа борьбы за социалистическую революцию, выдвинутая в Апрельских тезисах В. И. Ленина, нашла самую широкую поддержку в умах и сердцах солдат. Эта ленинская правда побеждала на жарких митингах в схватках с монархическим офицерьем, с эсерами и меньшевиками. Она прокладывала себе путь через весеннюю распутицу, через залитые талой водой окопы, первыми грозами грохотала над невспаханными полями, звала к новой переделке жизни.

С 19 по 22 апреля в Москве проходила XIII конференция СДЛК и латышских групп РСДРП(б). На этой конференции, в соответствии с Апрельскими тезисами В. И. Ленина, были приняты решения о войне и мире, о переходе революции на новый этап, об отношении к Временному правительству. Решения этой конференции интересны еще и тем, что в них содержится мысль о прочном союзе Латвии с революционной Россией, резко осуждается великорусский шовинизм, местный национализм и национальная ограниченность. Решения конференции оказали самое прямое воздействие не только на ход работы II съезда латышских стрелков, который состоялся в середине мая, но и на весь последующий путь латышских полков.

Апрель вообще характерен быстрой революционизацией латышских стрелков. Когда знакомишься с решениями массовых собраний стрелков и полковых комитетов, убеждаешься, что политические взгляды латышей неуклонно становились большевистскими. Особенно резко стрелки выступали против продолжения войны в интересах буржуазии. В этом отношении характерна резолюция членов СДЛК 8-го Вольмарского полка, принятая 11 апреля. В ней подчеркивается, что война имеет империалистический характер, что она ведется в интересах капиталистов, что надо заключить мир без аннексий и контрибуций.[1] В постановлении собрания делегатов рот и команд Запасного латышского стрелкового полка отмечается, что «продолжение войны ставит под угрозу свободную Россию и развитие революционной борьбы», поэтому ставится задача «агитировать за быстрейшее начало мирных переговоров и заключение мира между обеими воюющими сторонами без аннексий и контрибуций, на основе права народов на самоопределение»[2].

Нельзя не сказать и о братании, которое весной 1917 года охватило всю армию России. Известный советский кинорежиссер Борис Барнет в 1933 году снял художественный фильм «Окраина», вошедший в золотой фонд нашей кинематографии. В этом фильме очень ярко и очень точно показано братание — активное проявление антивоенных настроений солдат. Проходило братание отнюдь не в спокойной, доверительной обстановке. Наоборот, зачастую братующиеся стороны действовали под артиллерийским и пулеметным огнем, их преследовали офицеры, а подосланные провокаторы раздували вражду, срывали встречи немецких и русских солдат. Братание было совершенно новой формой революционной антивоенной борьбы. Оно подрывало дисциплину и шовинистические основы старой армии, пробуждало в солдатах классовое сознание и интернационализм. Братание латышских стрелков с немецкими солдатами показало, что «окопники» намерены взять дело мира в свои руки, хотят революционным путем прекратить войну... В начале мая командующий XII армией генерал Радко-Димитриев, признавая свое бессилие, докладывал главнокомандую-

[1] История латышских стрелков, с. 126.
[2] Там же, с. 129.

щему войсками Северного фронта генералу Драгомирову, что на фронте ширится братание. Солдаты 21-го корпуса переправляются через Даугаву для встреч с немецкими солдатами, а некоторые части 2-го Сибирского корпуса самовольно заключили перемирие с противником[1].

В конце марта при Рижском комитете партии образовалась Военная организация СДЛК XII армии. Она поддерживала постоянную связь с Петроградской Военной организацией РСДРП(б). Пропагандистами в латышских полках работали известные политические и военные деятели Ян Фабрициус, Эрнест Викман, Юлий Данишевский, Карл Петерсон, Семен Нахимсон, Теодор Драудынь и многие другие большевики.

Меры, предпринятые СДЛК по укреплению военных организаций, способствовали сплочению революционных сил XII армии и их борьбе за свержение власти капиталистов и помещиков. Об этом свидетельствует и рост рядов организации СДЛК в латышских полках. Например, в конце марта 1917 года в полках было немногим более 700 членов партии, в начале мая их число достигло тысячи, в начале июля — более 1800, а в середине августа того же года — примерно 3000 человек[2].

О крепнущем авторитете большевиков говорит и тот факт, что во время выборов на II съезд делегатов латышских стрелковых полков большинство мандатов получили члены СДЛК или стрелки, поддерживавшие большевиков.

Съезд делегатов латышских стрелковых полков открылся 12 мая в Риге, в помещении театра «Интерим». (Во время одного из посещений столицы Советской Латвии мне показали место, где находился театр: на бульваре Кронвальда, где теперь раскинулись теннисные корты.) На съезде присутствовало 226 делегатов.

Мне довелось ознакомиться с протоколами работы съезда. Я листал исписанные каллиграфическим почерком страницы и выцветшие от времени строки и слышал живые человеческие голоса...

Вот говорит Петр Стучка:

---

[1] Революционное движение в русской армии в 1917 г., с. 82.

[2] Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции. 1917. Документы и материалы. Рига, 1963, с. 833.

— Мы должны взять государственную власть в свои руки, и тогда пролетариат других воюющих стран сможет... пойти нам навстречу.

А вот звучит страстный голос одного из видных большевиков Латвии — Яна Ленцмана:

— Латвия может быть свободной только тогда, когда благодаря революции вырастет свободная Россия!

Вдохновенно и пламенно говорил Юлий Данишевский:

— Долой войну! Да здравствует классовая борьба трудящихся! Никакой поддержки Временному правительству!

Группа меньшевиков попыталась было помешать говорить Ю. Данишевскому. Но зал единодушно стал на его сторону. Отовсюду слышались крики: «Долой черносотенцев, буржуев!».

Выступали на съезде и противники большевиков — сторонники Временного правительства и разного рода соглашатели. Весьма недвусмысленной была речь генерала Радко-Димитриева:

— Герои-латыши! Все мы трудящиеся — и офицеры, и стрелки. У нас одни интересы... Не пожалеем крови за нашу победу!

Полковник Гоппер — служака и карьерист — потребовал:

— Надо дать власть офицерам, иначе хаос, анархия! Мы солдаты и должны идти в бой.

Писателя-националиста Я. Акуратера стрелки прогнали с трибуны, когда он воскликнул:

— Наше спасение — в единении с Временным правительством!

Как видим, борьба на съезде развернулась жаркая, непримиримая. Стоит, наверное, сказать, что в те годы собрания трудящихся обычно проходили очень бурно и активно. В моей родной Великуше крестьянские сходки редко обходились тогда без рукопашной. Это и естественно: народ начинал понимать, что безмолвием и бездействием не скинешь «вековечного» ига помещиков и капиталистов, не избавишься от кулаков-мироедов или офицеров-черносотенцев.

II съезд делегатов латышских стрелковых полков 17 мая принял большевистскую ленинскую резолюцию.

В этом документе война характеризуется как империалистическая, поэтому революционные силы должны бороться за мир без аннексий и контрибуций, должны прогнать свои империалистические правительства. В резолюции подчеркивалось, что войну можно прекратить только революционным путем. Стрелки прямо заявили: «Нашим лозунгом и ныне является призыв революционной демократии: всю власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

В специальной телеграмме, отправленной В. И. Ленину, делегаты II съезда латышских стрелков писали: «Мы приветствуем Вас как величайшего тактика пролетариата России, подлинного вождя революционной борьбы, выразителя наших дум и желаем видеть Вас в нашей среде»[1]. Приветствия были отправлены также К. Либкнехту, П. Стучке, Ф. Розиню и Я. Райнису, а также большевистским газетам «Правда» и «Циня».

День 17 (30) мая 1917 года навсегда вошел в историю латышских стрелков, историю латышского народа как день окончательного перехода стрелков на сторону революции, Ленина. Латышские стрелки стали красными стрелками — по существу первым крупным военным формированием социалистической революции. Разумеется, резолюция 17 мая, а с нею окончательный переход стрелков на сторону большевиков были не случайными. Они объясняются многими причинами, из которых я бы выделил три главных: 1. Широкая разъяснительно-организационная работа большевиков в полках, 2. Классовая ненависть трудящихся, одетых в серые шинели, к своим угнетателям, бившаяся в сердцах людей еще со времен революции 1905—1907 годов, 3. Пролетарское и полупролетарское происхождение подавляющего большинства стрелков.

Годы спустя, вспоминая этот исторический день, Юлий Данишевский напишет: «17 (30) мая латышские стрелки стали армией пролетариата Латвии, армией рабочего класса. Силы рабочего класса Латвии возросли десятикратно после решения стрелков, принятого 17 (30) мая. Рига и вся Латвия стали одним из главных центров пролетарской революции»[2].

[1] Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции, с. 127.

[2] История латышских стрелков, с. 137.

Итак, с 17 мая 1917 года из помещения полузабытого театра «Интерим» начинается бессмертный путь латышских красных стрелков в социалистической революции. Будут на этом пути бои под Ригой и Петроградом, в Москве и под Кромами, на Волге и на Каховском плацдарме, среди вишневых садов Украины и в бескрайней сибирской тайге. Стрелки переживут радость побед и горечь поражений, многих из них не дождутся матери в родном краю, другие станут крупными партийными, военными или хозяйственными руководителями. О них станут складывать песни и легенды, а они... Они останутся скромными людьми, верными гвардейцами революции.

4. НАКАНУНЕ

Я уже говорил, что осенью сорок четвертого мы прошли с боями по тем самым местам в окрестностях Риги, где в 1916—1917 годах сражались сибирские и латышские стрелки. Напомню, что поля, болота и леса вокруг Риги на протяжении веков не раз были ареной кровопролитных боев. Но из всех этих сражений наши историки совершенно справедливо выделяют августовские бои 1917 года. И совсем не потому, что они отличаются какими-то особыми тактическими новшествами или были необычайными по количеству, скажем, станковых пулеметов на каждый километр фронта. Совсем нет!

Историческое значение этих боев состоит в том, что они в огромной степени способствовали разгрому мятежа Корнилова и приблизили начало социалистической революции.

Фактическая сторона корниловского мятежа описана достаточно полно и широко. Поэтому не буду повторять известное. Скажу только, что этот, первый, по существу, контрреволюционный мятеж открыл собой целую серию антинародных выступлений, которые включат в себя и левоэсеровскую авантюру, и «заговор послов», и кровавую расправу с Советами в Ярославле, и выступления белочехов, а завершатся бандитскими налетами Булат-Балаховича на пограничные районы молодой республики. Во многих операциях по ликвидации очагов контрреволюции участвовали латышские стрелки.

В августе семнадцатого под Ригой сложилась напряженная обстановка. Кайзеровские войска готовились прорвать фронт и двинуться на революционный Петроград. Верховный главнокомаидующий армии генерал Корнилов своим выступлением на так называемом Государственном совещании 12 августа фактически спровоцировал немцев на наступление, заявив, что «неустойчивость нашей армии не даст нам возможности удержаться на побережье Рижского залива, дорога к Петрограду будет открыта» и Рига потеряна[1].

Напряженность усугублялась тем, что контрреволюционное комаидование фронтом не столько уделяло внимание укреплению боеспособиости частей, сколько борьбе с процессом революционизирования армии. Игнорируя совершенно бесспорные данные о готовящемся немецком иаступлении, командование ослабляло и даже оголяло отдельные участки фронта, совершенно бесцельно «маневрировало» полками 2-го и 6-го Сибирского корпусов, отдельными батальонами 13, 43 и 21-го стрелковых корпусов, создавая видимость оперативной подготовки к отражению германских атак.

В 5 часов утра 18 августа немецкая артиллерия открыла огонь по русским позициям на правом берегу Даугавы. Около 600 немецких орудий сначала стреляли химическими, а потом — обычными снарядами. Ураганный этот огонь нарушил связь командования с окопами, на передовой, окутаниой парами газа и дымом, стало нечем дышать — гибло все живое. В кратчайший срок погибло около половины состава 186-й дивизии[2].

Внеся таким образом полную дезоргаиизацию в русские позиции, немцы навели через Даугаву три понтонных моста и, не понеся никаких потерь, форсировали реку. К часу дня они заняли Икшкиле и его окрестности.

И тут произошло то, что, к сожалению, довольно часто случалось в годы первой мировой войны: вместо того, чтобы сконцентрировать резервы в один мощный кулак и нанести им единый контрудар по противнику, командование стало бросать в контратаки отдельные полки и даже батальоны. Разумеется, такие «комариные» укусы не дали никакого результата. Контратакующие части были рассеяны сильным артиллерийским и пулеметным огнем противника.

[1] Архив Октябрьской революции. 1917 г. в документах и материалах. Под ред. М. Н. Покровского. Государственное совещание. М.—Л., 1930, с. 62, 65.

[2] История латышских стрелков, с. 166.

Мне могут сказать: легко вам, из дали лет, критиковать действия командоваиия русских войск. Попробовали бы действовать на месте командира 43-го корпуса генерала Болдырева... Став на место тогдашних командиров, спрашиваю себя: а как бы я стал действовать в тех условиях? И говорю: только мощным контрударом. Штаб же XII армии не делал этого не только из-за бездарности командования, и не только потому что не ориентировался в ситуации, сложившейся на передовой. Главное: командование не хотело остановить германские части, не хотело удерживать Ригу. Даже под угрозой полного окружения XII армии!

Но в этих боях, впервые в истории первой мировой войны крупные подразделения солдат начали ожесточеннейшее сражение вопреки воле командования. Они шли в бой не по приказу свыше, не под давлением «господ офицеров», а добровольно, по собственной инициативе.

Из всех локальных боев, развернувшихся 19—25 августа под Ригой мне бы хотелось выделить бои 2-й латышской стрелковой бригады у Малой Юглы. Она занимала оборонительные позиции на линии Шталы-Мелимугуре-Скрипте-Вилишкалны-Тинужи протяженностью 15 километров. В центре обороны, у хутора Скриптес, по обе стороны большака, занял позиции 5-й Земгальский полк под командованием полковника Ноакима Вациетиса. Справа от него находился 8-й Вольмарский полк, а слева 6-й Тукумский. 7-й Бауский полк был в резерве. Вместе с латышскими стрелками на этих позициях сражались и отдельные подразделения 130-го Херсонского пехотного полка.

В составе 5-го Земгальского полка к началу боев было 1600 стрелков: он имел 27 станковых пулеметов и восемь бомбометов; полк поддерживали одно тяжелое орудие и две легкие батареи, имевшие в общей сложности 800 снарядов. Примерно такой состав и такое же техническое оснащение имели и остальные полки, оборонявшиеся у речки Малая Югла.

По сравнению с превосходящими силами противника, такое оснащение было ничтожным. Но латышские стрелки героически защищали свои позиции.

Годы спустя Иоаким Вациетис напишет: «Теперь мы ясно видели, что нашим единственным и верным оружием являются наше мужество и наши пулеметы, ружья и ручные гранаты. Нам предстояло подготовиться к самому ожесточениому траншейному бою»[1]. Эти скупые строчки очень точно, на мой взгляд, характеризуют состояние стрелков перед боем. Они дают некоторое представление и о Иоакиме Вациетисе — советском военачальнике, чьи лекции я слушал в тридцатые годы в Академии им. М. В. Фрунзе. Впрочем, у меня еще будет повод и время рассказать об этом человеке . . .

После мощной артиллерийской подготовки утром 20 августа немцы пошли в атаку. Основной их удар был нацелен на трехкилометровые позиции 5-го Земгальского полка. По свидетельству участников боев, полку пришлось выдержать натиск почти всей 2-й гвардейской дивизии немцев. Первые атаки, сопровождавшиеся сильным огнем артиллерии, стрелки отразили успешно. К середине дия немецкая артиллерия усилила огонь. На правом фланге обороны полка была полностью уничтожена рота стрелков. Это грозило прорывом обороны и на этот участок была послана команда разведчиков и рота резерва из 7-го Бауского полка.

Одна за другой захлебывались немецкие атаки. Перед траншеями латышских стрелков оставались сотни трупов. Но положение оборонявшихся все же становилось с каждым часом труднее и труднее. Кончились снаряды, редели ряды стрелков, а обещанные командованием резервы не прибывали.

Между тем бой почти на всем протяжении обороны латышских стрелков проходил у самых траишей. Окопы переходили из рук в руки, вспыхивали яростные рукопашные схватки. Две недели спустя газета «Латышский стрелок» поместила заметку одного из участников боев, в которой так описывался заключительный эпизод этого сражения: «Резервы бригады были исчерпаны, пришлось полагаться лишь на собственные силы. Неприятельские цепи одна за другой шли на нас. Через лежащие среди заграждений иемецкие трупы бежали их пьяные товарищи. Для нас начался самый ужасный эпизод боя. В ход были пущены пулеметы, ручные гранаты, приклады,

[1] История латышских стрелков, с. 168.

котелки, камни и кулаки. Имению здесь латышские стрелки доказали свою храбрость и стойкость. В некоторых местах стрелки под руководством своих офицеров бросались на немцев и с помощью штыков отбрасывали их далеко от наших окопов»[1].

Во второй половине дня немцам удалось занять траншеи 6-го Тукумского полка. 5-му Земгальскому полку угрожало окружение, и полковник И. Вациетис дал приказ об отходе. Были собраиы последние резервы полка и выставлены в качестве арьергардного заслона. Это дало возможность основным силам полка без потерь оторваться от противника и занять позиции у речки Большая Юглa. Через день 2-я бригада была оттянута к Нитауре.

21 августа немцы вошли в Ригу. 25 августа части XII армии заняли Венденские (Цесисские) оборонительные рубежи. После жестоких боев у Малой Юглы немцы не имели уже сил продолжать наступление и перешли к обороне. Но к этим боям я еще вернусь. А сейчас . . .

Сейчас мне бы хотелось подчеркнуть, что непродолжительные по времени бои у Малой Юглы «особой строкой» вписаны в историю латышскнх стрелков. Массовый геропзм, проявленный стрелками, дал возможиость вывести из окружения 2-й и 6-й Сибирские корпуса и избежать разгрома всей XII армии. Обороняя кое-как отрытые окопчики у Малой Юглы, латышские стрелки вместе с русскими солдатами защищали революционный Петроград — будущую колыбель Октября. Там, у Малой Юглы, были разбиты отборные кайзеровские полки — верный оплот международной реакции. Там же были развеяны утверждеиия буржуазии и контрреволюционных офицеров о неспособиости революционных полков сопротивляться немецкому наступлению. Наоборот, эти бои доказали, что только «революционные части оказали самое ожесточенное сопротивление врагу, ибо революционное сознание повелевало им выполнить свой долг»[2].

И тогда, в 1917 году, и позже буржуазия и контрреволюционные генералы взваливали всю вину за падение Риги на революционных солдат — как раз тех солдат, которые жизнями своими преградили путь врагу. Никто из этих «объективных исследователей» (так они себя

[1] «Латышский стрелок», 1917, 6 сент.
[2] История латышских стрелков, с. 172.

именовали) не делал даже попытки проанализировать распоряжения командования Северного фронта, XII армии. Такая, с позволения сказать, «слепота» объясняется очень просто: клеветой на большевиков корниловцы хотели подорвать авторитет революционных организаций армии. Немаловажную роль в этой клевете сыграло то, что после отступления из Риги солдаты многих частей и соединений требовали, чтобы их командиры были отданы под суд за предательство и трусость.

Мы знаем из истории, что сдачу Риги генерал Корнилов и контрреволюция вообще хотели использовать как сигнал для начала мятежа и захвата власти в стране. Контрреволюционные части двинулись на Петроград. Единственной силой, способной противостоять контрреволюционным мятежникам, были большевики, рабочие Петрограда, моряки Кронштадта. Они и подавили мятеж. Но нельзя забывать, что солдаты XII армии, особенно латышские стрелки, были готовы выступить на помощь Петрограду. Стрелки Запасного полка, например, телеграфировали 29 августа Центральному Исполнительному комитету Советов: «Распоряжайтесь нашими штыками против контрреволюции»[1].

«Распоряжайтесь нашими штыками...» Какие точные, какие емкие слова! Читаешь их теперь, шестьдесят лет спустя, и начинаешь глубже понимать настроение того горячего революционного времени, по-новому смотришь на события, не имеющие, казалось бы, прямого отношения к дням сегодняшним. А потом ловишь себя на мысли, что вот такая беззаветная преданность делу Октября свойственна всем поколениям советских людей, что она не исчезает ни в мирные дни, ни в годины военных испытаний.

Да, там, в окопах у Малой Юглы, латышские стрелки отдали себя в полное распоряжение революции, помогли разгрому контрреволюционного мятежа и приблизили наступление социалистической революции.

После падения Риги латышские большевики призвали рабочих, безземельных крестьян и стрелков Латвии не поддаваться унынию и панике, неустанно продолжать революционную борьбу под ленинским лозунгом: «Большевики могут и должны взять государственную власть в

[1] ЦГАОР СССР, ф. 6978, оп. 1, д. 265, л. 49.

свои руки». Характерно, что во всех важных партийных документах тех дней подчеркивается необходимость увязать борьбу пролетариата Латвии с революционным движением всей России. Эта интернационалистская мысль постепенно становится доминирующей и в решениях и в действиях латышских красных стрелков. Мне особо хочется подчеркнуть, что интернационалистские черты характера стрелков выковывались не в мирные, безоблачные дни, а в жесточайших схватках с контрреволюцией, когда вопрос: «с кем ты?» — нередко был вопросом жизни или смерти. Тогда, в августе—сентябре семнадцатого, многие из стрелков навсегда расставались с отчим краем, навсегда уходили с берегов Даугавы, чтобы сражаться за революцию на берегах Волги, Днепра, Енисея. Для многих латышей земля России, Украины, Средней Азии, Белоруссии станет родной и близкой. Многие из них навсегда полегли в этой земле, не оставив после себя даже могильного холмика, но их голоса — голоса истинных интернационалистов-ленинцев — и спустя десятилетия, услышали новые поколения советских людей.

Той памятной осенью, накануне Октября, происходил быстрый рост рядов большевистской партии. Если до корниловского мятежа большевистские организации и ячейки были только в полках, входивших в Левый блок, то теперь они были образованы почти во всех полках и подразделениях XII армии. Этому способствовало учреждение в латышских полках и бригадах должности комиссаров. Они контролировали деятельность командного состава и штабов. Причем приказы командования без подписи комиссара были недействительны.

Первым комиссаром латышских полков был назначен Семен Нахимсон (Михальчи). В двадцатые и тридцатые годы я служил в Красной Армии со многими бывшими латышскими стрелками. Они не раз рассказывали мне о своем боевом пути. И всегда в этих рассказах присутствовал Семен Нахимсон — человек короткой, но яркой жизни.

Он родился в 1885 году в Лиепае. Еще юношей он вошел в революцию: разбрасывал прокламации, вел агитационную работу в учеиических и рабочих кружках. В бурном 1905 году Нахимсон принимает активное участие в революционном движении лиепайских рабочих, солдат и матросов, входит в лиепайскую военную организацию,

которая, наряду с рижской, считалась одной из лучших военных большевистских организаций России... Поражение революции заставило Нахимсона эмигрировать. Заочно был осужден и приговорен к смертной казни.

Несмотря на смертный приговор, Нахимсон нелегально возвращается в Россию, работает в военной социал-демократической организации Каунаса, которая делегировала его на V съезд партии в Лондон. После разгрома каунасской организации Нахимсон переехал на подпольную работу в Брест-Литовск, но преследование полиции заставило его снова эмигрировать. Он усиленно изучает общественные науки и в Берне получает диплом доктора философско-экономических наук.

С началом войны Семен Нахимсон становится начальником санитарного отряда и использует свое служебное положение для подпольной агитационно-пропагандистской работы. В начале 1917 года его арестовали за большевистскую пропаганду и предали военно-полевому суду. На этот раз от смерти его спасает Февральская революция.

Весной и летом 1917 года Семен Нахимсон находился в Петрограде, был членом Петроградского комитета РСДРП(б), членом ЦИК, членом военной секции Петросовета. Нахимсон участвовал в историческом VI съезде партии большевиков, нацелившем партию на вооруженное восстание, на социалистическую революцию.

Комиссар Нахимсон имел прочный авторитет среди стрелков. Достаточно сказать, что во время выборов в Учредительное собрание от XII армии были избраны Ленин, Стучка, Антонов-Овсеенко, Нахимсон, Подвойский. После победы Октября Нахимсон был избран председателем «Искосола» XII армии, а потом был назначен комиссаром этой армии.

В феврале 1918 года Семен Нахимсон был назначен военным комиссаром Ярославского округа, объединявшего восемь губерний. На II губернском съезде Советов Нахимсон был избран председателем Ярославского губисполкома. В ночь на 6 июля в город ворвались белогвардейцы. Началась расправа над большевиками. Семен Нахимсон был расстрелян во дворе гостиницы «Бристоль».

После разгрома ярославского мятежа тело Семена Нахимсона было отправлено в Петроград и погребено на

Марсовом поле. Рядом со своим бывшим комиссаром были похоронены стрелки 6-го Тукумского полка, павшие при освобождении Ярославля от белогвардейцев.

Таков вкратце жизненный путь комиссара Семена Нахимсона. Он воплотил в себе многие отличительные качества революционера-ленинца, несломленного борца, мужественного и честного большевика.

В октябре 1917 года внутреннее и внешнее положение России требовало немедленно начать вооруженное восстание, чтобы передать всю власть в руки Советов. Большевики имели явный перевес сил. Но и контрреволюция не оставалась в бездействии.

10 октября состоялись два события, которым суждено было войти в историю Октября. Я имею в виду заседание ЦК партии большевиков, принявшее решение начать вооруженное восстание. В тот же день был созван съезд Советов Северной области. В работе этого съезда приняли участие представители Советов Петрограда, Финляндии, Эстонии, Латвии и некоторых городов, поддерживавших большевиков. Делегаты съезда решили принять самое активное участие в организационной работе по подготовке восстания. Кроме того, съезд Советов Северной области решил создать вокруг Петрограда заслон из революционных частей с тем, чтобы помешать Временному правительству подавить вооруженное выступление петроградских рабочих и солдат. Делегаты латышских стрелков заявили, что «латыши с первого дня революции выдвинули лозунг — вся власть Советам — и что теперь, когда революционный Петроград собирается провести его в жизнь, — латышские стрелки в количестве 40 тысяч штыков готовы оказать этому полную поддержку»[1].

Через неделю после съезда Советов Северной области в Валке состоялась Чрезвычайная конференция Социал-демократии Латвии для обсуждения практических вопросов о проведении вооруженного восстания в районе XII армии. На конференцию по поручению В. И. Ленина прибыл В. А. Антонов-Овсеенко. В своем выступлении он остановился на задачах, которые предстояло решать революционным силам XII армии во время восстания, подчеркнул, чтобы армия обеспечила безопасность

[1] *Кайминь Я.* Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции. 1917—1918. Рига, 1961, с. 301.

Петрограда со стороны фронта. Иными словами — большевики и латышские красные стрелки не должны допустить, чтобы контрреволюционные части снимались с фронта и отправлялись в Петроград. В резолюции конференции отчетливо слышен голос подлинных интернационалистов: «...готовясь к предстоящим боям, пролетариат Латвии должен поддерживать самое тесное единство с рабочими революционного Петрограда и Москвы, ставя перед собой задачу во всем, всеми силами и средствами поддерживать борьбу российского пролетариата за государственную власть»[1].

После этой конференции началась активная подготовка к вооруженному восстанию. Перед каждым полком Военно-революционный комитет (ВРК) района XII армии поставил конкретную задачу. ВРК 5-го Земгальского латышского полка, например, заявил своему командиру полковнику Ноакиму Вациетису, что стрелки готовы к выполнению ответственных задач революции. На вопрос, готов ли он и в дальнейшем командовать частью, полковник без колебаний ответил «Я всегда был и буду вместе с земгальцами, куда пойдут они, туда отправлюсь и я»[2].

Как видим, еще до начала вооруженного восстания в Петрограде латышские стрелки и все революционные части XII армии были готовы к выступлению.

5. В ПЕРВЫХ РЯДАХ

Настали решающие дни. Началась Великая Октябрьская социалистическая революция. 24 октября революционный народ овладел правительственными учреждениями, 25 октября был взят Зимний дворец и арестовано Временное правительство. II съезд Советов принимает исторические декреты о мире и земле, создает правительство во главе с В. И. Лениным.

26 октября в Вендене (Цесисе) вышел из подполья Военно-революционный комитет XII армии и обратился к армии и населению с манифестом, в котором сообщал о начавшемся в Петрограде восстании и призвал солдат

[1] Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции 1917. Документы и материалы. Рига, 1963, с. 467.

[2] История латышских стрелков, с. 187.

поддержать петроградский пролетариат, ВРК целиком взял власть в свои руки во фронтовой полосе. 1-му и 3-му Курляндским латышским полкам был отдан приказ после замены их на Даугавгривском фронте двинуться к Вендену (Цесису) и занять железнодорожную станцию, а 6-му Тукумскому и 7-му Баускому полкам — занять Вольмар (Валмиеру). Вся власть в этих городах перешла в руки местных Советов рабочих и солдатских депутатов и их Военно-революционных комитетов. Позднее один из стрелков 3-го Курземского полка Карл Поэма вспоминал, что шли в Цесис — «как на крыльях летели». Известный военачальник Яи Фабрициус, служивший тогда в 1-м Даугавгривском полку, писал: «В первую очередь нужно было подумать о том, чтобы, сменившись с позиций, не обиажить фронта и этим не открыть путь немцам. Мы обратились к товарищам из 76-го, 79-го и других сибирских полков, заранее подробнейшим образом информированным о положении на фроите и важности момента, с просьбой сменить нас и обещать в случае германского иаступления скорее сложить головы, чем отступить и сдать позиции. Сибирские стрелки поклялись в этом и взяли с нас слово, что мы (латыши) сделаем все, чтобы свергнуть власть Керенского и компании».

Насколько важны и целесообразны были принятые революционные меры по установлению с помощью латышских полков строгого контроля над железными дорогами, говорит тот факт, что несмотря на категорические приказы генералов Духонина и Юзефовича ни одно подразделение, ни один солдат из контрреволюционных частей не были отправлены в Петроград. Керенский также 27 октября требовал из Гатчины отправки в его распоряжение броневого дивизиона и кавалерийской дивизии XII армии. Но и этот приказ не был выполнен. Ставка генералитета на подавление революции в Петрограде снлами XII армии была бита.

Захват власти Воеино-революционным комитетом в районе действий XII армии облегчался тем, что в тылу армии в Юрьеве (Тарту) находился революционно настроенный Запасиой латышский полк (свыше 3800 человек). Он занял железнодорожную станцию, минировал полотио дороги и не пропускал ни одной воинской части в Петроград. Историки единодушно признают, что этим латышские стрелки в дни Великого Октября выполнили

одно из главных обязательств, взятых ими перед партией и революционным пролетариатом Петрограда.

Все помыслы буржуазных и соглашательских партий в то время были направлены к тому, чтобы свергнуть Советскую власть в самом Петрограде. В городе то и дело происходили стычки и перестрелки с контрреволюционерами разных мастей. Это потребовало усиления гарнизона воинскими частями, верными революции. ЦК партии и лично Ленину была хорошо известна преданность латышских стрелков своему интернациональному долгу, их высокая дисциплинированность. Из воспоминаний В. А. Антонова-Овсеенко мы знаем, что Ильич отдал распоряжение вызвать в Петроград, наряду с кронштадтскими матросами, также два полка латышских стрелков. Об этом рассказывает и член ЦК СДЛ Карлис Гайлис, которому Владимир Ильич в конце октября лично дал указание поехать из Питера к латышам и организовать отправку в Петроград двух латышских полков.

В октябре в районе XII армии происходила острая борьба большевиков с реакционным офицерством и преданными контрреволюции воинскими частями. Поэтому Исполнительный комитет Объединенного Совета латышских стрелковых полков — Исколастрел — не имел возможности сразу же послать в Петроград два полка. Но была сформирована специальная Сводная рота латышских стрелков. Она состояла почти исключительно из коммунистов. 25 ноября в Петроград прибыл 6-й Тукумский полк, а на другой день — Сводная рота. Рота охраняла ВЦИК и Совнарком в Смольном, где тогда находились все Центральные руководящие органы партии и Советской власти, где жил и работал Ильич. Латышские стрелки-коммунисты несли почетную службу по охране кабинета вождя революции.

Мне бы хотелось привести здесь небольшой отрывок из «Записок коменданта московского Кремля» П. Д. Малькова. В нем, на мой взгляд, дана краткая, но выразительная характеристика латышских стрелков того времени. «Среди войск петроградского гарнизона, — пишет П. Д. Мальков, — найти часть, где преобладал бы пролетарский состав, вряд ли было возможно. И все же нужные воинские части нашлись. Это были регулярные стрелковые полки, в основной своей массе состоящие из рабочих, насквозь пронизанные пролетарским духом, почти целиком большевистские, беззаветно преданные революции. Это были полки латышских стрелков, славная гвардия пролетарской революции. . . Это они, мужественные латышские стрелки, вслед за героическими красногвардейцами Питера и доблестными моряками Балтики, выполняли в суровую зиму 1917—1918 года, вечно голодь, самые сложные боевые задания сначала Военно-революционного комитета, затем ВЧК, Совнаркома и ВЦИК. Это они, красногвардейцы, матросы и латышские стрелки, бдительно несли охрану цитадели революции — Смольного, охрану первого в мире Советского правительства, охрану Ленина»[1].

6-й Тукумский полк нес гарнизонную службу в районе Смольного и Таврического дворца, где эсеры и меньшевики устроили контрреволюционную демонстрацию под лозунгами защиты Учредительного собрания.

Нелёгкой была служба латышских красных стрелков в Петрограде. Но вместе с тем пребывание здесь оказало громадное влияние на политическое развитие латышских стрелков. Слушая выступления В. И. Ленина, Я. М. Свердлова, В. Володарского, А. В. Луначарского, П. И. Стучки и других видных революционеров, встречаясь и беседуя с руководителями партии и правительства, латышские стрелки проходили высшую школу революции. Энергично помогая молодой Советской власти наводить революционный порядок в столице, они стали надежной опорой партии и Советского правительства. С особой силой это проявилось на фронтах гражданской войны.

---

[1] *Мальков П.* Записки коменданта московского Кремля. М., «Молодая гвардия», 1962, с. 60—61.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО

1. НАЧАЛО

Из множества событий, совершившихся в стране Советов в конце 1917 — начале 1918 годов, мне предстоит выбрать такие, в которых наиболее полно и ярко проявились замечательные качества латышских стрелков — их боевитость, дисциплинированность, интернационализм.

И тут, признаюсь, я попадаю в нелегкое положение. Что считать главным, а что второстепенным? Вот, скажем, поддержание революционного порядка в самом Петрограде, борьба с бандитизмом, с грабежами разного масштаба — к какой категории «важных» или «неважных» событий отнести эту повседневную работу стрелков? Если сравнить ее, предположим, с боями на Волге летом 1918 года, то она покажется вроде бы малозаметной. Но если принять во внимание, что именно с зимы 1917—1918 годов в буржуазной прессе началась лютая травля молодой Советской республики, развернулась кампания безудержной клеветы на власть большевиков, на «Совдепию» и началась она именно со смакования «бесчинств», творящихся в «многострадальной столице», то станет понятным, что деятельность красногвардейцев и революционных латышских стрелков в голодном, продрогшем Петрограде была вовсе не малозначительной и неприметной. Да, реакционная печать всего мира захлебывалась тогда от сиплого лая: «большевики пожирают друг друга», «большевики распахнули винные погреба и спаивают простой народ», «большевики объявили неделю свободной любви и возвели проституцию в ранг государственной политики». Да мало ли яда разбрызгивали тогда наши враги по всей планете!

Под этот шакалий вой большевики — то есть рабочие, красногвардейцы, моряки Балтфлота и красные латышские стрелки — учились управлять сложной государственной машиной. Учились в уличных боях с

бандитами и анархистами, в столкновениях с торговцами, прятавшими продовольствие, в жарких спорах с эсерами и меньшевиками. Повторяю: из множества этих событий мне надо выбрать несколько...

Большие надежды контрреволюция возлагала на польский корпус генерала Довбор-Мусницкого, сформированный еще при Временном правительстве. Командир корпуса отказался выполнять распоряжения Советской власти и двинулся из Рогачева и Бобруйска на Жлобин и Могилев, стремясь овладеть Ставкой русской армии и сорвать заключение мира с Германией. Легионы Довбор-Мусницкого захватили несколько железнодорожных узлов и не пропускали эшелоны с продовольствием для Северной области, Петрограда и Прибалтики... Так вот, первой крупной военной (я подчеркиваю — военной) операцией латышских стрелков после победы Октября была, на мой взгляд, ликвидация мятежа Довбор-Мусницкого. В ней, кроме нескольких красногвардейских отрядов, участвовали 1-й латышский полк с пулеметной командой и батальон 4-го полка. Не буду останавливаться на боевых подробностях разгрома мятежа — они описаны в работах историков. Хочу подчеркнуть, что в этой операции латышские стрелки проявили ту высокую организованность, которая была присуща им на протяжении всей Гражданской войны и которая, если так можно выразиться, стала чертой характера латышских соединений.

Хорошо известна также роль латышских стрелков в разгроме мятежа генерала Каледина на Дону. В этой операции нельзя не отметить, во-первых, победу латышских красных стрелков над буржуазными националистами, развернувшими активную пропаганду против отправки на Дон 3-го полка, против ухода стрелков из Латвии вообще. В ответ на это Совет 2-й латышской бригады принял резолюцию, в которой сказано: «Мы, латышские стрелки, авангард революции, всегда стоявший за свободу... и сейчас, в этот военный момент считаем долгом бороться против контрреволюции, где подняли свои омерзительные головы Корнилов, Каледин и компания»[1].

11 января 1918 года 3-й полк латышских стрелков,

[1] Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции 1917 г., с. 605—606.

18-й Сибирский и 435-й Ямбургский полки, 13-й тяжелый артиллерийский дивизион и 5-я Сибирская артиллерийская бригада выехали на фронт. Перед этим представителей 3-го латышского полка принял В. И. Ленин и пожелал им боевых успехов.

В. И. Ленин считал очень важным взятие Ростова в момент, когда развернулось наступление германских войск. Он телеграфировал В. А. Антонову-Овсеенко 23 февраля: «Сегодня во что бы то ни стало взять Ростов»[1]. Этот приказ был успешно выполнен. 24 февраля Ростов был освобожден от калединцев. В. А. Антонов-Овсеенко в воспоминаниях пишет, что прибытие пополнения с Севера изменило обстановку на фронте борьбы с Калединым.

В тех первых боях на юге России особенно отличился кавалерийский отряд латышского полка под командованием Яна Кришьяна. (Забегая несколько вперед, скажу, что через год— осенью 1919 года — вместе с бригадой червонного казачества Примакова кавалерийский полк Я. Кришьяна провел несколько блестящих рейдов в тыл деникинских войск под Орлом. Уже впоследствии, во время учебы в Академии им. М. В. Фрунзе, эти рейды мы изучали во всех подробностях. Они служили хорошим примером оперативно-тактического использования кавалерии, ставшего, как известно, фундаментом при разработке глубоких танковых рейдов в Великую Отечественную войну.)

Я уже говорил, что латышские стрелки отличались подлинным интернационализмом. В январе 1918 года стрелки оказали помощь финскому пролетариату в борьбе с контрреволюцией. В конце января — начале февраля вместе с финскими красногвардейцами они вели упорные бои с белогвардейцами у станции Сан-Михаль и Мяитихарью, потом в районе Таммерфорса.

Участвуя в гражданской войне в Финляндии, латышские стрелки выполнили свой интернациональный долг. Это способствовало также защите Петрограда от финских белогвардейцев, поддерживаемых иностранными империалистами.

Не могу не вспомнить, что в январе 1918 года латышские большевики активно действовали и на моей родной

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 46.

Вологодчине. В пятнадцатом году сюда эвакуировалась большая группа рабочих из Латвии. Трудились они в основном на предприятиях города Сокола, что в тридцати километрах от Вологды. Вскоре латышские рабочие создали большевистскую организацию, которой руководил К. Д. Ленцман. После победы революции в Петрограде латышские товарищи организовали отряд Красной гвардии, насчитывавший более ста человек. Командиром его стал Николай Карлович Лайвинь. В январе восемнадцатого года этот отряд вошел в Вологду, где еще не было своей Красной гвардии, и разоружил батальон солдат, угрожавших Советской власти. Потом отряд пополнился за счет вологодских рабочих и крестьян и стал действовать во всей нашей губернии. В Череповце, например, был разгромлен крупный белогвардейский центр, входивший в савинковский «Союз защиты родины и свободы»... Несколько позже отряд латышских красногвардейцев влился в регулярные части Красной Армии.

Советская страна напрягала силы в борьбе с внутренней контрреволюцией и хозяйственной разрухой. И тут на республику обрушился новый удар: в феврале 1918 года, после предательского срыва Троцким мирных переговоров в Бресте, полчища германских войск широким фронтом вторглись в пределы Советской России и двинулись на Петроград. В первый же день немецкие войска только в Прибалтике продвинулись на 75 километров.

В. И. Ленин объявил Советское социалистическое отечество в опасности и призвал всех трудящихся дать отпор захватчикам. На призыв вождя революции немедленно откликнулись питерские рабочие, которые создали красноармейские отряды и отправились на фронт. В боевую готовность были приведены и отдельные отряды латышских стрелков, отступивших из Латвии. Не могу не упомянуть здесь действия 7-го латышского полка. Он двигался к Пскову со стороны Валки с тем, чтобы занять оборону на западной стороне города. Но немцы воспользовались железной дорогой и ворвались в Псков раньше стрелков. Старый большевик Роберт Иванович Кисис, с которым я познакомился в Риге после Великой Отечественной войны, рассказывал, что полк с боем ворвался в Псков, в буквальном смысле слова ошеломил оккупантов и с боем прорвался через весь город. Выйдя из окружения, 7-й полк присоединился к войскам Красной Армии, создавшим за Псковом оборонительные позиции.

После захвата Пскова наступление немцев остановилось. Начальником укрепленного района Гдов—Торошино по указанию В. И. Ленина был назначен славный сын латышского народа Ян Фабрициус.

Мне всегда доставляет огромную радость говорить или писать об этом человеке. На мой взгляд, Ян Фрицевич Фабрициус олицетворяет собой большую и важную страницу в истории нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армии, особенно ее начального периода. После трагической гибели Яна Фабрициуса Реввоенсовет республики принял специальное постановление, в котором говорится: «Вся жизнь этого преданнейшего делу пролетарской революции командира, вся его боевая работа являются образцом для каждого красноармейца, для каждого командира и политработника...»[1].

Именем Яна Фабрициуса названы улицы, колхозы, пароходы, заводы. В центре Вентспилса стоит гранитный памятник: человек в длинополой кавалерийской шинели, в остроконечной буденовке и походных армейских сапогах смотрит в даль Балтийского моря. Таким Ян Фабрициус вернулся в свой отчий край. Вернулся батрацкий сын после царской каторги, после долгих скитаний по тайге (он в шутку называл себя медвежатником, вечным каторжником), после окопов первой мировой войны. Возвратился в родной Вентспилс Ян Фабрициус—советский военный деятель, герой гражданской войны. Он прошел через многие фронты гражданской войны, четырежды награждался орденами Красного Знамени и стал первым в Красной Армии полным кавалером этого ордена. После победы Октября Фабрициус участвует в разгроме белогвардейцев под Петроградом, несколько позже возглавляет наступательные бои под Псковом.

Когда началось освобождение Латвии от германской оккупации, чрезвычайный комиссар Ян Фабрициус участвовал в боях под Сигулдой и Инчукалнсом и 3 января 1919 года вместе с латышскими стрелками вошел в Ригу.

Лето 1919 года Ян Фрицевич встретил на Южном фронте, освобождал Воронеж.

---

[1] «Правда», 1929, 2 сент.

Из всего боевого пути Яна Фабрициуса я выделю один короткий эпизод, относящийся уже к концу гражданской войны. Он командовал тогда 48-й бригадой 16-й дивизии имени Киквидзе и прорвал неприступные Сморгонские позиции, созданные знаменитыми французскими и английскими военными специалистами. Ян Фрицевич лично провел разведку оборонительной полосы и смелым обходным маневром разгромил гарнизон железобетонной вражеской крепости. Эта операция вошла в золотой фонд истории гражданской войны и была включена в учебные пособия для военных академий как выдающаяся, образцовая по замыслу и исполнению.

Стоит в Вентспилсе Ян Фабрициус — гранитное воплощение памяти о советском военном деятеле.

Но вернемся к событиям зимы 1918 года. Бои отрядов красногвардейцев и первых отрядов Красной Армии с германскими войсками шли не только под Псковом. Упорный характер они носили под Нарвой. Здесь отличился отряд Путиловского завода — «Путиловско-Юрьевский партизанский отряд», почти наполовину состоявший из латышских и эстонских рабочих. Много энергии вложил в организацию этого отряда председатель Нарвского исполкома Анс Дауман — латышский революционер, человек безудержной храбрости.

В те памятные дни февраля, когда германское продвижение было приостановлено, родилась наша Советская Армия. Латышский народ вправе гордиться тем, что его сыны вместе с питерскими рабочими и балтийскими моряками вошли в первые отряды регулярной Красной Армии.

Мы знаем, каким грабительским был Брестский мир. Но в то время он был необходим измученной стране, получившей короткую передышку. В. И. Ленин, назвав Брестский мир «несчастным миром», писал: «Невыносимо тяжелы условия мира. А все же история возьмет свое. . .»[1].

По Брестскому мирному соглашению вся Прибалтика, в том числе и Латвия, попадала под ярмо германской оккупации. Латышские революционные стрелки не поддались агитации буржуазных националистов, призывавших стрелков не оставлять Латвию, и ушли в Советскую

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 383.

Россию, встали на защиту Октябрьского знамени. И тогда, и десятилетия спустя буржуазные националисты объясняли переход латышских полков в революционную Россию чисто национальными мотивами, в которых, якобы, главенствовали «союзнический долг», стремление вести войну с Германией до «победного конца». Но эти горе-историки не могли объяснить основного: почему рядовые латышские стрелки встали на сторону Советской власти, в то время как многие их командиры перешли в лагерь контрреволюции, участвовали в заговорах и мятежах, агитировали стрелков вернуться в оккупированную Латвию. Объясняется это, конечно же, разными классовыми позициями, на которых стояли стрелки и их «отцы-командиры». Латышские стрелки шли в Советскую республику совершенно сознательно. Они шли сражаться за идеи социалистической революции, которые отвечали национальным интересам не кучки буржуазии, а всего латышского народа.

2. ПО БОЕВОЙ ТРЕВОГЕ

В моей памяти весна восемнадцатого года сохранилась отзвуками ранних гроз, стаями грачей, унылo бродившими по сиротливой, истосковавшейся пашне, да горькими лепешками, которые пекли из чего угодно, потому что муки не было.

А еще я помню наших мужиков, возвращавшихся в родную деревню в прожженных, драных шинелишках, с тощей котомкой — «сидором» за плечами, да с такой дикой тоской в глазах, что у меня, юнца, замирало сердце. Все фронтовики в один голос твердили: «Хватит! Навоевались!» и принимались делить землю, наивно полагая, что и пашня, и луга, и леса достанутся им без борьбы.

Трудной была та весна — первая весна молодой республики Советов. Не только от того, что не хватало буквально всего: хлеба, топлива, ситца, боеприпасов, соли, железнодорожных составов, бумаги, обуви, молока, лошадей, махорки, дров, металла. Трудной она была и потому, что не хватало опыта управления обширным государством. Не было опыта организации Красной Армии. «Вопрос о строении Красной Армии, — говорил В. И. Ле-

нин на VIII съезде партии, — был совершенно новый, он совершенно не ставился даже теоретически... Мы шли от опыта к опыту, мы пробовали создать добровольческую армию, идя ощупью, нащупывая, пробуя, каким путем при данной обстановке может быть решена задача»[1].

Было решено, что те полки и дивизии, которые уцелели после германского наступления, следует расформировать и демобилизовать. Необходимо было создавать новые вооруженные силы. Была начата организация армии на добровольческих началах.

В обстановке развала и самодемобилизации старой армии (под угрозой нового германского наступления) коммунисты латышских полков приняли решение: сохранить латышские части и включить их в полном составе в Красную Армию. В постановлении Исколастрела от 2 марта, в частности, содержится призыв к «защите завоеваний нынешней социалистической революции и ее конечной цели — социализм; идти в бой против вторгающейся немецкой белой гвардии, а также против восстаний русской контрреволюции»[2], вступать в ряды Красной Армии.

Приказом Народного комиссариата по военным делам от 13 апреля 1918 года латышские полки были объединены в Латышскую стрелковую дивизию — первую дивизию Красной Армии. В дивизию предусматривалось включить девять стрелковых полков, кавалерийский полк, артиллерийскую бригаду, инженерные и технические части. «Латышская дивизия, — писал первый начальник дивизии И. Вацетис в 1922 году, — была первым регулярным и организованным по правилам военного искусства боевым соединением Советской власти»[3].

Может возникнуть вопрос: а почему в Красной Армии, где не допускалось формирование национальных частей и соединений, была создана латышская дивизия? Ответ на этот вопрос, по-моему, достаточно четко дает комиссар дивизии Карл Петерсон в речи на I Всероссийском съезде военных комиссаров летом 1918 года. «Хотя мы, — сказал он, — как будто объединены по национальному признаку, но на самом деле все, как один, проникнуты

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 137—138.
[2] Партархив ЦК КП Латвии, ф. 42, оп. 1, д. 36, л. 47.
[3] История латышских стрелков, с. 224.

Латышские стрелки под Ригой 1916 год.

Латышские стрелки под Ригой. 1916 год

Погибшие латышские и сибирские стрелки на Рижском фронте. 1916 год.

Ю. Данишевский

Команда самокатчиков — латышских стрелков в Кремле. 1918 год.

Главком И. Вацетис

Команда самокатчиков — латышских стрелков в Кремле. 1918 год.

Латышские стрелки под Кромами

Начальник Латышской дивизии Ф. Калнынь

Латышские стрелки под Кромами

В боях на Южном фронте. 1920 год

В боях на Южном фронте. 1920 год

духом Интернационала. Мы не связываем своих действий с какой-нибудь территорией, но за долгие месяцы ожесточенной борьбы за социализм, за Советскую Россию, спаялись в одну семью... Мы — интернационалисты и доказываем это не словами, а делом»[1].

Говоря о создании Латышской дивизии весной восемнадцатого года, я несколько опередил события и сейчас вернусь на месяц назад. В марте (а точнее — 10-го числа) состоялся переезд Советского правительства из Петрограда в Москву. И причины переезда, и его процесс хорошо известны. Поэтому ограничусь цитатой из воспоминаний Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича: «В первую очередь переезжали Совнарком и ВЦИК. Охрана правительственного поезда и поезда с ценностями была поручена латышским стрелкам. По приезде в Москву 12 марта над Кремлем было поднято Красное знамя — знамя пролетарской революции»[2].

Владимир Ильич, осматривая вместе с Бонч-Бруевичем Кремль, поинтересовался, как хранятся ценности Кремля и золотой запас. «Было решено, — пишет далее Бонч-Бруевич, — экстренно ввести в Кремль прекрасно известный нам по Смольному и достаточно проверенный батальон стрелков — латышей-коммунистов, прибывший вслед за нами из Петрограда и находившийся в то время в одной из казарм Москвы. Я сейчас же написал приказ... Владимир Ильич хотел как можно скорее переехать в Кремль, чтобы наладить занятия правительства. Мы медленно шли к Троицким воротам, когда на всех парах вкатил самокатчик стрелкового латышского батальона и подал мне пакет, в котором был рапорт командира о том, что латышские стрелки по боевой тревоге скорым маршем двигаются к Кремлю. Сообщили командиру о принятии батальона и о расквартировании его»[3].

В Москве латышские стрелки охраняли Кремль, правительственные учреждения и квартиру Владимира Ильича. Эту почетную службу они исполнили верно и честно. Несший охрану Кремля батальон был доукомплектован до размера полка, и ему был присвоен девятый порядко-

---

[1] История латышских стрелков, с. 224.
[2] *Бонч-Бруевич В. Д.* Избранные сочинения, т. 3. М., 1973, с. 162.
[3] Там же.

вый номер. Кроме того, в Москве были другие латышские полки. Например, 2-й по специальному заданию председателя ВЧК Феликса Эдмундовича Дзержинского 11 и 12 марта провел крупные операции по ликвидации контрреволюционных анархистских гнезд, монархистских офицерских организаций. В июле, как известно, латышские стрелки приняли самое деятельное участие в разгроме мятежа левых эсеров и так называемого «заговора послов». Но к этим событиям я вернусь несколько позже.

Многие латышские коммунисты, у которых за плечами был большой опыт классовой борьбы, работали в органах Советской власти, важнейшей задачей которых была борьба с контрреволюцией. Так, в состав коллегии ВЧК вошли члены ВЦИК и ЦК СДЛ Яков Петерс и Карл Петерсон. В мае 1918 года по решению ЦК РКП(б) на усиление ВЧК был переведен из Народного комиссариата внутренних дел опытный латышский коммунист Мартин Лацис, возглавивший Отдел по борьбе с контрреволюцией. Примерно в это же время пропагандист ЦК СДЛ, работавший в латышских полках Андрей Дижбите — бывший политкаторжанин, совершивший беспримерный по мужеству побег из сибирской ссылки, — стал начальником Главного управления милиции РСФСР. Раз уж я вспомнил Андрея Мартыновича Дижбите, не могу не сказать, что позже он стал одним из комиссаров легендарной Первой конной армии и свою буденовку, как мне рассказывали, хранил до последних дней жизни. Председателем нашего Вологодского губернского военного трибунала в то время был Ян Ратниек. Лично мне с ним встречаться не довелось. Но по рассказам товарищей, работавших с ним в то время, это был человек кристальной честности не только в служебных делах, но и во взаимоотношениях с людьми, с друзьями. Чего греха таить: иные не прочь где-то слукавить, обойти острые моменты, «поддакнуть» начальству. Янис Ратниек отличался строжайшей принципиальностью и по отношению к себе (прежде всего!) и по отношению к самым близким друзьям.

Той весной латышские стрелки вместе с другими частями Красной Армии несли гарнизонную службу городах Центра и Северо-Запада страны. Они боролись с бандитами, помогали местным властям выявлять спекулянтов, провокаторов, толкавших обывателей на грабежи продовольственных баз и магазинов. Словом, латышские стрелки, как и другие части молодой нашей армии, находились в гуще жизни народа, жили его интересами и чаяниями. Эту важную характерность Красной Армии подметил Владимир Ильич. Он писал тогда, что впервые в истории «армия строится на близости, на неразрывной близости, можно сказать — на неразрывной слитности, Советов с армией. Советы объединяют всех трудящихся и эксплуатируемых — и армия строится на началах социалистической защиты и сознательности»[1].

Антисоветские выступления, спровоцированные контрреволюционерами, прокатились тогда по многим городам. Латышские стрелки активно участвовали в ликвидации беспорядков. В Псковской, Новгородской и Великолукской губерниях, например, белогвардейцы и кулаки попытались организовать антисоветские выступления крестьян и жителей небольших городов, где ощущался недостаток в продовольствии. Их поддерживали меньшевики и эсеры, входившие в состав Советов. Сюда были направлены отряды латышских стрелков, которые быстро навели порядок, помогли укрепить органы Советской власти толковыми организаторами.

Люди старшего поколения помнят, каким крупным и опасным для судьбы Советской власти в Нижнем Поволжье был так называемый Саратовский мятеж. Я листал газеты весны восемнадцатого года и почти в каждом номере натыкался на сообщение о «беспорядках в Саратове». В очень сжатом виде события выглядели следующим образом: скопившиеся в городе офицеры царской армии создали «Союз фронтовиков», который развернул яростную антисоветскую агитацию. В результате полк, расположенный в городе, отказался выступить против Дутова и через два дня артиллерийским огнем разрушил здание Совета, разгромил винные склады и устроил форменный погром в городе... Саратовский латышский полк особого назначения повел наступление на мятежников, оказавших организованное сопротивление. Еще через день по распоряжению В. И. Ленина в Саратов были отправлены батальон 2-го латышского полка из Москвы, а из Пензы — интернациональный русско-латышско-чешский отряд и

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 50.

несколько рабочих дружин со станций Ртищево и Покровская. 19 мая началось решительное наступление, и мятежники сложили оружие. Быстрая ликвидация этого контрреволюционного выступления предотвратила его расширение.

Когда знакомишься с этими событиями, бросается в глаза их характерная особенность: выступления контрреволюции были случайными, плохо организованными и разобщенными. Но так было примерно до конца мая. Когда на Волге восстал чехословацкий корпус и силы наиболее преданных и стойких частей Красной Армии были брошены именно туда, контрреволюционеры организовали несколько крупных мятежей и заговоров. К их числу относится организация пресловутого контрреволюционного правительства в Самаре — «Комитет членов Учредительного собрания» (Комуч). «Правительство» это, как известно, родилось под защитой штыков белочехов, и в него вошли меньшевики и правые эсеры. Стрелки 9-го латышского полка на своем собрании 11 июня осудили Комуч и приняли резолюцию, в которой говорилось: «... в настоящее время латышские стрелки как истинные интернационалисты ведут отчаянную борьбу совместно с братьями-русскими, защищая свою рабоче-крестьянскую Советскую власть. В это время, когда мы проливаем кровь, отстаивая завоевания Октябрьской революции, социал-предатели, правые социалисты-революционеры, открыто организуют контрреволюционные банды для свержения Советской власти... Несмотря на предательство и измену этих социал-предателей, до сих пор они имеют своих представителей во ВЦИК, где они, получая содержание из средств народа, ведут борьбу против Советской власти. Мы готовы жертвовать жизнью для защиты завоеванной нашей кровью Советской власти, но мы вправе требовать, чтобы изменники, которые организуют контрреволюционные банды против нас же, были изгнаны из высшего учреждения Советской власти — ВЦИК. Мы требуем немедленного исключения из ВЦИК всех правых социалистов-революционеров и социалистов-революционеров центра»[1]... По требованию, высказанному на собраниях и митингах трудящихся, в

[1] «Известия Народного Комиссариата по военным делам», 1918, 19 июня.

середине июня ВЦИК принял постановление об исключении из своего состава и из местных Советов эсеров (правых и центра) и меньшевиков[1].

Что касается левых эсеров, то они были разгромлены в начале июля при самом активном участии латышских стрелков. Крах партии левых эсеров описан во многих исторических исследованиях, не раз и не два об этих событиях снимались художественные фильмы и ставились театральные постановки. Наполненные истинным драматизмом, события 6 июля (и примыкающий к ним, как звено единой цепи, «заговор послов» — точнее, «заговор Локкарта») послужили толчком к целой серии контрреволюционных выступлений. Вспомним: в июле состоялись кровавые мятежи контрреволюции в Рыбинске, Ярославле, Муроме. Чуть позже начались кулацкие мятежи в Саратовской, Пензенской, Новгородской губерниях. И везде латышские стрелки вместе с другими частями шли в первых рядах защитников Советской республики.

Потерпев сокрушительное поражение в прямых попытках свергнуть Советскую власть, контрреволюция при поддержке иностранных дипломатов организовала террористические акты против руководителей Коммунистической партии и Советского правительства. В то тревожное время были убиты один из руководителей петроградской партийной организации В. Володарский и председатель Петроградской ЧК М. Урицкий. 30 августа вечером в Москве был тяжело ранен В. И. Ленин.

Классовая сознательность, революционная бдительность латышских стрелков — вот фундамент, который позволял им выстоять в самых жестоких схватках с врагами революции, принес им высокий авторитет в народе. Именно в борьбе с контрреволюцией окрепла дружба латышских стрелков не только с красноармейцами разных национальностей, но и с рабочими, крестьянами, трудовой интеллигенцией, которые видели в стрелках своих искренних друзей и помощников.

«Неподкупным солдатом революции» назвала в 1918 году «Правда» командира 1-го легкого артиллерийского дивизиона Латышской дивизии Эдуарда Петровича Берзиня. Знаю, о нем написано немало книг, очерков и статей. Его участие в раскрытии «заговора Локкарта»

[1] История латышских стрелков, с. 251.

общензвестно. Я же хочу подчеркнуть, что на примере этого человека видишь, какие титанические силы, какие отличнейшие человеческие качества открывала революция в людях! Человек, по прежнему опыту жизни, по образованию (Эдуард Петрович окончил перед войной Берлинскую Академию художеств) не имевший никакого отношения ни к военному искусству, ни к контрразведке, становится отличным артиллеристом, входит в историю ВЧК как один из первых советских контрразведчиков. Выйти победителем в схватке со шпионом-дипломатом Робертом Брюсом Локкартом, со «вторым Лоуренсом» — Сиднеем Джорджем Рейли — для этого были необходимы не просто личное мужество и хладнокровие, но и светлый ум, высокая самодисциплина, а главное — убежденность в правоте дела революции, дела, которому были отданы все силы и даже жизнь. Не могу удержаться, чтобы не привести здесь высказывание «самого» Локкарта о латышских стрелках. Получив чувствительный удар в восемнадцатом году, Локкарт был выдворен за пределы нашей страны, но до конца жизни не переставал (в бессильной злобе) клеветать на Советский Союз. Все его мемуары, претенциозно названные «Буря над Россией. Исповедь английского дипломата», пропитаны ядом. Вот что он писал в них: «... к большевистским вождям они, латыши, питали необычайное уважение, они являлись в их глазах какими-то сверхлюдьми... Все они верили в прочность установившегося строя. Даже латыши, тосковавшие по своей родине, смеялись над одной мыслью о возможности победы контрреволюционеров. Контрреволюция означала для всех этих людей восстановление помещиков в их правах... Высокое положение арестованных[1] чрезвычайно забавляло караульных. Один из них повел меня как-то к тому месту, где прежде стоял памятник Александру II, и с гордостью показал мне на выведенную на цоколе грубыми буквами надпись: «Здесь солдаты Красной Армии 9-го латышского полка имели «честь» водить на прогулку Брусилова, Локкарта, Спиридонову, Саблина». Слово «честь» так и было в кавычках»[2].

[1] После ареста Локкарт некоторое время находился в Кремле под охраной латышских стрелков. (Ред.)

[2] *Локкарт Р.* Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. Рига, 1933, с. 330, 333.

Нельзя не согласиться с Локкартом: латышские стрелки действительно верили в прочность Советской власти. Ну, а чувство юмора... Что ж, они не теряли его в самой сложной обстановке.

3. БОИ НА ГЛАВНОЙ УЛИЦЕ

При всей напряженности, остроте событий, связанных с заговорами и мятежами, все-таки надо признать, что внутренняя контрреволюция не представляла (да и не могла представлять!) для Советской власти серьезной опасности. Утверждаю это не потому, что делать «смелые» выводы из давних событий всегда легче, чем разобраться в сумятице настоящего. Если всерьез задуматься, то шансов на успех у «своей», «доморощенной» контрреволюции не было никаких просто потому, что она не имела опоры в народе. Ну, а без такой опоры ни монархисты, ни эсеры или меньшевики не могли справиться с властью Советов. Поэтому антисоветские силы во всевозрастающих масштабах стали делать ставки на военную интервенцию. К лету молодая страна Советов находилась в огненном кольце интервенции и гражданской войны.

Чтобы яснее представить роль латышских стрелков в операциях середины 1918 года, напомню, что к этому времени англичане высадили войска на севере России — захватили сначала Мурманск, а позднее Архангельск, в Одессе высадился французский десант, японцы захватили Приморье. Добавим к этому военное снаряжение, боеприпасы, продовольствие и деньги, которыми страны Антанты щедро снабжали армии генералов Корнилова, Алексеева, Дутова, Деникина и других в надежде получить «сферы влияния» не на географических картах, уже разграфленных в кабинетной тиши парижских или лондонских особняков, а в суровой реальности. Той богатой российской реальности, которая пахла и солдатским потом, и нефтью, и угольной пылью, и хлебом, которая светилась блеском золотых самородков, а согревалась людской кровью.

После окончания гражданской войны вдохновители и организаторы интервенции стали кричать на весь мир, что они и не помышляли о богатствах русской земли, а

стремились избавить Россию от «красной опасности», от «большевистской диктатуры» и вернуть ее в лоно «священной демократии цивилизованного Запада». Видимо, уроков истории не пошли на пользу некоторым генералам от политики, потому что в наше время — время разрядки международной напряженности, победного шествия по земле идей мирного сосуществования — эти господа лелеют мечты повернуть колесо нашей истории вспять, снова кричат о спасении России от большевизма. А мы тем временем претворяем в жизнь великие идеи Ленина.

Летом восемнадцатого года империалисты Антанты важное место в своих антисоветских планах отводили чехословацкому корпусу. Он насчитывал более 50 тысяч человек и был сформирован еще до Октября из пленных чехов и словаков для борьбы с Германией. После Брестского мира Советская власть разрешила чехам выехать через Сибирь и Владивосток во Францию. При этом было выставлено единственное условие: корпус должен сдать оружие. Чехословацкие солдаты двинулись в долгий путь. Их эшелоны растянулись по Сибирской железнодорожной магистрали от Волги до Владивостока. Однако обязательство сдать оружие не было выполнено. Это навело белых генералов на мысль использовать корпус в борьбе с Советской властью. К чехам были направлены эмиссары-агитаторы, которые распространяли провокационные слухи, будто Советское правительство намерено выдать чехов и словаков в качестве военнопленных немцам. Провокация удалась, т. к. солдаты истосковались по дому, нуждались в продовольствии и обмундировании. 25 мая корпус восстал и на пути своего следования стал захватывать станции и города, свергать Советскую власть, расстреливать большевиков и рабочих. Эпицентром восстания белочехов стала Волга и прилегающие к ней губернии.

Волга... Самые светлые, самые лучшие чувства русских людей связаны с красавицей Волгой. Для каждого русского человека она очень дорога, т. к. это «главная улица России».

На протяжении жизни моего поколения Волга дважды становилась ареной ожесточеннейших сражений с врагами нашей страны. И не случайно. «Главной улицей России» пытались овладеть и белогвардейцы в восемнадцатом году, и гитлеровские полчища в сорок втором. Светлые воды Волги обагрялись кровью русских, украинских, белорусских, казахских, узбекских, таджикских защитников дела революции. Великая русская река стала рекой интернациональной, рекой дружбы и сплоченности наших народов.

Воды Волги приняли в себя и кровь латышских парией — и тогда, в восемнадцатом, и четверть века спустя. Здесь, на Волге, в сорок втором погиб сын Эдуарда Петровича Берзиня — Петр Эдуардович Берзинь. Погиб в великом Сталинградском сражении за дело, которому беззаветно служил его отец в годы революции и гражданской войны.

В то грозное лето белочехи захватили Самару, Сызрань, 22 июля ворвались в Симбирск и подошли к Казани. Центр Советской России был отрезан от сырьевых, топливных и продовольственных районов. Голод сжимал горло Советской власти. Подняли головы деклассированные элементы в городах и деревнях.

Поволжская группа чехословацкого корпуса была оторвана от основного ядра тысячекилометровым расстоянием. Ее можно было ликвидировать сравнительно легко. Но местные Советы не имели сил, чтобы сражаться с хорошо вооруженными и организованными белочехами, а немногочисленные части Красной Армии в этом районе вели борьбу с генералом Дутовым.

13 июня В. И. Ленин подписал приказ Совнаркома об учреждении Революционного военного совета для руководства всеми отрядами и операциями против чехословацкого мятежа. На Восточном фронте были объединены все советские войска, действовавшие в районе Волги, Урала и Сибири. В Поволжском районе началось формирование I-й армии Восточного фронта. Ее командующим был назначен вначале Харченко, а затем М. Н. Тухачевский, комиссаром — Оскар Калнынь, позже — В. В. Куйбышев.

Поскольку с именем Оскара Калныня связана важная страница истории гражданской войны, которую, к сожалению, опускают многие историки и авторы-мемуаристы, я позволю себе коротко рассказать об этом человеке, а потом уж вернуться к событиям на Волге.

Даже самые близкие друзья долго не знали его настоящего имени и звали просто — Угис. Под этим именем

он числился в списках подпольщиков социал-демократов. Шестнадцатилетним пареньком он стал революционером. Работал на многих заводах и фабриках Риги, но подолгу нигде не задерживался — увольняли как смутьяна, бунтовщика, «агитатора». За революционную деятельность был выслан из Латвии в Саратов. И всюду, где бы он ни был, активно включался в революционную деятельность. Февральскую революцию встретил на митингах в Баку. В июле семнадцатого года переехал в Москву и стал членом партийного комитета Рогожско-Симоновского района. Создавал на заводах и фабриках красногвардейские отряды. В боевые Октябрьскне дни он стал командиром сводного отряда района. На рассвете 3 ноября этот отряд первым ворвался в Кремль.

Летом восемнадцатого года Оскар Калнынь становится комиссаром I-й армии Восточного фронта. Весной девятнадцатого по ходатайству ЦК КП Латвии его направили в Ригу. Здесь он стал членом Реввоенсовета армии Советской Латвии. Но народная власть, как мы знаем, продержалась в республике недолго. Отбивая атаки, латышскне стрелки оставили Ригу. Ушел из родных мест и Оскар Калнынь. Наверное, не думал, не гадал, что через год с небольшим снова окажется на рижских улицах... В конце января двацатого года он вместе с женой и малолетним сыном прибыл в Ригу. Три недели напряженной подпольной работы по восстановлению разгромленных оккупантами и буржуазнымн нацноналистами партийных организаций и неожиданный провал. Выдал провокатор!

Потом были: одиночная камера зловещей Рижской «централки», допросы, полевой суд, смертный приговор. За день до приведения приговора в исполнение Калныню объявнли: «Советское правительство предложило обменять вас на заложника». И вот в один из майских дней 1920 года Оскар Калнынь с женой, сыном Улдисом и товарищами по подпольной работе подошел к латвийско-советской границе. Сынишка был одет в ярко-красное пальто. Подняв, как знамя, иад головой своего сына, Оскар Калнынь запел «Интернационал» и двинулся навстречу советским пограничникам...

Осенью 1920 года Оскар Калнынь под Мозырем погиб в бою с бандой Булак-Балаховича. Ему было всего 25 лет. Но свою короткую жизнь комиссар Калнынь прожил достойно — он был стойким бойцом ленинской гвардии. Родина высоко оценила его заслугн перед народом, наградив двумя орденамн Красного Знамени.

Положение на Восточном (сначала его называлн Чехословацким) фронте осложнилось, когда главнокомандующий фронтом левый эсер Муравьев, будучи уверен, что в Москве левые эсеры одержат победу, вступнл в союз с чехословаками и объявил войну — Германии. Частям Восточного фронта Муравьев приказал двинуться на Запад. Этот приказ внес дезорганизацию в действия Красной Армии, способствовал продвижению белочехов почти по всему фронту, а в особенности под Сызранью. Надо отдать должное симбирским коммунистам во главе с Иосифом Варейкисом. Они приняли энергичные меры против мятежа. Стрелки, находившихся в Симбирске 1-го латышского революционного полка под командованием Я. Тилле и Симбирской латышской роты, организованной из местных латышских рабочих, а также стрелки Латышского батальона, отступившие после падения Самары, участвовали в разгроме Муравьевского мятежа. При попытке оказать сопротивление он был убит.

С мятежом было покончено, но с последствиями измены главнокомандующего удалось справиться не сразу. Войска Восточного фронта отходили к Волге, в расположении V армии образовался прорыв, и чехословаки подошли к Казани. В это трудное для республики время Совет народных комиссаров назначает командующим Восточным фронтом старого «военспеца», бывшего командира 5-го Земгальского латышского стрелкового полка Иоакима Иоакимовича Вациетиса. Во время учебы в Академии им. М. В. Фрунзе я слушал лекции этого замечательного военачальника, вдумчивого и знающего специалиста по военной истории.

Иоаким Вациетис родился в семье курземского батрака в 1873 году. Благодаря недюжинным способностям крестьянскому сыну удалось не только окончить Виленское военное училнще, но и Академию генерального штаба и дослужиться до звания полковника царской армии. Я уже отмечал, что с первых дней революции полковник Вациетис вместе со своим 5-м полком переходит на сторону народа. В начале 1918 года Вациетис руководит подавлением мятежа генерала Довбор-Мусницкого, а

затем участвует в подавлении мятежа левых эсеров в Москве.

Энергичный и упорный, Иоаким Вацетис, прибыв в Казань, круто берется за дело. Вместе с ним по распоряжению В. И. Ленина комиссаром Реввоенсовета фронта был назначен известный латышский революционер Карл-Юлий Данишевский. Впоследствии он писал в своих воспоминаниях: «Назначение исходило непосредственно и лично от Владимира Ильича. Лично Владимир Ильич вел по этому вопросу переговоры с Петерсоном, комиссаром Латышской дивизии... Владимир Ильич считал полезным для дела, если рядом с начальником Латышской дивизии Вацетисом во главе самого серьезного тогда фронта будет военный комиссар — ответственный работник Латышской дивизии, так как в силу создавшегося положения особо ответственные задачи возлагались на латышские стрелковые полки. Почти все они перебрасывались к Волге, к Казани. Мое назначение в основном именно этим и было обосновано Владимиром Ильичом»[1]. Далее Данишевский рассказывает, какую обстановку он застал в Казани, как развернулись события. «Была поставлена задача, — говорится в этих воспоминаниях, — объединив и дисциплинировав армию, оттеснить взбунтовавшихся чехословаков и белогвардейцев за Урал. Работа была чрезвычайно трудная и ответственная. Казань стала центром всех устремлений белогвардейщины: опираясь на Казань белогвардейцы предполагали продвинуться дальше по Волге к Нижнему Новгороду и Вятке и здесь соединиться с английскими войсками, которые высаживались в Архангельске и двигались к Вологде»[2].

Приказы Вацетиса в те дни свидетельствуют о его кипучей энергии, о стремлении покончить с разбродом и неразберихой. Начинать приходилось с малого, даже с напоминаний командующим армиями, что приказы главкома надлежит выполнять без обсуждений, точно и быстро.

Чтобы усилить казанский гарнизон и укрепить фронт, Реввоенсовет республики по ходатайству Вацетиса перебрасывает сюда его родной 5-й Земгальский полк.

А положение на фронте все обострялось и обострялось.

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 3, М., 1969, с. 21.
[2] Там же.

В известном письме «Т. т. П. А. Кобозеву, К. Х. Данишевскому, К. А. Мехоношину и Ф. Ф. Раскольникову» Владимир Ильич Ленин писал 1-го августа 1918 года: «Сейчас вся судьба революции стоит на о д н о й карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань-Урал-Самара.

Все зависит от этого»[1].

В городе почти открыто действовала вражеская агентура из бывших офицеров. Позже стало известно, что вражеские шпионы-лазутчики находились даже в штабе главкома. Совет народных комиссаров образовал Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией на чехословацком фронте. Ее председателем был назначен советский государственный и партийный деятель, один из сподвижников Дзержинского Мартин Судраб-Лацис. Он имел большой опыт работы: активно участвовал в революции 1905—1907 годов, руководил «Тверской группой» латышских большевиков в Москве, находился в ссылке в Иркутской губернии, руководил районными партийными организациями Петрограда. Словом, это был человек выдающихся способностей, с большим жизненным опытом; после гражданской войны издал ряд пьес, сборник рассказов «Наш путь».

Войска белочехов подошли к Казани 5 августа. Начался обстрел города. Анархиствующий отряд под командованием Трофимовского, прикрывавший устье Камы, предательски бежал, оголив фронт. Подоспевшие латышские стрелки штыковой атакой сбросили врага в Волгу и огнем артиллерии подожгли два парохода. Белочехи отступили, но за ночь обошли Казань с тыла, ударив по городу со стороны Суконной слободы.

В ночь на 6 августа начали вооружаться рабочие отряды. Вацетис распорядился эвакуировать Государственный банк, где находился вывезенный из Москвы и Петрограда золотой запас. Под огнем белогвардейцев стрелки погрузили часть золотого запаса на две пароконки и доставили на пароход. Полтора десятка грузовиков с ценностями удалось вывезти в Вятские Поляны под охраной латышских стрелков.

Несмотря на ожесточенное сопротивление, оказанное в городе бойцами 5-го Латышского полка, Мусульманского

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 133.

социалистического полка и рабочими отрядами, белочехам удалось захватить Казань. Об упорном характере боев говорит, например, тот факт, что штаб Восточного фронта был превращен в крепость, которая оборонялась под непосредственным руководством Вациетиса. В его распоряжении имелось 180 стрелков 5-го полка. Улица была забаррикадирована, возле штаба вели огонь два орудия и два броневика, а из окна кабинета Вациетиса строчил пулемет... Чтобы прорвать кольцо окружения. Вациетис разбил стрелков на группы и стал с боем пробиваться из города. Сам Иоаким Иоакимович вырвался из окружения с группой в 27 стрелков, причем только шестерым удалось спастись, остальные погибли в бою.

Казань была захвачена не только белочехами, но и так называемой «Народной армией», подчинявшейся «Комитету Учредительного собрания» (Комуч), возглавляемому меньшевиками и эсерами, которые, как известно, в те годы больше и громче всех кричали о «свободе личности» и «священных правах человека». Над зданием Комуча в Самаре был вывешен красный флаг, «народоармейцам» строжайше запрещалось носить погоны или белые повязки. Короче, видимость «народовластия» соблюдалась с упорством.

И вот эти, с позволения сказать, «защитники прав народа» вошли в Казань. Начался такой разгул террора, который можно сравнить разве что с действиями ярославских мятежников, вдохновляемых Борисом Савинковым. Трупы расстрелянных валялись прямо на улицах, в лугах за Кремлем. Тюрьмы были до отказа забиты рабочими всех национальностей. Фабрики и заводы тут же были переданы их бывшим владельцам.

«Демократы» из Комуча, демагогически распинавшиеся о «тирании» большевиков, устроили кровавую резню. Без суда и следствия были зверски убиты попавшие им в руки советские и партийные активисты. Именно в те трагические дни погиб Мулланур Вахитов — отважный борец за свободу татарского народа. Его не спасло даже то, что он был членом Учредительного собрания, от имени которого действовали палачи. Погиб тогда и Яков Шейнкман — известный революционер-ленинец. При освобождении Казани красноармейцы, ворвавшиеся в Кремль, обнаружили в конце небольшого дворика груды трупов. Весь дворик был в крови и мозгах. Очевидно, людей

расстреливали с близкого расстояния, в голову. В тринадцатой камере гауптвахты нашли надпись, нацарапанную, видимо, спичкой: «Умру спокойно. Шейнкман». А немного правее: «Скоро расстреляют, прощайте! Будь хорошим человеком» — завещание сыну.

Среди жертв белого террора был и двадцатитрехлетний комиссар юстиции Мартин Межлаук, именем которого сейчас называется одна из улиц Казани. Журнал «Пути революции» писал в 1923 году, что заслуги Мартина Межлаука «как первого творца пролетарского суда в Казанской губернии остаются неповторимыми и еще непревзойденными».

Мне бы хотелось вкратце рассказать и о других братьях Межлауках, работавших в Казани в то время и ставших впоследствии видными деятелями Советского государства. Старший из братьев, Иван, был военкомом Казанской губернии и сыграл большую роль в мобилизации и организации рабочих отрядов. После освобождения города от белых под его руководством восстанавливалась губернская партийная организация. После гражданской войны Иван Межлаук был секретарем ЦК КП Туркмении, секретарем Совета труда и обороны, председателем Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР... Валерий Межлаук до прибытия в Казань был наркомом по военным делам Украины. В середине августа он стал членом Военного совета Казанского участка Восточного фронта и сыграл большую роль в освобождении города. Впоследствии Валерий Межлаук — среди тех, кто строит советскую индустрию. Он был заместителем председателя Всесоюзного Совета народного хозяйства, председателем Госплана СССР, наркомом тяжелой промышленности.

Несмотря на тяжелую для республики потерю Казани, ВЦИК отметил героизм латышских стрелков при обороне города. 5-й Земгальский полк был награжден Почетным Красным знаменем ВЦИК — первая такого рода награда в Красной Армии. Это было в то время ответом на подлую клевету белых, сфабриковавших обращение ко всем латышским стрелкам от имени 5-го полка, якобы перешедшего на их сторону.

Оборона Казани имела большое значение. Впервые на Восточном фронте белые получили сокрушительный отпор. Противник бросал в бой крупные силы, израсходовал

большие людские и материальные резервы, а результатов достиг сравнительно небольшнх. Особо надо подчеркнуть, что самоотверженная борьба латышских стрелков сорвала планы белых захватить станцию Свияжск и мост через Волгу. В боях за Казань понесли большие потери лучшне части белых. Генеральный консул США в Иркутске Э. Гаррис доносил своему правительству, что при взятии Казани потери белых «более значительные, чем в других местах». Именно по этой причине белогвардейцы были вынуждены остановиться, закрепиться на достигнутых рубежах. Разумеется, такая остановка была на руку нашим войскам, получившим возможность накопить снлы и перейти в решительное контрнаступленне[1].

Партия принимала самые энергичные меры, чтобы переломить ход событий на Восточном фронте, особенно на Казанском участке. С 6 августа на станцию Свияжск стали непрерывно поступать эшелоны с войсками, в том числе и латышскими стрелками. Назову хотя бы несколько полков: 4-й с 4-й легкой и 1-й тяжелой батареями, 1-й полк, кавалерийский полк, 6-й полк с 6-й легкой батареей и штаб 2-й бригады. В эти же дни прибыл и штаб 3-й бригады, которой командовал Янис Юдынь. Конечно, под Казанью и в Поволжье вообще сражалнсь не только латышские стрелки. Сюда были переброшены 2-й Московский и Петроградский отряд (Правобережная группа). А на левый берег Волги — 3-й Курский, 1-й Брянский, 1-й Минский, 1-й Московский, 1-й Петроградский полки, Вяземская и 6-я Гомельская батареи[2].

В 1975 году Издательство политической литературы издало книгу кандидата исторических наук Б. А. Томана «За свободную Россию, за свободную Латвию», в которой говорится о геронческих подвигах латышских стрелков, их верности идеям пролетарского интернацноиализма. В этой работе с большим знанием дела и детально опнсываются бои под Казанью в августе-сентябре 1918 года. Причем Б. Томан не скрывает трудностей н неудач, которые постигали части Красной Армии, особенно в первоначальный период борьбы за взятие Казани. В самом деле, целый месяц наши войска продвигалнсь вперед

[1] История латышских стрелков, с. 287.
[2] Там же, с. 291.

очень медлеино. Так, 11 августа левобережная группа V армии достигла станции Красная Горка в 12 километрах от Казани, но под сильным огнем противника вынуждена была отойти. Утром 12 августа в бою пал командующий левобережной группой войск Янис Юдынь. По предложению В. И. Лениа в его память Совет Народных Комиссаров постановил: «Переименовать железнодорожную станцию Красная Горка, место героической гибели товарища, в станцию Юдно». Это был первый случай увековечения памяти героя гражданской войны[1].

Работая над книгой, я поинтересовался, кем был Янис Юдынь до гражданской войны. Узнать удалось немного, но даже эти скупые сведения о нем говорят, что 35-летняя жизнь Юдыня — это путь революционера, типичный для миогих латышскнх коммунистов. Сын безземельного крестьянина, он ценой лишений стал учителем, вел антипомещичью агитацню средн крестьян, в прогрессивной печати выступал против черносотенцев. Потом его призвали в царскую армию. Здесь он активно участвовал в солдатскнх комитетах, был членом Исколастрела... По воспомнианиям товарнщей, он очень любил детей — командующий левобережной группой Красной Армии, учнтель Янис Юдынь...

На подступах к Казани пали и многие другие славные сыны нашей Родины. Вот лишь одна из сводок РОСТА: «Штаб Н-ской армни 10 сентября. В боях под Казанью пали смертью храбрых командир левобережной части Янис Юдынь, командир отряда Смирнов, бывший полнткомиссар правого берега Розии, помощнк политкомнссара правого берега Додонов, агитатор Горбатенков, политкомиссар Старорусского полка Семенов, политкомнссар Латышского полка Берзин».

Операцин под Казанью свидетельствовали о возмужании Красной Армни. Они велись широко, с размахом, с использованием Волжской флотилни и других родов войск. В боях 11—14 августа многие красноармейцы получили первое боевое крещенне и вынудили противиика перейти к обороне. Решнтельное наступление началось 5 сентября. Перед этим, 2 сентября, ВЦИК принял решение превратить всю страну в единый военный лагерь. Высший военный совет был упразднен, а для руководства

[1] История латышских стрелков, с. 291.

всеми вооруженными силами страны учрежден Реввоенсовет республики. Главнокомандующим всеми вооруженными силами был назначен Иоаким Иоакимович Вациетис[1].

Основной удар на Казань осуществляла V армия, командующим которой был П. Славен. Вот что писала о нем тогда Лариса Рейснер в очерке «Свияжск»: «Старик Славен, командарм 5-й ... крепко и хорошо знающий свое ремесло полковник, нашел точку опоры, выработал определенный план и проводил его в жизнь с чисто латышским упорством»[2].

Сентябрьское наступление на Казань велось двумя группами — левобережной и правобережной. Последняя наступила на сильно укрепленные позиции противника на Верхнем Услоне — командной высоте над Казанью. Двое суток 1-й и 6-й латышские, 2-й Московский и Тверской, Новгородский и Владимирский полки штурмовали эту высоту. 8 сентября Верхний Услон был взят.

В боях за Казань отличился легендарный герой гражданской войны Владимир Азин. Один из замечательных командиров-самородков, которому в то время было всего 22 года, действуя главным образом на свой страх и риск, лишенный постоянной оперативной связи со штабом V армии, подошел к Казани, перерезав Лаишевское шоссе — последний и единственный путь отступления белых. Казань оказалась в кольце красных войск.

10 сентября начался последний штурм, завершившийся полным разгромом противника. Валерий Межлаук от имени Реввоенсовета V армии телеграфировал В. И. Ленину: «Военно-революционный Совет Пятой армии приветствует дорогого вождя, раненного преступной рукой наемницы буржуазии, и считает за счастье донести ему, что контрреволюция жестоко наказана за свои гнусные замыслы против рабоче-крестьянской страны и ее славных вождей. Чехословацкие и белогвардейские банды наголову разбиты под Казанью, и она снова в руках Советской власти. Военно-Революционный Совет душа в душу со всеми солдатами Пятой армии желает скорейшего выздоровления славному учителю мирового пролетариата и выражает твердую уверенность, что он вскоре

[1] История латышских стрелков, с. 293.
[2] Октябрь в Поволжье. Саратов, 1967, с. 457.

снова будет в силах указать ему путь к победам»[1]. В «Приветствии Красной Армии по поводу взятия Казани» 11 сентября Владимир Ильич писал: «Приветствую с восторгом блестящую победу Красных Армий.

Пусть служит она залогом, что союз рабочих и революционных крестьян разобьет до конца буржуазию, сломит всякое сопротивление эксплуататоров и обеспечит победу всемирного социализма»[2]. В письме красноармейцам, участвовавшим во взятии Казани, 22 сентября В. И. Ленин отмечал, что «великое значение приобрело для всей русской революции взятие Казани, ознаменовавшее перелом в настроении нашей армии, переход ее к твердым, решительным победоносным действиям»[3].

В те памятные дни окружной военный комиссар Приволжского военного округа Иван Межлаук издал приказ, в котором, в частности, говорилось: «Пусть каждый осознает важность момента и понесет свой труд, свою энергию, свою кровь на алтарь священной борьбы с капиталом, борьбы за право и счастье трудящихся масс, за светлое будущее — социализм. С завистью будут смотреть на нас поколения и вспомнят словами: «Он был под Казанью».

Те, кто в наши дни совершает путешествие по Волге, могут встретить на широких речных просторах старинный колесный пароход, вот уже многие десятилетия носящий имя «Памяти Азина». Рядом с современными красавцами-лайнерами он кажется чуточку нелепым, архаичным. У людей же старшего поколения — знаю это по собственному опыту — при встрече с «Памятью Азина» на глазах появляется непрошеная слеза, а сердце замирает. Владимир Азин! В годы гражданской войны его имя было столь же популярным, как имена Котовского, Фрунзе, Чапаева, Блюхера, Тухачевского, Ворошилова, Буденного. Разные это были люди и по характерам и по занимаемым должностям. Но слава у них была одна. Громкая слава подлинных борцов за народную власть. Не буду рассказывать биографию Владимира Азина — сына латышского крестьянина, ставшего сыном — легендарным сыном! — земли Советской. Он прошел путь от

[1] Октябрь в Поволжье, с. 467.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 86.
[3] Там же, с. 96.

солдата до начдива. Смело сражался с белогвардейцами на Восточном фронте, командовал правобережными войсками в боях за Казань, участвовал в разгроме Колчака, особое геройство проявил при взятии Екатеринбурга. Затем Южный фронт, борьба с деникинцами.

В середине февраля 1920 года Владимир Азин по трагическому стечению обстоятельств оказался в руках белых. Ему предложили генеральский чин, «обеспеченное будущее».

— Мы с вами — офицеры, — говорил допрашивавший Азина полковник, — и найдем общий язык. Тем более, что вы казак, уроженец Ростова . . .

— Ошибаетесь, полковник. Я — латыш. А латышей вы в плен не берете. Так что кончайте комедию. Азин умрет Азиным!

Его отправили в ставку Деникина. Снова пытки и издевательства. Ему связали руки, пристегнули к седлу рысака и с улюлюканием, хохотом и свистом погнали лошадь по улицам станции Тихорецкой . . . Потом начдива 28-й дивизии Владимира Мартыновича Азина повесили.

В заключение рассказа о легендарном начдиве несколько строк из воспоминаний Н. К. Крупской:

«Приходил ко мне на пароход в Елабуге красный командир тов. Азин . . . Был беспощаден к белым, к перебежчикам и отчаянно смел. Говорил он со мной главным образом о своей заботе о красноармейцах. Красноармейцы его любили . . .».

Маршал и дважды Герой Советского Союза Василий Иванович Чуйков, служивший в 28-й дивизии, писал, что в крупных сражениях за свободу Родины не мог не вспомнить о легендарном начдиве В. М. Азине, который для него на всю жизнь остался примером командира нового, советского склада.

Победой над Казанью бои на «главной улице России» не завершились. Отсюда белые поспешно отступали к Симбирску. В наступление на юго-восток двинулась Шихранская группа наших войск, в которую кроме 4-го латышского полка входил и Латышский кавалерийский полк под командованием Яниса Кришьяниса. Выше я уже упоминал это подразделение и его командира. В моей жизни, военной биографии кавалерия сыграла немало-

важную роль. Мне доводилось служить вместе с замечательными кавалеристами — большими знатоками тонкостей и особенностей этого специфического рода войск. Разумеется, в наши дни кавалерия — то же самое, что парусный флот на море. И все-таки . . . Вспоминая кавалерию, я отдаю дань не только своей военной молодости. Я прежде всего думаю о тех людях, которые делали честь и славу нашей Красной Армии, своими каурыми, гнедыми или вороными пробивали путь механизированным частям, составляющим основу основ современной армии.

Янис Кришьянис и его полк с блеском прошли почти по всем фронтам гражданской войны. Полк ходил в атаки против белых в кубанских степях, на волжских просторах, под Уфой и Оренбургом, вместе с 8-й кавалерийской дивизией червонного казачества совершал смелые рейды по тылам деникинской армии, участвовал в освобождении Латвии, бился на Каховском плацдарме, громил банду «батьки» Махно. Полк Яниса Кришьяниса доказал, что латыши могут быть такими же лихими кавалеристами, как донские или кубанские казаки.

К 15 сентября Шихранская группа заняла Буинск и Тетюши и соединилась с правобережной группой, которая к этому времени достигла Красновидова. Участники тех боев пишут в своих воспоминаниях, что взятие Казани буквально окрылило бойцов I-й Революционной армии, которой командовал М. Н. Тухачевский. 12 сентября 24-я Симбирская Железная дивизия Г. Д. Гая после трехдневных боев освободила Симбирск.

Одним из первых в город вошли начдив Гай и комиссар Оскар Калнынь. По инициативе Оскара Юрьевича в Москву Ленину была отправлена телеграмма: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие вашего родного города — это ответ на вашу одну рану, а за вторую будет Самара». Вскоре пришел ответ: «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы»[1].

Вдохновленные поздравлением Владимира Ильича, бойцы I-й армии двинулись на Сызрань. На главном

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 95.

направлении этой операции наступала прославленная 15-я Инзеиская дивнзня, которой командовал Янис Лацис — бывший командир 4-го Латышского стрелкового полка. Это был молчаливый человек, но всегда отличался мужеством, выдающимися организаторскими способностями. В бою под Сызраиью Янис Лацнс приказал восстановить и использовать отбитые у врага бронепоезда. Это была грозная огневая сила, расчищавшая красноармейцам путь вперед. Сводная команда бронепоездов первой ворвалась в Сызрань. Поздно вечером комиссар армии Оскар Калнынь и начдив Янис Лацис передали по всем адресам: «Нашими частями Инзенской и Симбирской дивизий сегодня, 3 октября, в 12 часов занят город Сызрань».

После короткого отдыха I-я армия двинулась на Самару. Белогвардейские части не могли остановить окрепшие в боях советские дивизии. Газета «Правда» 10 октября 1918 года писала: «Председателем ВЦИК т. Свердловым и председателем Совнаркома т. Лениным была получена телеграмма, в которой сообщалось, что в 5 часов 7 октября наша доблестная армия вступила в Самару.

Рабочее население восторженно встретило прнход советских войск. Сейчас же были приняты меры по восстановлению в Самаре и Самарской губернии Советской власти.

С момента взятия Самары вся Волга вновь стала советской рекой . . .».

Победы Красной Армин на «главной улице России» стали легендарными страницами в истории гражданской войны. И славные, незабываемые строки в эти сражения вписаны латышскими стрелками.

4. НА ДВУХ НАПРАВЛЕНИЯХ

Осенью 1918 года Республика Советов со всех сторон была окружена огнями боев. Этот огонь разжигали то интервенты, то белогвардейцы, то кулаки, то бандиты. Казалось, вся Россия готова обратиться в пепел . . .

Из всех этих полыхающих фронтов гражданской войны я хочу остановиться на двух — Восточном (Уральском) и Северном.

После разгрома белогвардейцев и белочехов на Волге, Восточный фронт стал, если так можно выразиться, Восточно-Восточным, поскольку откатился в направлении Урала. Со временем этот фронт так и назвали — Североуральским. Командовал этим фронтом Рейнгольд Иосифович Берзинь.

С именем этого человека связано множество успешных сражеинй гражданской войны, множество операций, интересных и в практическом и в теоретическом отношениях. В середине 1920 года в Харькове, в журнале «Революционный фронт» была опубликована работа Р. Берзиня «Этапы в строительстве Красной Армии». Это глубокое, продуманное исследование. Работа писалась тогда, когда еще не умолкли залпы войны, но несмотря на это Берзинь сделал глубокий и подробный анализ боев, опровергнув тем самым сложившееся мнение, будто событня лучше можно оценнть по прошествии многих лет. Не случайно поэтому нынешние наши нсторнки используют работы Р. Берзиня (особенно его методологию) при изучении первых этапов становления Советской Армии.

Мне довелось всего только один раз повстречаться с Рейнгольдом Берзинем — в двадцатом году, на Южном фронте. Но хорошо запомнилось мне его открытое, крутолобое лнцо и пытливые, немного иронпчные глаза.

Потомственный рабочий, Рейнгольд Берзинь вступил в партню семнадцатилетним пареньком, в 1905 году. Сидел в царской тюрьме, служил в армии (окончил Псковскую школу прапорщиков), воевал . . . Обычный путь большевика. Этот путь привел его в начале гражданской войны в Военно-революцнонный комитет старого Западного фронта. Вскоре его назначили командующим Северными отрядамн по лнквидации Ставки в Могилеве, комиссаром при начальнике штаба Верховного главнокомандующего. В начале 1918 года Рейнгольд Берзинь — главком Западного фронта по борьбе с контрреволюцией, потом командует II революционной армией при взятии Кнева. После заключения Брестского мира он стал военным комиссаром Средне-Сибирского военного округа, организует борьбу с белочехами на Самарском и Миасском участках. Как я уже говорил, Р. Берзинь командует Североуральским фронтом, штаб которого находился в Екатернибурге (Свердловске), затем — III армией. В июле 1919 года Рейнгольд Берзнинь назначается членом Реввоенсовста

Западного фронта, участвует в обороне Петрограда от войск Юденича, а с декабря 1919 года — стал членом РВС Южного, потом Юго-Западного фронтов. В 1923—1924 гг. Р. Берзинь был членом РВС Туркестанского фронта, руководил борьбой с басмачами. Он был всесторонне одаренным человеком. Много сил отдавал литературному творчеству (литературный псевдоним — Бирка).

III армия, которой командовал Рейнгольд Берзинь, в середине 1918 года формировалась в тяжелых боях. У нее не было ни снл обеспечения, ни резервов, ни тыла. Это была подвижная армия, действовавшая на огромной территории. Из центральных районов страны на Урал направлялись боеспособные части Красной Армии. Некоторые из них влились в III армию. В частности, Торошинский латышский полк.

Вместе с Тобольским и Сарапульским красноармейскими отрядами Торошинский полк оборонял железнодорожную станцию Арасланово, попал в окружение, но с боями пробился сквозь цепи белых. Взорвав за собой мосты, стрелки задержали продвижение противника и дали возможность провести эвакуацию Екатеринбурга.

Немного позже на Урал прибыл Лиепайский латышский полк и был направлен на борьбу с белогвардейцами в Кунгурский уезд Пермской губернии. К нему вскоре был присоединен 3-й Пермский латышский кавалерийский эскадрон, сформированный из эвакуированных латышских рабочих. Полк был включен в состав 4-й Уральской дивизии, которая в августе-сентябре 1918 года вела тяжелые бои с наступающими белогвардейцами и белочехами юго-восточнее города Кунгур, у Бисертского завода. Противник превосходил наши части и численно и по количеству техники, но не смог сломить сопротивление рабочих и красноармейских отрядов. Во время этих боев Лиепайский полк понес большие потери, но стрелки единодушно решили не оставлять позиции.

В середине сентября в район Красноуральска прорвался Южно-Уральский советский отряд, отрезанный летом от основных частей. Пройдя по тылам врага полторы тысячи километров, отряд под командованием Василия Константиновича Блюхера выдержал множество боев и соединился с войсками 5-й Уральской дивизии. По приказу Рейнгольда Берзиня партизанский отряд

В. К. Блюхера был включен в состав Красной Армии, а его командир был назначен начальником 4-й Уральской дивизии, в составе которой было немало латышских стрелков. Именно тогда, в сентябре 1918 года, Василий Константинович Блюхер был первым награжден орденом Красного Знамени.

Третья армия вела тяжелые, кровопролитные бои, то переходя в наступление, то обороняясь. Но у противника здесь было гораздо больше сил. 25 декабря белогвардейские войска генерала Гайды после многодневных боев овладели Пермью и надеялись соединиться с войсками интервентов на Севере. Неожиданный успех белых заставил наше командование принять серьезные меры к укреплению III армии[1]. Реввоенсовет Республики отдал приказ о переброске из Ярославского военного округа одной бригады 7-й стрелковой дивизии на помощь III армии. Одновременно главком потребовал от Реввоенсовета Восточного фронта усилить наступательные действия II и V армий, действовавших в Прикамье. Как известно, эти меры дали положительные результаты и впоследствии III армия не раз громила отборные дивизии Колчака.

В августе 1918 года в Ижевско-Воткинском районе вспыхнул контрреволюционный мятеж, в результате которого белые части захватили оружейный завод в Ижевске. Это была большая потеря для Республики. К тому же в результате мятежа между II и III армиями врезался огромный клин белогвардейских частей, угрожавший флангам и тылам наших войск. Освобождение Ижевска стало одной из главных задач II армии.

С юга и юго-запада на Ижевск шла 2-я сводная дивизия под командованием Владимира Азина. В составе дивизии был и 3-й Уфимский латышский батальон в количестве 300 штыков. Азинцы стремительно продвигались вперед. Сарапул, деревни Юськи и Волково — места наиболее ожесточенных боев ... Вечером 7 ноября цепи азинской дивизии сломили сопротивление белых и вошли в Ижевск. В те же дни велись решающие бои и на Воткинском направлении. Здесь в авангарде наступления шел 7-й латышский полк. 11 ноября 2-й и 3-й батальоны этого полка вошли в Воткинск. Весь Ижевско-Воткинский

[1] История гражданской войны в СССР, т. 3, с. 355—356.

район был освобожден к концу ноября 1918 года и угроза тылам и флангам II и III-й армий ликвидирована.

Летом и осенью 1918 года латышские стрелки сражались на главных фронтах гражданской войны, делом доказывая свою верность власти рабочих и крестьян, идеям пролетарского интернационализма.

Второе направление, где действовали тогда латышские стрелки — северное — было очень важным уже хотя бы потому, что тут концентрировались главные силы интервентов.

20 июля 1918 года английские войска высадились на Соловецких островах, а 31 июля захватили Онегу. Прямая угроза нависла над Архангельском.

Советских войск в Архангельске было мало, не более 800 человек[1]. В составе гарнизона была Латышская пулеметная команда, насчитывавшая 225—250 бойцов. Латышские стрелки разоружили находящиеся в Архангельске отряды сербов и чехов, готовящихся к захвату власти, арестовали контрреволюционеров. Вообще надо сказать, что латышские коммунисты принимали самое активное участие в общественной жизни города. Редактором газеты «Известия Архангельского Совета» был Е. Тимме, а в числе руководителей городской партийной организации были О. Валюшис, А. Эйдук, М. Новов.

Но по сравнению с интервентами силы Красной Армии в Архангельске были гораздо слабее. Из-за предательства одного из командиров гарнизона интервенты захватили город фактически без боя.

Положению на Северном фронте много внимания уделял В. И. Ленин. Он считал, что нельзя допустить соединения войск интервентов и белогвардейцев на Волге. Поэтому большое значение придавалось укреплению Вологды — железнодорожного узла, через который происходила переброска войск и снабжение Северного и Восточного фронтов. На этом важном флаиге борьбы с контрреволюцией также находились красные латышские стрелки.

Каждый раз, когда я бываю на родной Вологодчине, мне невольно приходят на память годы гражданской войны, бои, которые велись в наших краях, люди, заплатившие дорогой ценой за победу нового строя. В краевед-

[1] История гражданской войны в СССР, т. 3, с. 177.

ческом музее Вологды бережно хранятся ценные реликвии гражданской войны, свидетельствующие об активном участии латышских стрелков не только в военной, но и общественной жизни города и губернии.

Весной 1918 года в Вологду прибыл отряд 2-го латышского стрелкового полка, насчитывавший 250 человек. Он участвовал в разоружении анархистов, нес гарнизонную службу. В июне этот отряд был реорганизован в Вологодский особый латышский стрелковый батальон — немногочисленный по количеству бойцов, но крепко спаянный общими целями, дисциплинированный и стойкий. В начале июля в Вологду прибыл из Бологого 8-й латышский полк. В него влился и особый батальон. Вместе они составили уже внушительную силу из 514 стрелков при 14 пулеметах, легкой батарее и команде конных разведчиков. Около 20% состава полка были коммунистами. Они вели большую агитационную работу и среди красноармейцев, и среди населения города. Связь с местными советскими и партизанскими органами поддерживалась постоянно, причем на самых различных уровнях — от уличных комитетов до Вологодского губкома. Разумеется, не всегда и не везде это сотрудничество проходило в нормальной, товарищеской обстановке. Старый большевик В. И. Суздальцева (Тагунова) пишет в воспоминаниях, что против сотрудничества с латышскими стрелками в то лето выступили «левые коммунисты», которые «шовинистически негодуя на «засилье» латышей, военных и иногородних, разжигали местничество в городской организации и, по существу, вторили буржуазной клевете на наши партийные и рабочие части и на латышских стрелков»[1]. Но эти «трения» прекратились, как только наступило время делом доказать свою преданность революции.

Кроме латышских стрелков в вологодский гарнизон входили I-я Вологодская коммунистическая рота, караульная рота и начавший формироваться I-й Вологодский социалистический полк[2].

Все лето и начало осени бои на Северном фронте велись с переменным успехом. Наряду с удачными операциями (в августе, у деревни Осташево, например), были

[1] *Суздальцева (Тагунова) В. И.* Партийная работа на Северном фронте, 1918—1919. Архангельск, 1936, с. 35.

[2] ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 27, л. 296, 328, 468.

и досадные поражения (захват интервентами Шенкурска в начале сентября). Постепенно положение на фронте стабилизировалось, и стало ясно, что противник бросал и основные силы, и резервы главным образом на северодвинское направление. Именно здесь интервенты хотели прорвать фронт и через Котлас выйти к Вятке на соединение с белочехами.

В октябре на этом направлении советские войска перешли в наступление, продвинулись на 50 километров. В этих боях участвовали латышская пулеметная команда (ранее прибывшая из Архангельска), Рождественский и Потемский отряды и конный отряд Хаджи Мурата. Они обошли роту англичан и загнали противника в болото. В наступлении вместе с I-м Вологодским полком, Вологодской коммунистической ротой и отдельной ротой моряков участвовала Латышская стрелковая рота. Эта операция прошла успешно и упрочила положение Котласа с Севера[1].

Латышские стрелки участвовали в боях на многих участках Северного фронта. Всего их было там свыше двух тысяч человек. В начале боев с интервентами латышские стрелки составляли примерно четвертую часть среди частей Красной Армии на Советском Севере. И тогда, в 1918 году, и позже латышские коммунисты сыграли видную роль в укреплении Советской власти на Севере.

5. ПРОТИВ БЕЛОКАЗАКОВ

Летом 1918 года Красная Армия вела затяжные бои с белоказаками генерала Краснова. Военные действия развернулись главным образом на двух направлениях — царицынском и центральном (по железнодорожной дороге — Царицын—Москва).

В книге Б. А. Томана «За свободную Россию, за свободную Латвию» приводится интересный документ — распоряжение начальника оперативного отдела Наркомвоена С. Аралова Военному комиссариату Москвы от 3 июня 1918 года. В этом распоряжении говорилось: «По приказанию Председателя Совнаркома тов. Ленина предписывается Вам сегодня же к 6 часам вечера приготовить отряд в числе 400 человек, из которых должно быть 100 человек обязательно латышских стрелков, для отправления в г. Астрахань с тов. Сталиным». Такой отряд был сформирован и отправлен на юг. В его состав вошли 66 стрелков, перевозивших в мае золотой запас Советской России из Москвы в Казань, а также 34 спешенных стрелка Латышского кавалерийского полка. Командовал отрядом В. Галвинь. Стрелки подавили мятеж белоказаков в станице Александровской, восстановили Советскую власть в районе от Красного Яра до Камышина. В августе этот отряд присоединился к 4-му полку в Свияжске.

[1] История латышских стрелков, с. 309.

У меня нет возможности описывать все бои латышских стрелков на юге в 1918 году. Остановлюсь лишь на Поворинской операции. Началась она в июне, когда белоказаки перерезали железную дорогу Царицын—Поворино. Сюда были спешно переброшены подкрепления, в том числе и латышские стрелки. В частности, в Поворинский район прибыл Курземский полк, сформированный весной в Воронеже на базе одного из батальонов 3-го Курземского полка. Этот полк (разумеется, в тесном взаимодействии с другими подразделениями Красной Армии) мужественно сражался у станции Урюпино, под Филиновым и Бездарино, получил благодарность командования.

Поворинский участок получал подкрепление в течение почти всего лета. По распоряжению главкома И. Вацетиса сюда были направлены многие части латышских стрелков. Назову наиболее крупные: Саратовский полк особого назначения, 8-й полк с полубатареей, Витебский кавалерийский полк, 9-й полк, а также 1-я батарея 1-го легкого артдивизиона и отделение авиаотряда. Все эти части были объединены в 3-ю бригаду Латышской дивизии и заметно укрепили боеспособность IX армии. Латышская бригада вошла в состав Особой ударной группы войск Южного фронта. Вместе с нею в группу входили 2-й Лубенский стрелковый и I-й Донской казачий полки, кавалерийский дивизион и две батареи. Командиром группы был назначен В. Бухманис.

Ветераны гражданской войны — латышские красные стрелки в своих воспоминаниях непременно останавливаются на октябрьских боях 1918 года в районе Поворино. Некоторые даже называют эти сражения «выдающимся

вкладом в военную науку». Я не любитель громких эпитетов и оцениваю Поворинскую операцию несколько скромнее. Мне думается, что она в значительной степени облегчила положение дел на Царицынском участке, где в октябре завязались упорные бои с белоказаками и где, как мы знаем, решалась участь всего юга России. В районе Поворнно латышские стрелки действовали смело, упорно, внесли заметный вклад в разгром белогвардейскнх частей. Так, под Новохоперском латышские стрелки 9-го полка пошлн в контратаку прямо из железнодорожного эшелона и остановнли наступленне белых. Мужество и отвагу стрелкн проявнлн в бою за станцию Косарка, станицу Большинскую. Хочу особо отметить, что к середине ноября, когда части Латышской бригады уже поиесли немалые потерн, когда из-за нехватки продовольствия и обмундирования стрелков буквально косили разные болезнн, боевой дух стрелков был по-прежнему крепким. Никто не требовал замены на позициях, не отмечалось ни одного случая невыполнения боевых приказов или серьезных иарушений дисциплины.

Снова сошлюсь на книгу Б. А. Томана, в которой был опубликован весьма примечательный документ, найденный историком в Центральном государственном архиве Советской Армии. В ноябре начдив Ф. К. Миронов обследовал частн Поворнинского участка и представнл командованию доклад, в котором говорилось: «... мне выпало на долю ехать в Курземский полк... Стоит полк в пяти верстах от ближайших строеиий и занимает позицию на совершенно открытом поле — нет нн деревца, ни кустика; окопов тоже нет. У каждого вырыта кротовая нора (иначе назвать это сооружение нельзя), в которую входить можно только ползком, в которой он ночует, разводя в холодное время костер. Вид у товарищей красноармейцев ужасный — все черны, как уголь. Умываться, видно, не приходится, так как вода привозится нз хуторов в бочках и ее еле хватает для питья... В таких условиях полк, выдерживая натиск противника и сам неоднократно переходя в наступление, бессменно стоит на передовых позициях, не имея резервов пять месяцев. Это — богатыри, это действительно люди, решившие все до последней капли крови отдать за революцию... День был проведен в беседах с товарищами красноармейцами, которые изъявили согласие еще стоять на передовой линии, сколько потребуется, всегда наступать, когда прикажут, на удлинение боевого участка тоже согласились и, кажется, нет ничего, на что не согласились бы они во имя революцин»[1]. Мне кажется, что с такими историческими документами надо чаще знакомить нашу молодежь, прививать ей уважительное отиошение не просто к прошлому, к нашей историн, а к конкретным делам, к конкретным подвигам людей старшего поколения. Такого рода свидетельства дают возможность молодым людям прочувствовать событне, показывают, что нынешние светлые дни дались нам дорогой, очень дорогой ценой.

В конце ноября Ударная группа перешла в наступление в соответствии с директивой нового командующего Южным фронтом П. Славена. Это наступлеиие вначале развивалось успешно, были освобождены многие населенные пункты, в том числе снльно укрепленная станция Алексиково. Но на левом фланге группы белоказаков вышли в тыл Латышской бригады, окружив Алексиково. Несмотря на явное превосходство сил белых, брнгада отходила организованно и хладнокровно, на ходу переходя в контратаки, сохранив в целости штаб и обоз.

В середине декабря 3-я Латышская бригада выехала с Южного фронта на Западный, где началнсь бои за освобождение Латвии.

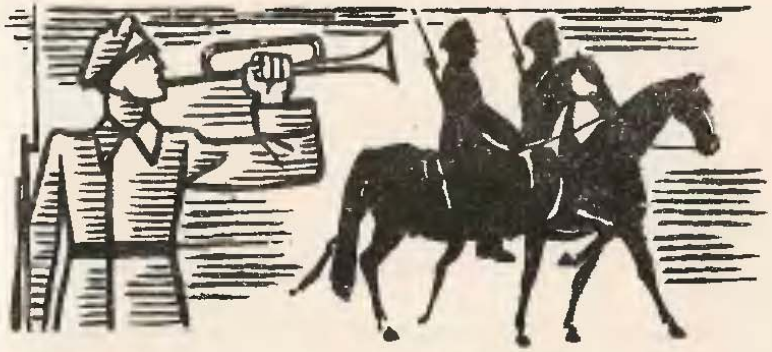
Латышские стрелки принимали участие в боях и на другнх участках Южного фронта. В Терской области сражался отряд, прнбывший из Астрахани. Вместе с астраханской рабочей дружиной этот отряд освободил Кизляр от белоказаков. В ноябре латышские стрелки этого отряда были переброшены на Западный фронт.

В боях с врагами молодой республики на Южном фронте, как н на других фронтах, крепла, набиралась сил пролетарская дружба латышских стрелков с красноармейцами других национальностей, со всеми трудящимися Советской России.

Тогда, осенью восемнадцатого, отправляясь эшелонамн на Западный фронт, к границам родной Латвии, латышские стрелки не могли знать, что им снова предстоят горячие бои здесь, на юге, что придется еще раз покидать берега Даугавы и отстанвать дело революции на берегах Днепра и Черного моря.

---

[1] ЦГАСА, ф. 100, оп. 2, д. 85, л. 1—2.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НЕ ПЕРЕВОДЯ ДЫХАНИЯ

1. К БЕРЕГАМ ДАУГАВЫ!

Каждый раз, когда я приезжаю в гости к своим друзьям в Латвию, меня не оставляет чувство, что я нахожусь сразу в трех временных измерениях: в 1919, 1944 годах и в сегодняшнем дне. Людям моего поколения, пережившим гражданскую и Великую Отечественную войну, особенно присуще это чувство. В нашей памятн событня военных лет переплелись самым причудлнвым образом, дополняют друг друга и создают как бы слившуюся воедино картину.

Приезжаю я, к примеру, в Резекне, беседую с первым секретарем райкома партии И. А. Богдановым. Он рассказывает мне о своих заботах, о том, как труженики села претворяют в жнзнь решения партии, я слушаю его и одновременно думаю о том, как в годы войны он партизанил, прошел трудными дорогами по всей восточной Латвии — по тем самым дорогам, по которым шла н наша 10-я гвардейская армия. А за два с половиной десятнлетия до этого на берегах бесчисленных латгальских озер сражались латышскне красные стрелки.

В годы гражданской войны я воевал только на Южном фронте и о том, как складывалась обстановка на Западном фронте, имел лишь общее представление, почерпнутое из газетных сообщений. Во время учебы в Академии нм. М. В. Фрунзе мы получили о событнях в Латвни уже более детальную характеристику. Много интересного могли сообщить участники боев девятнадцатого года, с которыми мне довелось учиться в академии или служить в частях Советской Армии. Помню интересные, необычайно жнвые и содержательные лекции Иоакима Вациетиса, ведшего курс воеиной нсторин в академии. И вдохновенные, даже поэтические воспоминания Роберта Эйдемана — начальннка академни, и богатые деталями, проникнутые тонким юмором повествования Яна Вейкнна.

Многое я узнал из книг историков, анализирующих участие латышских стрелков в освобождении Латвии. Отрадно, что на эту тему в послевоенные годы выпущено немало интересных работ. В первую очередь хотелось бы отметить 5-ю и 6-ю главы «Истории латышских стрелков», написанные кандидатом исторических наук В. Берзинем, и главу «Армия Советской Латвии» из книги Т. Драудина «Боевой путь Латышской стрелковой дивизии в дни Октября и в годы гражданской войны (1917—1920)».

Что же происходило в Латвии в конце 1918 и начале 1919 годов? Историки единодушно отмечают, что германские империалисты, захватившие по Брестскому миру ряд западных областей России, не чувствовали себя в них спокойно. Росла и ширилась народная борьба с оккупантами. Да и в самой Германии назревала революция. В августе 1918 года В. И. Ленин отмечал в речи на I Всероссийском съезде по просвещению: «Крах капиталистического строя в капиталистической войне неизбежен. Германские империалисты не могли задушить социалистической революции. Подавление революции в Красной Латвии, Финляндии и на Украине стоило Германии разложения армии. Поражение Германии на Западном фронте было вызвано в значительной степени тем, что старой армии в Германии уже не существует. То, о чем полушутя говорили германские дипломаты — «русификация» германских солдат, — оказалось теперь не шуткой, а горькой для них правдой. Дух протеста растет, «измены» становятся обычным явлением в германской армии. С другой стороны, Англия и Франция делают последние усилия для сохранения своего положения. Они бросаются на Русскую республику и натягивают струны капитализма до того, что они уже начинают рваться... Как ни трудно было снова создавать военное положение в стране, где народ сам смял войну и сам разбил старую армию, как ни трудно было организовать армию в процессе острой гражданской войны, — мы превозмогли все трудности. Армия сложилась, и победа над чехословаками, белогвардейцами, помещиками, капиталистами и кулаками обеспечена»[1].

Октябрьская революция оказала огромное влияние на

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 74—75.

германскую армию. Два с лишним года прошло с момента первого «братания», оставившего заметный след в настроении кайзеровского солдата, и вот... Генерал Людендорф, ставший к описываемому времени вместе с Гинденбургом военным диктатором страны, не без горечи писал: «сколько раз я мечтал, что русская революция облегчит наше военное положение. Революция в России наступила внезапно. Тогда я считал еще невозможным, что в дальнейшем революция подорвет наши силы». Как известно, невозможное стало возможным. Октябрь пробудил человеческие чувства и в немецком солдате — еще недавно бывшем послушным механизмом германской армии. Солдат стал задумываться: во имя чего я проливаю свою кровь и кровь людей с той стороны? А задумавшись, он решил кончать с войной точно так же, как покончили с ней русские солдаты. Короче, к осени 1918 года германская армия стала разваливаться буквально на глазах. И когда в ноябре в Германии произошла революция и с монархией Гогенцоллернов было покончено, немецкие солдаты заспешили домой — к матерям, к женам и детям.

В этой новой международной обстановке наша страна аннулировала Брестский мирный договор. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет призвал все народы оккупированных кайзером областей начать борьбу с захватчиками и торжественно обещал «полную, до конца идущую поддержку в их борьбе за установление на их земле социалистической власти рабочих и крестьян».

К этому времени в Латвии развернулось широкое народное движение против оккупантов. Шло оно под лозунгом «Да здравствует свободная Латвия в свободной России!» Эта борьба проходила под руководством СДЛК, действовавшей в подполье весьма энергично. XVII конференция СДЛК, состоявшаяся 18 и 19 ноября в Риге, приняла решение: начать вооруженное восстание с целью захватить власть и создать Социалистическую Советскую Республику Латвии. Был организован Военно-революционный комитет. В первых числах декабря по инициативе Рижского и Валкского Советов рабочих депутатов было создано временное Советское правительство Латвии во главе с Петром Стучкой. В отличие от созданного в ноябре буржуазного правительства Карла Улманиса —

типичной марионетки, взращенной на штыках Антанты, — Советское правительство обладало реальной властью. Оно пользовалось поддержкой народа, имело определенный опыт организаторской работы в массах, в его распоряжении находилась Латышская дивизия. Об авторитете нового правительства свидетельствовало и то, что под его руководством в городах полулегально или легально создавались рабочие Советы, а в волостях — волостные крестьянские Советы. Словом, еще до прихода в Латвию красных латышских стрелков во многих ее районах была восстановлена рабоче-крестьянская власть. Я останавливаюсь на этих событиях столь подробно потому, что до сих пор в известных эмигрантских кругах на Западе не прекращают высказываться о «законности» правительства Улманиса и «незаконности» Советского правительства в 1918 году. При этом всячески превозносятся буржуазные «свободы», провозглашенные тогда под дуламн английских крейсеров, и замалчиваются истинные достижения молодой Советской Латвии. Я не собираюсь полемизировать с этнми фальсификаторами истории: время показало, на чьей стороне правда . . .

В связи с революцией и полным военным крахом империалистической Германии в конце 1918 года перед Красной Армией встала задача помочь народам Прибалтики и Украины изгнать оккупантов и восстановить законную власть народа. С Восточного и Южного фронтов на Западный фронт были спешно переброшены значительные военные силы, в том числе Латышская дивизия, эстонские и польские части. Все они влились в VII армию и сразу же начали активные боевые действия. Но еще до этого, 25 ноября, был освобожден Псков, а через три дня Нарва. 29 ноября в этом городе была провозглашена Эстляндская Трудовая Коммуиа.

Первые эшелоны со стрелками Латышской дивизии прибыли в Псков 30 ноября. В последующие дни в Пскове уже были 1-й, 4-й и 6-й латышские полки, 2-й кавалерийский дивизион и 4-я батарея, а также рота латышских рабочих из Старой Руссы. Разумеется, переброска латышских частей проходила далеко не просто. Не хватало вагонов, полки, измотанные в боях, нуждались в отдыхе. Вполне понятно, что стрелки рвались к берегам Даугавы, чтобы принять непосредственное участие в установлении Советской власти на родине. И все-таки на собраниях стрелков, на партийной конференции дивизин было продемонстрироваио ясное понимание создавшегося положения, вновь проявился истинный пролетарский интернационализм красных латышских стрелков. В решении партийной конференции подчеркивалось, что стрелки готовы «до последней возможности бороться за Российскую и вместе с тем за Латвийскую Советскую Республику, где бы им это ни доверило совместное планомерное руководство гражданской войной»[1].

Нтак, 2-я бригада Латышской дивизии прибыла в Псков и была направлена на левый фланг VII армии. В начале января с Южного фронта в Даугавпилс была переброшена 3-я бригада. В состав бригады входили 8-й и 9-й латышские полки, 3-й кавалерийский и артиллерийский дивизионы.

Тогдашний главнокомандующий всеми армиями РСФСР Иоаким Иоакимович Вациетис осуществлял и общее руководство наступлением Латышской дивизии. Позже он писал, что движение латышских полков по Латвии шло по трем направлениям: первое — от Пскова на Валку — Валмиеру — Цесис — Ригу — Тукумс — Вентспилс; второе — от Зилупе на Стукмани — Елгаву — Мажейкяй — Лиепаю; третье — от Полоцка на Даугавпилс — Паневежис — Шяуляй — Лиепаю. (Замечу попутно, что при освобождении Советской Латвии наша 10-я гвардейская армия повторила, в основном, путь второго направления.)

По рассказам старых латышских стрелков их путь в те декабрьские и январские дни был приятным и легким не только в моральном отношении, но и в чисто военном аспекте. Враг почти не оказывал сопротивления, а население восторженно встречало своих освободителей. К тому же многие города и села еще до вступления в них частей Красной Армии оказывались в руках восставших рабочих и крестьян. Так было, например, в Валке, где власть захватили железнодорожные рабочие.

22 декабря 1918 года навсегда вошло в историю Советской Латвии. В этот день, во-первых, была освобождена Валмиера — город, славящийся своими революционными традициями. Во-вторых, 22 декабря Совет Народных Комиссаров РСФСР признал независимость Советской

[1] См.: История латышских стрелков, с. 326.

Республики Латвии. Российское Советское правительство предложило всем соприкасающимся с Латвией военным и гражданским властям Советской России оказывать помощь Советскому правительству Латвии и его войскам. 23 декабря декрет СНК о признании независимости Советской Республики Латвии, подписанный В. И. Лениным, был утвержден Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом.

Под ударами революционных войск германская армия отступала. 23 декабря был занят Цесис. Еще 9 декабря был освобожден Даугавпилс, 10 — Крустпилс, 11 — Екабпилс, 27 — Скривери. В этих условиях германское командование принимало экстренные меры, чтобы задержать отступление, прекратить разложение своей армии. Одной из мер было установление самого тесного контакта с правительством Улманиса. Именно в те декабрьские дни 1918 года произошел исторический парадокс, о котором впоследствии и сам «вождь» Улманис и его приближенные старались не вспоминать. «Национальное» правительство Латвии, кичившееся своей «независимостью», своей «антигерманской ориентацией», обратилось к германскому уполномоченному в Прибалтике Виннигу с нижайшей просьбой оказать содействие в борьбе с Красной Армией, и в частности, с Латышской дивизией. 7 декабря Винниг заключил договор с правительством Улманиса о создании ландесвера в составе 18 латышских рот, 3 латышских батарей, 7 немецких рот, 2 немецких батарей и одной роты русских белогвардейцев — всего 6 тысяч человек[1]. Все расходы по содержанию ландесвера возлагались на Латвию, а основные командные посты в нем отдавались немцам. Таким образом, Винниг стремился удержать Латвию в руках Германии силами самого латышского народа. (Затея с ландесвером позорно провалилась. Кое-как удалось сколотить семь рот, из которых четыре оказались «неблагонадежными», а две вскоре восстали против правительства Улманиса.)

В ночь на 3 января 1919 года рижские рабочие подняли вооруженное восстание, подготовленное Военно-Революционным Комитетом. В уличных боях, развернувшихся

[1] Социалистическая Советская Республика Латвия в 1919 г. и иностранная интервенция. Сборник документов и материалов, т. 1. Рига, 1959, с. 140—143.

вокруг почты, телеграфа, вокзала, немецкие части были разгромлены и отступили в Пардаугаву. Здесь бои шли главным образом в районе Агенскалнского рынка... Вечером 3 января латышские стрелки вошли в Ригу, над которой уже развевалось Красное знамя Октября.

Победа, одержанная латышскими стрелками, была организованно закреплена постановлением Советского правительства Латвии от 6 января, в котором говорилось о создании армии Советской Латвии для окончательного освобождения ее территории от немецких войск и белогвардейцев. В состав армии полностью включалась Латышская дивизия. В дальнейшем намечалось организовать еще одну стрелковую дивизию и кавалерийскую часть.

13 января в Риге, в помещении нынешнего Академического театра оперы и балета собрался высший орган Советской власти в Латвии — Вселатвийский съезд Советов рабочих, безземельных и стрелковых депутатов, который принял Конституцию Советской Латвии и избрал правительство республики во главе с Петром Стучкой. С приветствием от ЦК партии и ВЦИКа на съезде выступил Я. М. Свердлов. Именно тогда им были произнесены слова, которые вошли в историю не только Латвии, но и всей нашей страны: «Товарищи, — сказал Я. М. Свердлов, — ни с одной другой частью мира мы не связаны так тесно, как мы связаны с Красной Латвией»[1].

Первые успехи Советской Латвии хорошо известны. Это и восстановление промышленности, и установление восьмичасового рабочего дня, и ликвидация безработицы, и социальное страхование рабочих, и охрана их труда, и улучшение жилищных условий трудящихся. Большая работа была проведена в народном образовании и культуре. Конечно, все эти мероприятия осуществлялись при братской помощи других республик. В частности, именно в первые дни существования Советской Латвии, республика, по личному указанию В. И. Ленина, получила значительное количество зерна и муки. Вообще Владимир Ильич в те месяцы много внимания уделял Советской Латвии. В речи на чрезвычайном заседании Пленума Московского Совета рабочих и красноармей-

[1] *Свердлов Я. М.* Избранные произведения, т. 3. М., 1960, с. 112.

ских депутатов 3 апреля 1919 года В. И. Ленин отмечал: «Товарищ из Латвии говорил о том, в какое положение попали тамошние товарищи. Большая часть страны переживала такие бедствия, о которых московские рабочие не имеют представления, — бедствия нашествия и многократного опустошения деревень движущимися толпами войск. Теперь немцы идут на Двинск, чтобы отрезать Ригу. С севера им помогают эстонские белогвардейцы на деньги, которые посылает Англия, при помощи добровольцев, которых посылают шведы и датчане, насквозь подкупленные миллиардерами Англии, Франции и Америки. Они действуют по совершенно ясному для нас общему плану, пользуясь тем, что в Германии они кровавыми подавлениями ослабили движение спартаковцев и революционеров. И хотя они чувствуют, что дышат на ладан, они все же сочли момент достаточно удобным для использования, для того, чтобы предоставить Гинденбургу часть войск и усилить натиск с запада на истерзанную, измученную Латвию и угрожать нам»[1].

Положение в Прибалтике, как видим, было напряженным. Оно объясняется, в первую очередь, тем, что империалисты Антанты считали Прибалтику наиболее удобным плацдармом для нанесения удара по Республике Советов. Уже с начала декабря в Балтийском море находилась английская эскадра, насчитывавшая свыше 60 судов различного класса, в том числе 10 крейсеров. Одновременно шло ускоренное формирование белоэстонской армии. Причем, в армию влилось значительное количество «добровольцев» — наемников из Швеции, Дании и Финляндии, которых финансировали английские капиталисты.

Отступая немного, однако, хочу отметить, что вскоре после окончания гражданской войны появились военные теоретики и историки, стремившиеся всеми силами навязать в качестве доказательства отдельные неудачи Красной Армии на фронтах «предательство», или, в лучшем случае, «недомыслие» командования. При этом намеренно искажалась истинная картина соотношения сил не только в отдельных сражениях, но и войны в целом. Получалось, например, что у Красной Армии была полная

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 247.

возможность разгромить, скажем, Колчака еще в начале 1919 года, но из-за халатности командующих армий и начдивов это сделано не было. Поэтому, дескать, напрасно проливалась кровь людей, войне приносились ненужные жертвы. Примерно в таком плане оценивались и неудачи Красной Армии в Прибалтике. Эти «теоретики» и «историки» старательно закрывали глаза на реальность, которую не может не принимать во внимание любой серьезный исследователь. Должен отметить, что после окончания Великой Отечественной войны также появилось немало работ, в которых грубейшим образом искажался ход начального периода войны, с каким-то патологическим смакованием описывались наши неудачи сорок первого года и вскользь, мимоходом упоминались и оборона Лиепаи, и Брестская эпопея, и сражение под Смоленском. Получалось, что Советская Армия до битвы под Москвой вообще не воевала, а только отступала. Это, разумеется, неверно.

При оценке событий 1919 года в Советской Латвии, на мой взгляд, надо исходить из того, что успехи нашей армии оказались все же недостаточными для окончательного разгрома и оккупантов и белогвардейцев. И причина тут вовсе не в «недомыслии» или «предательстве» командования, а в недостатке самого важного компонента любого сражения — недостатке резервов. И людских, и материальных. Можно, конечно, говорить, что на заключительном этапе освобождения Курляндии, после того как Елгава, Ауце, Салдус, Тукумс, Талси, Вентспилс и Кулдига стали советскими, следовало сделать последнее усилие, последний рывок и взять Лиепаю (ставшую базой для контрнаступления белых и интервентов), но если учесть, что к этому времени с севера, из Эстонии началось ускоренное продвижение контрреволюционных частей, что были потеряны сначала Нарва, а потом Псков и Валка, то станет очевидным: латышские стрелки и вообще VII Красная Армия не имели ни сил, ни резервов воевать сразу на двух фронтах.

В феврале 1919 года началось формирование германских добровольческих батальонов для борьбы с Республикой Советов. Батальоны эти, объединенные в корпуса, насчитывали к весне свыше 100 тысяч человек. Один из них — 6-й корпус — создавался в Курляндии, под Лиепаей. Его командующим (и «губернатором Лиепаи») был

назначен известный палач финских революционеров генерал фон дер Гольц. Ему подчинили все имевшиеся в Курземе и Северной Литве войска — «железную дивизию» немцев, отряд русских белогвардейцев под командованием небезызвестного князя Ливена, роты ландесвера и белолатышей. Кроме того, в распоряжение фон дер Гольца поступали «добровольцы» из стран Западной Европы — разных мастей авантюристы и головорезы, искавшие легкой наживы в войне и в откровением разбое. (Из такого рода проходимцев и в наши дни формируются на Западе «интернациональные» батальоны для борьбы против освободительного движения в странах Африки и Латинской Америки.)

Весной 1919 года в районе Лиепаи находилась уже сорокатысячная армия Гольца — втрое превосходящая армию Советской Латвии в Курземе. С юга на республику наступали белополяки, разгромившие к этому времени Советскую власть в Литве, а с севера... На севере положение было особенно напряженным. Здесь латышские стрелки с боями отходили к центру Видземе, бились за каждый хутор, на каждом перекрестке дорог. Впоследствии Реввоенсовет РСФСР отметил боевые заслуги латышских стрелков. За героизм в январских и февральских боях 1919 года 7-й стрелковый полк был от имени ВЦИК награжден Почетным революционным Красным Знаменем.

Троекратное превосходство сил было не только на полях сражений в Латвии, но и по всему Западному фронту. Здесь против Красной Армии выступали объединенные силы Финляндии, Эстонии, Германии и Польши, насчитывавшие 250 тысяч штыков, тогда как Советская Россия имела на Западном фронте XII армию, Западную армию и армию Советской Латвии общей численностью 82 тысячи штыков и сабель. Вот в этом-то и кроется первопричина вынужденного отступления Красной Армии из Латвии и Прибалтики вообще.

Латышские стрелки оказывали упорное сопротивление наступающим. В воспоминаниях бывших стрелков, как опубликованных, так и хранящихся в архивах Латвии и Москвы, в Музее латышских красных стрелков в Риге, имеется немало ценных свидетельств героических подвигов солдат пролетарской армии. Как правило, на фронте отсутствовала непрерывная линия позиций. Роты и батальоны располагались в населенных пунктах и вели бои вокруг них, иногда проникая глубоко в тыл противника. В таких условнях большую помощь стрелкам оказывало население. Широкое развитие получило партизанское движение.

Однако на стороне немцев был слишком большой перевес сил и техники. Все попытки командования Красной Армии энергичными ударами отбросить «железную дивизию», ландесвер и части белоэстонцев серьезных результатов не имели. Несмотря на ряд успешных боев местного значения, в целом армия Советской Латвии не смогла остановить натиск противника. 22 мая «железная дивизия» и ландесвер смяли стоявший под Ригой заслои и ворвались в город. Рабочая гвардия оказывала яростное сопротивленне врагам революции, но Ригу удержать не удалось.

Однако помимо захвата Риги войска Гольца нмели задачу захватить армию Советской Латвии и части VII армии в кольцо, перерезав основные прифронтовые коммуникации ударами с севера и юго-запада. Эта задача не была выполнена. «Мешка» не получилось. Наши части, хотя и с потерями, оторвались от противника и отошли в Латталию.

Повторяю, основной причиной отступления латышских стрелков было превосходство сил противника. Советская Россия, испытывавшая в это время сильный нажим со стороны международной контрреволюции и наступление войск Колчака, не могла оказать Советской Латвии серьезной военной помощи.

В постановлении ЦК Компартии Латвии от 25 июня 1919 года, подчеркивалось, что после падения Риги армия вышла из окружения организованно, сохраняя боевой порядок, заняла новые позиции на востоке Латвии. При отступлении была спасена артиллерия, сохранилось до 60 процентов стрелков. Влившись в состав XV армии, латышские полки снова были готовы идти в бой. Уже в августе 2-й латышский полк освободил Псков и ликвидировал в городе белый террор.

1919 год был для латышских стрелков годом непрерывных боев. Не переводя дыхания они сражались на всех флангах гражданской войны. Из горького опыта боев на территории Латвии они вынесли ненависть к

белогвардейцам — немецким баронам и латышской буржуазии, — обостренное классовое самосознание и решимость продолжать борьбу за победу Советской власти в России.

2. НА ДЕНИКИНА!

Люди моего поколения, ровесники XX века пережили немало войн — русско-японскую, империалистическую, гражданскую, финскую, Великую Отечественную. Причем многие были на фронте, как говорится, «от звонка до звонка» — десять — четырнадцать лет. Войны эти отнимали у нас все — любовь, надежды, жизни. Они были беспощадными, независимо от технических средств, применявшихся на фронте, — они не щадили ни молодости, ни нежности, ни самых высоких чувств.

Люди моего поколения все военные тяготы вынесли на своих плечах. Мы были «окопниками» — сами ходили в атаки (пешие, конные, танковые и воздушные), до яростного азарта стреляли по окопам врага, жгли его танки бутылками с горючей смесью, молча хоронили друзей, в своих руках удерживали металлическую дрожь станковых пулеметов, глохли от орудийных залпов, задыхались ипритом и пороховым дымом, слушали как кукует кукушка в прифронтовом лесу. За четырнадцать фронтовых лет мы прожили не одну, не две жизни, а столько сколько осталось их там — в Порт-Артуре, в Галиции, на Каховском плацдарме, под Выборгом, у стен Сталинграда, на просторах Маньчжурии. За эти миллионы жизней мы впитали в себя столько ощущений, мыслей, чувств, эпизодов, разговоров, встреч и расставаний, столько всего разного, что иным казалось, будто они насквозь пронизаны не пулями, не осколками, а самой войной во всем многообразии ее качеств. Горькая правда войны вобрала в себя все — от стрелки на карте штаба армии до закопченного котелка с гречневой кашей-концентратом у костра, от приказа Верховного Главнокомандующего до трупной вони во дворе рейхсканцелярии. Правда войны — это и судьба Советской власти, и судьба социализма, и судьба каждого человека, и человечность нашего солдата. Именно — человечность! Умение преодолеть страх, уменне идти в бой не за себя одного только, умение любить Родину — это и есть самая высокая человечность.

Ну, а Родина — это не просто прошлое, настоящее и будущее твоей страны, того куска земли, где ты «прописан», а это и мать, и жена, и дети, и скворцовый пересвист на заре, это дело, которому ты верен всю жизнь.

Нет, мы не зря прожили жизнь!

Латышские стрелки — это тоже люди моего поколения. В них, как и в любом из нас, отражалось время. Но они, как и большинство из нас, шли в ногу со временем — временем революции.

Тогда, в девятнадцатом, они снова ушли из родной Латвии. Ушли в разгар весны, когда на лугах буйно росла трава, когда в лесах раздавались сладостные птичьи перепевы, от которых у человека всегда кружится голова... Потом стрелки услышат птичье пение на Днепре и в Сибири. Но даже знаменитые курские соловьи не победят в их памяти те волшебные перепевы, что сопровождали стрелков в их горестном пути из отчего края. По себе знаю, как невыносимо тяжко расставаться с землей, которая впитала твой пот и твою кровь, на которой остались твои родные и близкие.

В девятнадцатом году снова проявились замечательные качества латышских стрелков — качества подлинных интернационалистов-ленинцев.

После ухода из Латвии полки переформировались и сиова были сведены в Латышскую дивизию. Она состояла из 9 пехотных и одного кавалерийского полка. В первых числах сентября дивизия получила приказ перейти в распоряжение XVI армии в Могилев, а оттуда была переброшена на Южный фронт в райои Орла. Здесь Латышской стрелковой дивизии суждено было вписать новую героическую страницу в историю гражданской войны.

Но прежде, чем говорить об операциях под Орлом, несколько слов о положенни на фронтах в 1919 году.

Еще в марте с востока к Волге началось развернутое наступление 400-тысячной армии адмирала Колчака. Используя превосходство сил, имевшееся в начале наступления, армия «верховного правителя России», захватив Уфу и Бугульму, приближалась к Самаре и готовилась соединиться с белогвардейцами Деникина для совместного удара на Москву. В этих условиях Советское правительство объявило всеобщую мобилизацию, на борьбу с контрреволюцией были подняты широкие слои

трудящихся. На колчаковский фронт отправилось 20 тысяч коммунистов и 60 тысяч рабочих. Летом наступление белых с востока было остановлено, а затем инициатива постепенно перешла в руки Красной Армии. 9 июня была освобождена Уфа, 1 июля — Пермь, 13 июля — Златоуст, 14 — Екатеринбург, а 25 — Челябинск.

В мае, как мы знаем, развернулось наступление белоэстонцев. 25 мая они заняли Псков. В июне белогвардейцы организовали мятеж в трех военных фортах под Петроградом. На севере английские интервенты вели наступление на Котлас. Белополяки заняли Вильнюс, Молодечно и Минск. Как видим, пламя пожаров снова, как в восемнадцатом году, окружало Республику. И снова партия сконцентрировала силы народа, направила их на ликвидацию контрреволюционных пожаров. За два-три дня были ликвидированы мятежи в фортах. Псков был освобожден, и белогвардейцы отошли в Эстонию. Красная Армия остановила наступление интервентов на севере и белополяков в Белоруссии.

Но лето девятнадцатого продолжало оставаться жарким во всех отношениях. С юга на Москву надвигался новый пожар — более чем 100-тысячная армия царского генерала Деникина. Отборные офицерские дивизии, прекрасно вооруженные, оснащенные самой современной техникой, шли на север широким фронтом между Волгой и Днепром. На главном направлении этого фронта — от Харькова на Орел — шла ударная группа войск генерала Май-Маевского, имевшая в авангарде корпус Кутепова. Этот генерал вошел в историю контрреволюции как лютый палач, потопивший в крови не одну тысячу человеческих жизней. Еще долго после окончания гражданской войны он будет концентрировать вокруг себя самые черные силы реакции в Западной Европе, натравливать их на Советскую Россию.

На Южном фронте решалась судьба Советской власти, судьба революции. Об этом ясно и твердо сказал В. И. Ленин в известном письме ЦК РКП (большевиков) к организациям партии «Все на борьбу с Деникиным!» Письмо было напечатано 9 июля 1919 года в «Известиях» ЦК РКП(б)». В нем излагалась обширная программа борьбы с Деникиным. «Все силы рабочих и крестьян, все силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить нашествие Деникина и победить его, не

останавливая победного наступления Красной Армии на Урал и на Сибирь. В этом состоит *основная задача момента*».

Далее В. И. Ленин подчеркивал: «Советская республика осаждена врагом. Она должна быть *единым военным лагерем* не на словах, а на деле. Всю работу всех учреждений приспособить к войне и перестроить по-военному!»[1]

Осенью Деникин направил в рейд по тылам Красной Армии конницу генерала Мамонтова (три дивизии и пеший отряд с бронемашинами и артиллерией). Эта операция нарушила связь между нашими штабами, отвлекла с фронта значительные силы Красной Армии. А главное — рейд облегчил деникинцам продвижение к Туле — осиовному арсеналу республики ... Во второй половине сентября состоялся пленум ЦК партии, который утвердил чрезвычайные мероприятия для создания перелома на Южном фронте. Одним из этих мероприятий было создание ударной группы для нанесения удара по орловской группе белых. В эту группу включилась Латышская дивизия, отдельная стрелковая бригада П. А. Павлова и бригада червонного казачества В. М. Примакова. Руководство всей ударной группой возлагалось на командира Латдивизии Антона Мартусевича.

Одновременно с этой ударной группой должен был начать боевые действия конный корпус С. М. Буденного, который был передан в распоряжение VIII армии для удара по войскам Деникина с юго-востока, где действовала конница Мамонтова и Шкуро.

Латышская дивизия вошла в состав XIII армии и 10 октября заняла позиции в районе Кром для наступления на фронте Поныри—Фатеж и обороны Орла. В течение 11 октября части ударной группы продвигались в этом направлении, не встречая серьезного сопротивления противника. 12 октября происходит первый бой дивизии на этом фронте с батальоном Самурского полка. Была одержана первая победа. Здесь отличился 1-й полк бригады червонных казаков ... Но тут происходит непредвиденное: 13 октября некоторые деморализованные части XIII армии под натиском противника оставили Орел.

Командование деникинской армии считало, что после падения Орла дни Советской России сочтены. В Орле

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 44, 45.

появились плакаты: всадник-деникинец задними ногами своего коня топчет Орел, а передними — Москву. В городе не прекращались грабежи, пьяные оргии, насилия, массовые аресты и расстрелы — все то, что сопровождало деникинцев на их кровавом пути к Москве.

К вечеру 13 октября ударная группа оказалась изолированной от остальных частей Красной Армии. Несмотря на это, она продолжала выполнять первоначальный приказ и двигалась вперед. С боем была занята линия Абрамово—Печки—Старое Гнездилово—Опальково. На следующий день ударной группе было приказано изменить направление и наступать на Куракино—Малоархангельск. Штаб группы считал, что целесообразнее развернуться и наступать на Орел. Но командование XIII армии задачу группы не изменило, поскольку в сумятице боев не сумело глубоко сориентироваться в обстановке на фронте. Позднее командующий Южным фронтом А. И. Егоров писал, что командование XIII армии «не сумело использовать наличие такой сравнительно сильной части, какой является ударная группа, и не сумело направить усилия прочих частей армии для достижения поставленных целей»[1]. Оставалось одно — направить ударную группу на Кромы с тем, чтобы попытаться отрезать орловскую группу.

Контрнаступлением ударной группы на Кромы началась знаменитая Орловско-Кромская операция, продолжавшаяся более двух недель. Она привела к тому, что на Южном фронте наступил резкий перелом в нашу пользу. Этим было положено начало разгрома всей деникинской армии. Орловско-Кромская операция принадлежит к числу важнейших операций всей гражданской войны.

Как же проходило это сражение? Все началось с того, что 15 октября латышские стрелки заняли город Кромы. Это создало угрозу окружения деникинцев под Орлом. Командование белых отлично понимало, что Кромы — узел, в котором сошлись тактические (а возможно, и стратегические) успехи или неудачи армии Деникина. Поэтому сил и средств тут не жалели. Против ударной группы были направлены из Орла 2-й корниловский и Кабардинский полки, а также батальон марковцев. С особой силой белые обрушились на бригаду Павлова, которая стала отходить. Но тут павловцам на помощь подоспели латышские стрелки, и белые были отброшены.

[1] История гражданской войны в СССР, т. 4, с. 314.

С 16 по 19 октября бои под Орлом велись с переменным успехом. Носили они ожесточенный характер, каждая сторона билась до последнего патрона. Наконец 20 октября белые были выброшены из Орла и отошли по направлению к станции Змиевка. Это был первый крупный успех частей ударной группы. Характерно, что именно в эти дни наши бойцы ясно почувствовали, что деникинщине приходит конец. Пленные рассказывали о зверских расправах белых офицеров над мирными жителями, в армии царил дух мародерства, стяжательства, пьяных разгулов и насилий. К тому же после первых неудач резко обострились взаимоотношения в высшем командном составе деникинской армии.

После отхода из Орла белое командование направило удар на станцию Стишь — важный железнодорожный объект. Станция несколько раз переходила из рук в руки. Наконец, к ночи 21 октября латышские стрелки прочно укрепились на станции. Одновременно серьезные бои развернулись юго-восточнее Орла, около Воронежа. После окончания войны Семен Михайлович Буденный так описывал обстановку под Воронежом: «Назревал один из знаменательных моментов гражданской войны. Лицом к лицу столкнулись на поединке две конницы: белая — с боевыми традициями прошлого, под руководством способных генералов с солидным теоретическим и практическим багажом, и красная — молодая, революционная, без традиций еще, но с непоколебимой верой в победу, под руководством рабоче-крестьянских командиров, мало знакомых с теорией, но получивших практику в боях гражданской войны»[1]. 23 октября конница Буденного мощной атакой разгромила конницу Шкуро и взяла Воронеж. Несколько дней спустя конный корпус Буденного форсировал Дон и нанес еще один удар по боевой коннице противника в районе Землянска.

Тем временем деникинцы подтянули с юга резервы, снабдили их прибывшей из-за границы техникой и попытались вновь овладеть Орлом. 22 и 23 октября бои не затухали ни на час. Но Латышская дивизия не уступала

[1] *Буденный С. М.* Пройденный путь. М., 1958, с. 281.

позиций. Наконец 24 октября белогвардейцам удалось ворваться в Кромы. Казалось, военное счастье стало на сторону белых... 25 октября части 1-й Латышской бригады и бригады червоиного казачества перешли в наступление, и 27 октября Кромы уже окончательно перешли в руки Красной Армии.

После этого успеха началось преследование противника, который поспешно отступал на юг, пытаясь арьергардными боями корниловской и марковской дивизий задержать наступленне ударной группы. Командование XIV армин поставило перед Латышской дивизией новую задачу: прорвать фронт белых и пропустить в образовавшуюся брешь конницу Примакова и Яна Кришьяна. Это задание было успешно выполнено. Дивизией в это время командовал Фридрих Калнынь. Мне удалось познакомиться с Фридрихом Карловичем во время учебы в Военной академии им. М. В. Фрунзе, где он был преподавателем. Автор многих интереснейших исследований о сражениях гражданской войны, Ф. К. Калнынь был очень знающим военным специалистом.

Тогда, в начале ноября 1919 года, Фридрих Калнынь отдал приказ по дивизии: «Части вверенной мне дивизии 3 ноября на рассвете прорвали расположение противника в районе деревни Чернь-Домовец и к вечеру продвинулись к Ждановке. 3 ноября через сделанный прорыв прорвалась конница Примакова — 2500 человек с двумя батареями. Противник начал спешный отход»[1].

Красная конница Примакова начала свой бессмертный рейд по тылам белых. Громя базы фронтовых частей, сея панику, нарушая связь между подразделениями деникинцев, дивизия Примакова добилась, что противник то на одном, то на другом участке стал сдавать позиции. Но это еще не означало, что с армией генерала Деникина покончено. Белые располагали значительными материальными и людскими резервами.

13 ноября началось наступление наших частей по всему фронту XIV армии. Латышская дивизия имела задачу захватить г. Фатеж. Белогвардейцы яростно сопротивлялись, но латышские стрелки во взаимодействии с красными казаками выбили противника сначала из передних позиций обороны, а потом принудили его покинуть и резервные позиции. В 11 часов утра 14 ноября Фатеж был взят. В тот же день 8-я кавалерийская дивизия Примакова снова прорвалась в тыл противника. А еще через два дня дивизия Примакова вместе с латышскими стрелками и кубанскими казаками наголову разбили дроздовскую дивизию белых у Льгова. Почти 2500 белых подняли руки и сдались в плен. К этому успеху добавилась победа буденновцев под Касторной, и белая армия Деникина, несмотря на значительные резервы, стала откатываться на юг.

В те дни командующий XIV армией И. П. Уборевич и член Реввоенсовета Южного фронта Серго Орджоникидзе обратились к красноармейцам с призывом использовать достигнутые успехи для полного разгрома деникинцев. «Раз и навсегда мы должны очистить путь на юг» — говорилось в призыве. Ставилась задача на плечах противника ворваться в Курск. 19 ноября правофланговые части XII армии освободили Курск.

... В 1942—1943 годах мне пришлось воевать в тех самых местах, где в девятнадцатом году Красная Армия громила отборные части Деникина. Честно признаюсь, в те горячие дни, когда гитлеровцы шли на нас мощными бронированными колоннами, когда каждый день, каждый час ставили перед нами, казалось, неразрешимые задачи, нам было не до экскурсов в историю. И все-таки... Все-таки каждый из нас подспудно помнил, что двадцать с небольшим лет назад и под Курском, и под Белгородом, и под Харьковом молодая наша армия успешно решала поставленную В. И. Лениным задачу в самый короткий срок разбить Деникина и сбросить его армию в Черное море.

Три месяца беспрерывных боев, конечно же, измотали наши части. Латышская дивизия остро нуждалась в отдыхе, резервах, обмундировании, патронах, продовольствии. Впрочем, легче сказать, в чем она не нуждалась — в приказе безостановочно гнать деникинцев! И без него каждый стрелок, каждый командир понимал, что противнику нельзя давать передышки. 7 декабря два латышских полка — 7-й и 8-й — освободили Белгород. 12 декабря латышские стрелки вступили в Харьков, предварительно обойдя город с юго-запада.

[1] Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917—1920 гг., с. 345.

Вот отрывок из документа того героического времени — телеграммы командующего XIV армией И. П. Уборевича комаидирам 1-й, 2-й и 3-й латышских бригад. Эта телеграмма была доведена до каждого стрелка. «Отмечая доблестные действия войск Латышской стрелковой дивизии, их успешное продвижение к югу, разгром частей добровольческой армии, захват пленных, орудий, пулеметов, Революциоиный Военный Совет XIV армии, восхищаясь их подвигами и иеудержимым стремлением к скорейшему разгрому противника, шлет всем частям Латышской дивизии свой братский привет и спасибо за блестящие успехи и доблестное руководство. Реввоенсовет возбуждает ходатайство о награждении 1-й, 2-й и 3-й латбригад орденом Красного Знамени. Предлагается командирам представить к такому же награждению всех наиболее отличившихся командиров и красноармейцев, помня, что этот орден есть символ великих подвигов за светлые идеалы человечества»[1]. Вскоре высший орган власти Советской республики — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет — за боевые заслуги в деле разгрома деникинских войск наградил Латышскую дивизию Боевым Красным Знаменем ВЦИК. Персональными наградами (золотыми часами с выгравированными на них надписями) были награждены начальник Латышской дивизии Фридрих Карлович Калнынь, начальник штаба дивизии Карл Теодорович Шведе и начальник разведки дивизии Август Яковлевич Иван. Пятьдесят один человек был награжден орденом Красного Знамени. В числе награжденных — Фридрих Калнынь — начальник дивизии, Август Фрейберг — командир 2-й бригады, Янис Кришьянис — командир кавалерийского полка, Алексей Орлов — командир батареи, Кристап Шлап — командир батальона, Петерис Заринь — конный разведчик, Александр Лемешев — наводчик орудия, Август Гулбис — стрелок, Иван Васильев — стрелок, Паулина Шведе — телефонистка, Петерис Липницкий — санитар, Волдемар Скудра — командир отделения.

Как я уже говорил, в осенних боях 1919 года Латышская дивизия понесла ощутимые потери, не имела фактически ни одного дня отдыха. Плохо одетые, недоедавшие стрелки часто болели, а тут еще эпидемия тифа, свирепствовавшая на Южном фронте... Словом, стрелки нуждались в отдыхе. 20 декабря дивизия была переведена в армейский резерв и расположилась в Харькове и его окрестностях.

В работах историков и участников боев против Деникина, увидевших свет сразу после гражданской войны, в современных исследованиях совершенно справедливо подчеркивается, что латышские стрелки вместе с червонными казаками являлись одной из решающих сил, сорвавших в Орловско-Кромских боях поход Деникина на Москву. Воспитанные на традициях Коммуинстической партии, латышские стрелки шли в бой смело, никогда не поддавались панике, всегда шли на выручку друг другу, свято соблюдали принципы пролетарского интернационализма. Конечно, Латышская дивизия пополнялась бойцами разных национальностей, но в полках никогда не было даже намека на национальную разобщенность. Наоборот — боевая дружба спаяла бойцов разных национальностей в единую братскую семью.

3. «НА ВАС СМОТРИТ ВСЯ СОВЕТСКАЯ РОССИЯ...»

Под ударами Красной Армии откатывалась на юг волна деникинских войск, а на севере, под Петроградом, поднял голову Юденич.

Одетое в английскую форму, вооруженное английским оружием, войско Юденича двинулось на колыбель Октябрьской революции, надеясь овладеть Петроградом и тем самым облегчить Деникину прорыв на Москву. Готовились оказать помощь Юденичу буржуазные правительства Прибалтики. Дело упиралось только в то, что белые генералы в качестве основы основ своей государственной политики провозгласили «единую и неделимую Россию» с восстановлением монархии, а это не устраивало правителей Прибалтики, требовавших самостоятельности Эстонии, Литвы и Латвии. В. И. Ленин писал, «что каждое из этих государств после пережитой империалистической войны не может не колебаться в вопросе о том, есть ли им расчет бороться сейчас против большевиков, когда

[1] *Драудин Т.* Боевой путь латышской стрелковой дивизии в дни Октября и в годы гражданской войны (1917—1920). Рига, 1960, с. 106—107.

другим претендентом на власть в России, претендентом, дающим основание считать его солидным, является только Колчак или Деникин, т. е. представители старой империалистической России. . .»[1].

Несмотря на колебания буржуазии малых стран, Антанта начала поход на Петроград. Еще весной девятнадцатого года определенные круги буржуазиой Финляидии, настроенные против Советской Россни, спровоцировали выступление «Олонецкой добровольческой армии», не имевшей, впрочем, сколько-нибудь серьезных успехов.

Гораздо опаснее было наступление русского белогвардейского Северного корпуса Юденича. Уже 11 июня корпус находился на подступах к Петрограду. В опубликованном несколько раньше воззвании Центрального Комитета нашей партии «На защиту Петрограда» говорилось, что Петроград находится под серьезной угрозой и «Питерский фронт становится одним из важных фронтов Республики... Петроград должен быть защищен во что бы то ни стало... Теперь вся Советская Россия должна пойти на помощь Петрограду»[2].

Были приняты энергичные меры к тому, чтобы создать на фронте перевес в нашу пользу. Ряды VII армии пополнили мобилизованные петроградские рабочие и коммунисты, несколько полков было снято с Восточного фронта. Наши чекисты разоблачили крупную шпионско-белогвардейскую организацию «Национального центра», скрывающуюся под крылышками различных иностранных разведок. Именно в то время часть ответственных работников (в том числе председатель Комитета обороны Петрограда Зиновьев и «сам» председатель РВСР Троцкий) поддались панике, решили эвакуировать Петроград, а Балтийский флот — потопить. Личное вмешательство В. И. Ленина предотвратило эти, по существу, изменнические шаги.

Июнь, июль, август... Шли непрерывные бои. Но шло и накопление сил. Как это часто бывает на фронте, одерживались «мелкие» победы, сложившиеся в один крупный успех. Таким успехом было освобождение 20 августа Пскова. Серьезный вклад в этот успех внес 2-й латышский стрелковый полк, действовавшнй в составе XV армии.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 348—349.
[2] «Правда», 1919, 22 мая.

В результате летнего наступления Красной Армии от обширного района, захваченного белыми, остались крохотные «пятачки», а основная цель наступления армии Юденича — помощь Колчаку и Деникину — оказалась иевыполненной.

Но вот пришла осень, а с нею не только дожди и распутица. Мне припоминается та осень частыми собраниями красиоармейцев — собраниями, на которых решались жизненно важные вопросы: как добить Деникина, как помочь петроградским рабочим в их схватке с Юденичем? Мы горячо обсуждали в своей среде эти вопросы и принимали меры. Например, из нашего полка на север было отправлено несколько делегатов, которые должны были поддержать товарищей в Пскове... Всегда, когда вспоминаешь эти факты, как-то отчетливо и зримо представляешь республику того времени именно как единый военный лагерь. Нам до всего было дело. До всего! Тысячи километров разделяли нас, скажем, с Омском или Читой, а мы жадно ловили каждую весть из Сибири, каждую удачу или неудачу Красной Армии иа том далеком фронте. Прн этом надо иметь в виду, что газеты выходили нерегулярно, публикации в них запаздывали (а порой были невероятно искажены), и все-таки мы ухитрялись быть в курсе событий, делали из них правильные партийные выводы.

Те, кто пережил Великую Отечественную войну, помнят, очевидно, как в сорок четвертом вдруг «повеяло» победой. Да, позади был исторический разгром фашистов под Сталинградом. Мы ни на миг не сомневались в своей окончательиой победе. Но и после Сталиинграда она лишь смутно проглядывалась в дымиом пожарище войны. А вот в сорок четвертом... Для меня лично именно этот год был вестником самого близкого разгрома врага... Примерно такое же чувство мы пережили и осенью 1919 года. «Вот покончим с Деникиным, прихлопнем Юдеиича и прочую генеральскую мелочь, и наступит мир», — говорили мы между собой. Все страстио, до самозабвения желали этого, все стремились к этому и не жалели во имя победы ни сил, ни жизней.

Второе наступление армии Юденича на Петроград началось в конце сеитября на Лужском и Псковском направлениях. На первых порах противнику удалось здесь прорвать фронт. Чтобы ликвидировать прорыв, наше

командование перебросило сюда часть сил с Ямбургского направления и вынуждено было ослабить правый фланг армии, защищавший Петроград. Разведка Юденича сработала быстро, и по правому флангу советских войск был нанесен сильный удар, в результате которого части корпуса Северо-Западной армии ворвались в Ямбург. Затем наступил черед Луги, которую коммунисты и части Красной Армии отстаивали, не жалея сил. И все-таки белые взяли Лугу.

16 октября враг занял Красное Село, потом — Гатчину. Позже Юденич говаривал, что «Петербург лежал у моих ног». Да, его войска заняли Павловск, Царскую Славянку и Детское Село, грозили отрезать Петроград от Москвы. Гремели барабаны, западные газеты буквально залило потоком победных речей «истинных сынов монархии» и ревнителей «русской демократии». В Казанском соборе готовились служить молебен по поводу торжественного «восшествия в Петербург белого воинства». Остатки контрреволюционного подполья разработали программу потоплеиия в крови Петроградского Совета. Короче говоря, участь колыбели Октября казалась предрешенной.

И тут случилось «чудо». То самое «чудо», которым наши враги и в гражданскую войну и в войну Отечественную пытались объяснить очередной провал очередного плана по уничтожению Советской власти, Красной Армии. Мы-то знаем, что никакого «чуда» не было, что все происходило по неумолимым законам истории, законам революции.

16 октября Совет Обороны Республики по предложению В. И. Лениина решил удержать Петроград во что бы то ни стало. Через три дня вождь революции обратился к рабочим и красноармейцам Петрограда с призывом отстоять город, биться с врагами до последней капли крови. Питерский пролетариат активно откликнулся на этот призыв. Быстро и организованно прошла мобилизация коммунистов и беспартийных рабочих. Уходили на фронт целыми сменами и бригадами, брались за оружие питерцы сразу трех поколений — деды, отцы и сыновья. Не оставались в стороне и женщины — 14 тысяч работниц стали медсестрами, санитарками, связистками или разведчицами. (Так же героически оборонялся Ленинград в Отечественную войну, полный решимости погибнуть, но не сдаться врагу.)

На Петроградский фронт стали срочно перебрасываться войска с других фронтов. В частности, с юга сюда прибыл 5-й Особый латышский полк, прославившийся своим героизмом при обороне Казани в 1918 году. Полк вошел в состав ударной группы VII армии, организованной в районе Колпино-Тосно. В состав этой группы вошли также 188-й и 189-й полки, кавалерийский полк 21-й дивизии, питерские курсанты и полк московских курсантов. Группа была сравнительно неплохо оснащена артиллерией и пулеметами.

21 октября Красная Армия иачала решительные действия против Юденича. На ударную группу возлагалась ответственная задача — нанести главный удар с востока, со стороны Колпино, в обход правого фланга армии Юденича. На этом участке белое командование сконцентрировало свои лучшие части — гвардейский Волынский полк и офицерский добровольческий батальон. Уже в первый день наступления латышские стрелки выбили белогвардейцев из деревни Ям-Ижора, овладев тем самым важным в тактическом отношении районом реки Ижора — будущим плацдармом для наступления всей VII армии. Эта первая победа была по достоинству оценена Реввоенсоветом Западного фронта, который прислал в адрес 5-го особого латышского полка телеграмму: «Командиру 5-го латышского полка. Поздравляю в Вашем лице 5-й латышский полк с первым успехом, выражаю благодарность всем комаидирам и стрелкам. На Вас смотрит вся Советская Россия, от Вас зависит судьба Красного Петрограда. Знайте только одно: вперед к победе!»[1].

На следующий день ударная группа продолжала наступлеиие, 23 к вечеру нанесла белым решительный удар и выбила их из Павловска и Красного Села, тем самым отбросив войско Юденича от ворот Петрограда. Необходимо подчеркнуть, что в бою за Павловск особо отличились латышские стрелки и красноармейцы 188-го и 189-го полков, действовавшие в тесиом боевом взаимодействии.

24 октября 5-й полк располагался в деревне Большое

[1] *Подвойский Н.* Коммунары, защищающие Красный Петроград. М., 1920, с. 62—63.

Кошелево, получив задание занять сильно укрепленную белыми деревню Поповка. Бои за этот небольшой населенный пунт продолжались весь день, но результатов не дали. Белые яростно сопротивлялись, предпринимали лобовые контратаки. Большне надежды командование Юденича возлагало на английские танки, прибывшие на фронт через Ревель (Таллин). Красноармейцы впервые встретились тогда с этой военной техиикой и, естествеино, не знали, как бороться с этими «стальными чудовищами». Некоторые полки отступили перед танками. На какой-то миг дрогнули и латышские стрелки, когда на них, сопровождаемые пехотой, пошли две стальные черепахи. Но командир полка Я. Грегер не растерялся: отдал команду сильным пулеметным огнем отсечь пехоту от танков (прнем, который в годы Великой Отечественной войны применялся не просто в порядке личной инициативы командиров, а входнл в уставиую обязанность и воина и офнцера) и открыл артиллерийский огонь по танкам. Белая пехота залегла и потеряла броневое прикрытие. Один из танков был вскоре подбит, второй же развернулся и покннул поле боя. Позже помощник командира полка В. Павар вспоминал: «Когда мы — командиры и группа бойцов во главе с командиром и комиссаром полка — приблизились к подбитому танку, то увидели, что у него подбиты гусеницы, увидели убитого водителя танка в английской форме. Этот первый подбитый танк рассеял распространившиеся среди воинов нашего и соседних полков слухи о неуязвимости танков вообще»[1].

Уцелевший танк ушел в деревню Большое Катлино, где танковый дивизион и Семеновский гвардейский полк готовились к контрнаступлению. Латышские стрелки не дали белым сконцентрироваться и стремительной атакой выбили их из пункта сосредоточения.

В ноябре-декабре 5-й Особый латышский полк преследовал отступающие части армии Юденича на Нарвском направлеиии, причем зачастую действовал в крайне тяжелой обстановке. Участники тех боев рассказывают, что латышские стрелки во взаимодействии с другими частями Красной Армии по 200 с лишним часов непрерывно находились под открытым небом (мороз достигал 12—18 градусов), голодные, по пояс промокшие в незамерзающей болотной жиже. Бои под Нарвой шли вплоть до 30 декабря. 31 декабря между РСФСР и Эстонией было заключено перемирие, и Нарвская кампания закончилась.

[1] История латышских стрелков, с. 534.

В штабе Юденича царили разброд и паника. Каждый спасался как мог. Генералы грызлись между собой. Дело дошло до того, что небезызвестиый «полководец» Булак-Балахович арестовал Юденича и требовал от него «колчаковскую казну» — около 900 тысяч фунтов стерлингов. Таким образом, «идейные борцы с болышевизмом» проявили свою истиину сущность. Юденич и его окружение намеревались разместить Северо-Западную армию на территории Эстонии, но эта затея была сорвана выступлениями эстонских трудящихся, требовавших прекратить иитервенцию против Советской России. Нельзя не учесть и того, что эстонская буржуазия панически боялась наступления Красной Армии и, как только стало очевидным поражение Юденича, отшатнулась от своего бывшего союзника.

Согласно мирному договору, заключенному между Советской Россией и Эстонией, разгромленная Северо-Западная армия Юденича разоружалась и расформировывалась эстонскими солдатами и отправлялась на лесоразработки. Но еще до этого многие солдаты и офицеры армии Юденича (свыше 7600 человек) перешли на сторону Красной Армии.

Победа Красной Армии под Петроградом осенью-зимой 1919 года — одиа из выдающихся операций гражданской войны. Провалились планы Антанты отвлечь значительные силы республики от борьбы на деникинском фронте, не удалась и двукратная попытка контрреволюции захватить Петроград. В достижение победы над Юденичем весомый вклад внесли латышские стрелки. В содружестве с другими частями Красной Армии они грудью стояли у стен Петрограда, своими смелыми атаками отбрасывали «цвет белого воинства» от колыбели Октября. Отмечая исключительные заслуги 5-го Особого латышского полка в разгроме белогвардейских войск Юденича осенью 1919 года, ВЦИК наградил полк вторым боевым Красным Знаменем. Выданиая полку Почетная грамота к боевому знамени гласила: «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов в ознаменование

исполнения 5-м латышским стрелковым полком своего долга перед социалистическим отечеством в бою против его врагов на Петроградском фронте вручает ему от имени Центрального органа Советской республики боевое знамя в знак тесной связи полка со всем рабочим классом в его борьбе за торжество коммунизма»[1].

22 января 1920 года 5-й Особый латышский полк получил приказ перебазироваться в Москву. В прощальном приказе командир бригады Миленин, военком Емелин и начальник штаба бригады Боголюбов отмечали: «Где шел 5-й полк, там не было поражений и отступлений, а был только могучий порыв вперед, который отметал на своем пути все преграды и западни, расставленные белогвардейскими бандами Юденича. 5-й полк являлся желанным для других частей, так как они знали, что за этот фланг, где стоит 5-й латполк, им нечего беспокоиться, потому что полк скорее весь ляжет, исполняя свой долг, чем подведет своих товарищей...»[2].

4. ПОСЛЕДНИЕ ЗАЛПЫ

Однажды я выступал в одной из московских школ. Рассказывал ребятам о Великой Отечественной войне, о боевом пути нашей 10-й гвардейской армии. И случилось так, что мне пришлось припомнить некоторые эпизоды гражданской войны. Тут я попросил ребят ответить на такой вопрос: кто из них знает что-нибудь о Махно. В зале, где было не меньше трехсот школьников — от «первоклашек» до выпускников десятых классов, — поднялись две руки. Юноша сказал, что Махно — автор популярной некогда песни «любо, братцы, любо, любо, братцы, жить» и служил в белой армии Колчака... Девочка бойко заявила, что Махно — вымышленный персонаж романа Алексея Толстого «Хождение по мукам» и «олицетворяет собой темные силы старого мира». С последней характеристикой, конечно, нельзя не согласиться. Но вот то, что наши сегодняшние ребята в большинстве своем не знают, кто такой был Махно... Нет, я не хочу сказать, что это плохо. Как раз наоборот: может

[1] История латышских стрелков, с. 541.
[2] Там же, с. 547.

быть, это закономерно, что пять с лишним десятилетий спустя школьники лишь понаслышке знают о таких «исторических» личностях, как Махно, Семенов, Булак-Балахович, Малашко, Тютюнник и прочая бандитская мразь. Не достойны они храниться в памяти народа, хотя и причинили ему много, очень много зла.

Махно... Я произношу про себя эту фамилию, скорее похожую на воровскую кличку, и перед глазами мгновенно возникают горящие деревни и села, в ушах — рев угоняемого скота, сухие выстрелы, предсмертные крики стариков, женщин, детей, и... вижу немой вопрос в глазах живых: за что?

Бандит крупного масштаба, человек без долга и без чести, Махно бил в спину молодой Советской республики. Бил по-бандитски расчетливо и трусливо. И вот, чтобы пресечь эти удары, на борьбу с бандами Махно были брошены лучшие части, в том числе Латышская дивизия. Ее разместили в центре повстанческого района — в Павлограде. Не буду останавливаться на подробностях борьбы с бандами Махно. Скажу только, что эта борьба требовала от всех бойцов и командиров отваги, находчивости, выдержки и самообладания. Думается мне, что командование Красной Армии не зря бросило против махновщины такую испытанную боевую единицу как Латышская дивизия. Конец зимы и начало весны двадцатого года дивизия провела в беспрерывных боях с бандитами; Никополь, Кривой Рог, ст. Долгинцево, Екатеринослав, Гуляй-Поле — вот далеко не полная география действий дивизии. Побудки по тревоге, короткие ночные маршброски и остервенелый лай пулеметов — это и была борьба с махновщиной. Внешне неприметная, без эффектных оперативных сводок, без криков «ура!» и громыхания полковых оркестров, она требовала много сил и мужества.

В апреле 1920 года Латышская дивизия получила новое задание — вместе с частями XIII армии овладеть Крымским полуостровом, где поднимали голову остатки деникинской армии. Эти остатки были использованы странами Антанты как база для организации нового похода против Советской России — похода генерала Врангеля. По времени наступление «черного барона» совпадало с вторжением войск панской Польши в пределы Украины.

Чтобы правильно оценить события весны 1920 года

надо иметь в виду, что первые военные успехи Врангеля были в значительной мере связаны с ошибками нашего командования, допущенными еще в начале борьбы за Крым. До переброски в Крым с Северного Кавказа главных сил Деникина (вторая половина марта) перешеек Крыма оборонял корпус генерала Слащева (около трех тысяч солдат). Войска Юго-Западного фронта (командующий А. И. Егоров, член Реввоенсовета И. В. Сталин) в январе-феврале 1920 года имели возможность легко овладеть Крымом, но этого сделано не было. Разрозненные атаки, предпринятые малыми силами, были отбиты белыми. На это обратил внимание В. И. Ленин. 15 марта он потребовал от Реввоенсовета республики немедленно исправить «... явно *допущенную* ошибку с Крымом (вовремя не двинули достаточных сил)»[1]. Однако и после этого категорического требования В. И. Ленина командование Юго-Западным фронтом не предприняло должных мер к взятию Крыма. Подготовка нашего наступления явно затягивалась, а белогвардейцы не теряли времени. На французских и английских кораблях в Крым было переброшено до 40 тысяч солдат. Под руководством англо-французских инженеров полуостров был превращен в неприступную крепость, соединявшуюся с Северной Таврией только узким Перекопским перешейком, Арабатской стрелкой и Чонгарским мостом. На перешейке были созданы Турецкий (Перекопский) вал и Ишуньские укрепления.

Первая попытка (в марте) сходу взять Перекоп силами Эстонской и 46-й стрелковой дивизий закончилась неудачей.

К сожалению, такой же была и вторая попытка. По этому поводу историки и военные специалисты делают совершенно справедливый вывод: операция была подготовлена наспех и проведена недостаточно организованно.

Что же произошло на Перекопе 13 и 14 апреля 1920 года? В очень сжатом виде ход сражения выглядит следующим образом: ранним утром 13 апреля 1-я и 3-я латышские бригады начали штурм Перекопского вала. Однако артиллерийская подготовка запоздала, да и не нанесла значительного удара по укреплениям. Это имело двоякое последствие: из-за опоздания начала артогня

[1] *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 51, с. 161—162.

цепи пехотинцев двинулись на позиции противника, когда уже рассвело, и противник мог хорошо разглядеть атакующих. Во-вторых, остались целыми огневые точки, откуда велся интенсивный фланговый огонь, сыгравший решающую роль на завершающем этапе штурма. И все-таки 1-я латышская бригада фронтальным наступлением выбила противника из первого кордона Перекопского вала, а 3-я бригада ворвалась в г. Перекоп. Тут бы другим частям ударной группы поддержать латышских стрелков, мощной конной атакой расширить прорыв и отбросить врангелевцев в глубь обороны! Но ... Связь между атакующими была налажена плохо, и противник, видя, что латыши не продвигаются вперед, быстро организовал контратакующие кулаки и ударил ими в стык между бригадами. Ввиду значительного перевеса сил противника (его пехоту поддерживало несколько бронемашин, а пулеметный огонь велся по давно пристрелянным участкам местности) латышским полкам пришлось отойти в исходное положение. Атакующие понесли большие потери.

На следующий день была предпринята новая попытка прорвать Перекопский вал. Но и на этот раз она кончилась неудачей. 16 апреля наши части провели еще одну атаку перекопских укреплений и опять, понеся ощутимые потери, откатилась на исходные рубежи... Позже в некоторых исследованиях в довольно неприглядном виде описывались штурмы Перекопа, говорилось о «неустойчивости» Латышской дивизии, делались выводы чуть ли не о прямом предательстве командования. (Недаром, дескать, был смещен начдив Ф. Калнынь и вместо него назначен К. Стуцка.) Слов нет, горьким было наше поражение у Перекопа. Но винить в нем латышских стрелков просто недопустимо. Они бились героически, совершали чудеса храбрости, и совсем не их вина, что сильно укрепленный Перекопский вал невозможно было взять лобовым ударом. (Как известно, это учел командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе, который в ноябре 1920 года сочетал лобовую атаку Турецкого вала с ударами через Сиваш по Перекопу с тыла).

До 6 июня на Перекопе царило затишье. Врангелевцы накапливали силы, совершенствовали свою оборону. Советские войска окапывались, получив приказ не выпустить Врангеля из Крыма... Теперь-то, конечно, нам видны все (даже самые мелкие) ошибки командования Красной

Армии в Крыму и легко говорить: надо было действовать так, а не этак, тут ударить во фланг, а там обойти белых с тыла. Тогда же, 7 июня 1920 года, наше командование никак не ожидало, что врангелевцы, сконцентрировав большие силы на Крымском перешейке, мощной атакой расколют части Красной Армии на две изолированные части, отбросят их на север и вырвутся из Крыма на просторы Северной Таврии. Были в действиях нашего командования ошибки? Да, были! И в первую очередь — слабость разведки. Допустить накапливание противником столь значительных сил на сравнительно узком участке — это, прежде всего, отсутствие сведений о том, что делается по ту сторону фронта. Это недопустимо в любом сражении! Не буду останавливаться на других ошибках. Скажу лишь, что за них нам пришлось расплачиваться дорогой ценой.

Итак, части Красной Армии, стоявшие против Врангеля, были разбиты на две части. Правая (в нее входила и Латышская дивизия) с большими потерями отошла на правый берег Днепра. Противник не решился форсировать этот водный рубеж в массовых масштабах, а его попытки прорваться в Донбасс окончились неудачей. Июнь, июль и часть августа прошли в накоплении сил с обеих сторон, в боях местного значения. Но такое «балансирование» не могло продолжаться долго. Врангель — этот последний крупный оплот международного империализма в борьбе с Советской Россией — должен был быть изгнан из страны Октября.

В начале книги я рассказал, как в ночь с 6 на 7 августа 1920 года Латышская дивизия форсировала Днепр и захватила на левом берегу реки знаменитый Каховский плацдарм, которому суждено было сыграть очень важную роль в разгроме врангелевских войск.

Каховский плацдарм стоил Красной Армии огромных усилий и жертв. Крупные потери понесла и Латышская дивизия. 12 августа у дороги Черненька—Терны крупный отряд белой кавалерии окружил 4-й латышский полк в составе 436 человек. После ожесточенного боя остатки полка (120—150 стрелков) сложили оружие. Врангелевцы произвели «сортировку» пленных и всех «истинных латышей» (84 человека) загнали на скотный двор и расстреляли из пулеметов. Этот эпизод вспоминался мне всякий раз, когда в годы Великой Отечественной войны я сталкивался с гнусным изуверством фашистов по отношению к коммунистам, попавшим в руки к гитлеровцам . . .

«Из августовских боев, — доносил политотдел дивизии Реввоенсовету армии, — насыщенных моментами героизма и чрезвычайного напряжения и закончившихся в первых числах сентября славным разгромом неприятельской ударной группы с танками, — дивизия вышла в составе лишь жалких остатков кадров и с совершенно потрепанным тылом»[1].

27 сентября, ввиду усиленного натиска со стороны врангелевцев, для обороны Каховского плацдарма была образована ударная группа, в которую вошли 51-я и Латышская стрелковая дивизия. Командование группой было возложено на Василия Константиновича Блюхера. Снова был создан Южный фронт во главе с Михаилом Васильевичем Фрунзе. Силы фронта росли с каждым днем. Сюда прибывали новые и новые части Красной Армии. Особое значение придавалось коннице. Кроме 2-й конной армии, уже проявившей себя в боях с Врангелем, с Польского фронта была переброшена легендарная 1-я конная армия Семена Михайловича Буденного.

Здесь мне бы хотелось привести весьма интересное обращение члена Реввоенсовета VI армии В. П. Потемкина «Бойцам Латдивизии». Оно было опубликовано в газетах Южного фронта и, как мне кажется, очень точно характеризует значение, которое командование Красной Армии придавало латышским стрелкам. (Интересен сам стиль этого обращения, подкупающий своей искренностью, с типичными для того времени словосочетаниями.)

«Сыны Латвии — славная гвардия революции! С полей своей угнетенной родины, из убогих батрацких хижин . . . вынесли вы страшную ненависть к баронам и попам, заводчикам и фабрикантам, кровососам и дармоедам всякого рода.

Ради борьбы с ними вы стали под боевым знаменем Советской власти. Ради нее (этой власти) вы вступили в бой с самыми заклятыми врагами рабоче-крестьянской республики, бросались в самые опасные для нее места, сражались, как львы, умирали, как герои, вечной славой покрыв себя и любимую родину — Латвию.

---

[1] *Драудин Т.* Боевой путь Латышской стрелковой дивизии в дни Октября и в годы гражданской войны. (1917—1920), с. 123.

На Южном фронте хорошо знают доблестную Латдивизию. Сокрушительным громом, бурей железа и огня обрушилась Латдивизия на Деникина, когда тот шел на Тулу и хвалился взять Москву. Стальной щетиной штыков гнала она его расстроенные полки к морским берегам и за Перекоп.

А когда белый зверь Враигель под шумок вылез из своей Крымской берлоги, Латдивизия грудью встретила бешеный натиск врага и отбросила его от днепровских переправ. Теперь он пробует свои силы еще раз. Ну так бей же, бей ошалевшего барона, Латдивизия! Бей со всего плеча!

Бей так, чтобы от Врангеля осталось мокрое место. И докажи всем еще раз, что где твои бойцы, там больше нет баронов, генералов, господ и паразитов всяких званий.

Вперед, славные воины доблестной дивизии!

На вас с надеждой смотрят советские республики — Россия и Украина. На вас с гордостью и любовью глядит ваша родина — трудовая Латвия»[1].

Командование врангелевских войск предпринимало новые и новые попытки ликвидировать Каховский плацдарм, вырваться на правый берег Днепра. В первых числах октября 1-й корпус белых прорвался на правый берег у Александровска и в районе Никополя. Белогвардейцы оказались в тылу Каховского плацдарма и готовились обрушить на Каховку мощный артиллерийский и танковый (у противника было 14 танков — сила по тем временам значительная) удары. Целую неделю шли упорные бои, но части 51-й и Латышской дивизий не только выстояли под натиском врангелевцев, но и заставили их откатиться на левый берег Днепра. Отступила и вражеская конница, на которую белое командование возлагало надежду расчленить части Красной Армии, выйти ей в тыл и перерезать основные коммуникации Каховского плацдарма.

Приближались исторические дни полного разгрома Врангеля...

В этих завершающих боях довелось участвовать и мне. Было это под Днепропетровском в горячие дни сентября.

[1] *Драудин Т.* Боевой путь Латышской стрелковой дивизии в дни Октября и в годы гражданской войны, с. 124—125.

Вместе с другими молодыми красноармейцами попал я в 46-ю дивизию, которой командовал легендарный герой гражданской войны Иваи Федорович Федько — один из немногих, кто еще в годы войны был награжден четырьмя орденами Красиого Знамеии.

Сразу после выгрузки эшелона состоялся смотр пополиения, во время которого иас приветствовал начдив. А потом наш полк двинулся в район Солоненькое, Веселое, Широкое. Там и состоялось мое первое знакомство с белой кавалерией. Должен признать, что было оно не совсем приятным. Некоторые подразделенния не смогли устоять перед кониой лавиной. Мы потеряли многих командиров и политработников. Героически погибли коммунисты-политбойцы, старавшиеся личным примером показать, как надо бороться с атакующими кавалеристами.

Очень хорошо проявил себя личиый состав 408-го стрелкового полка. Им командовал Павел Неунывако — человек огромной личной храбрости. Как только создавалось тяжелое положение, он обязательно появлялся в боевых порядках верхом на коне... Впоследствии военная судьба не раз сводила меня с этим замечательным человеком. В 1922 году я служил в полку Павла Ефимовича помощником комиссара. А в 1928 году мы встретились в Военной академии имени М. В. Фрунзе.Он уже заканчивал учебу, а я в ту пору только начииал ее. Природа щедро одарила П. Е. Неунывако многими талантами. Он был, например, прекрасным шахматистом, мастерски составлявшим разнообразные шахматные задачи. Свыше ста из них опубликовано.

...В первых же боях мне довелось вторично увидеть нашего начдива. В тот день противник был особенно настойчив. Его атаки следовали одна за другой. Невольно возникали опасения, что оии все-таки увенчаются успехом. Вот тогда-то на наблюдательиый пункт командира бригады и прибыл И. Ф. Федько. Он отдал, как нам казалось, не так уж много распоряжений, но все как-то приободрились, подтянулись. Спокойствие и уверенность начдива передавались другим. Наскоки врангелевцев повсюду встретили организованный отпор и постепенно стали ослабевать. А потом начдив отдал приказ о наступлении, и мы погнали врага за Днепр.

Вот в этом-то наступлении, завершившемся полным разгромом армии «черного барона», мы действовали

плечом к плечу с прославленной Латышской дивизией.

Операция наших войск в Таврии началась одновременными ударами с разных направлений. Наиболее мощный удар наносился из района Каховки. С Каховского плацдарма наступали I-я Конная и VI армии. (В состав последней, как известно, входила Латышская дивизия). Их задачей было отрезать пути отхода главной группировки противника из района Никополь, Большой Токмак, Запорожье. Войска IV армии наступали из предместий Запорожья (Александровска) на юг. XIII армия обрушилась на восточный участок противника. Усилия всех наших ударных группировок нацеливались на Перекоп, что должно было неизбежно привести к окружению Врангеля в Северной Таврии.

В дальнейшем, надо признать, не все получалось так, как планировалось. 30 октября крупные силы врангелевцев несколько потеснили наших кавалеристов в районе Агаймана и обеспечили себе путь отхода через Перекоп и Чонгарский перешеек. В течение 31 октября и 1 ноября здесь прорвались из Северной Таврии основные силы противника. В результате войска Красной Армии оказались перед необходимостью прорыва сильных вражеских укреплений на Турецком валу и Ишуньских позициях. Все эти операции уже достаточно полно освещались в нашей исторической литературе, и здесь нет необходимости повторяться. Следует только подчеркнуть, что освобождение Северной Таврии от войск Врангеля было проведено в очень высоком темпе. Выпадали дни, когда наша пехота проходила по 50—60 километров.

Во время решающих боев с Врангелем на Латышскую дивизию была возложена задача бдительно охранять Каховский плацдарм, где не исключалась возможность нового удара белых. С этой целью дивизия повела наступление в направлении на Асканию-Нову и село Рождественское. 2 ноября латышские стрелки с боем взяли Рождественское и сосредоточились в районе Аскании-Новы.

Из истории гражданской войны мы знаем, что вечной славой в боях с Врангелем покрыли себя героические 51-я и 15-я дивизии. Это они прошли через Сиваш, переправились на Литовский полуостров, захватили его укрепления и ударили с тыла по войскам белых на Турецком валу. После этого начался штурм Ишуньских позиций — последнего оплота Врангеля. К этому времени части 51-й дивизии понесли большие потери, да и белогвардейцы, для которых сдача Ишуньских рубежей означала полное поражение, делали отчаянные усилия, чтобы спасти положение. В контратаки были брошены марковская, дроздовская и корниловская дивизии с танками, броневиками и бронепоездами. Эти контратаки поддерживались огнем военных кораблей интервентов с моря. А тут еще на левом фланге 51-й дивизии возникла угроза прорыва белой конницы...

В этот критический момент командование Южным фронтом принимает решение: срочно перебросить под Ишунь Латышскую дивизию. 11 ноября латышские стрелки влились в цепь наступающих. Совместным ударом Латышской дивизии и 51-й дивизии противник был выбит из последних своих укреплений.

46-я стрелковая дивизия, в которой я тогда служил, вступила в напряженные бои южнее Никополя. Только что форсировав Днепр, мы остановились для короткого отдыха на левом его берегу. Была темная октябрьская ночь. Начинались заморозки, а мы — в куцых гимнастерках. Ворочались мы, поругивались и с нетерпением ждали утра, чтобы хоть немного согреться — то ли на солнышке, то ли в походе. Но среди ночи нас неожиданно подняли: идем на Днепровку!

Атаку на это село я запомнил на всю жизнь. Днепровку занимали части марковской дивизии — не просто наиболее крепкой среди врангелевских войск, но и наиболее жестокой, непримиримой ни к красноармейцам, ни к мирным жителям, заподозренным в соучастии с красными. Словом, отпетые головорезы. Осиову дивизии составляли офицеры. (После окончания гражданской войны «марковцы» вошли в самую реакционную, самую злобную часть белой эмиграции. Это на них опирались кутеповцы, савинковцы и прочие лютые враги Советской власти, это они входили в бандитские и диверсионные шайки, действовавшие несколько лет на западных границах нашей страны.) Тогда, осенью двадцатого года, марковцы (надо отдать им должное) дрались упорно и умело.

Мы выступили перед рассветом. Потом, как это обыч-

но бывает на юге, неожиданно рассвело, и мы увидели Днепровку, ее облетевшие сады и белые хатки. Казалось, что там происходит какое-то движение и нам готовят свинцовую встречу. Но пока что ни выстрела, ни сигнала — тишина на всю степь.

Это очень неприятные минуты, когда шагаешь под вражеским прицелом и напряжению ждешь первого выстрела. Нужны крепкие нервы, чтобы выдержать. Но в то же время появляется азарт. Ты уже не хочешь, не можешь уступить врагу. Тут уж кто кого...

В момент этого молчаливого сближения, когда до Днепровки оставалось уже менее километра, марковцы открыли артиллерийский, а затем и пулеметный огонь. Мы развернулись в цепь. Началась атака. Вскоре на окраине села завязался бой. Село мы очистили от марковцев довольно быстро, но не скажу — легко. Много наших товарищей так и осталось лежать в Днепровке...

Простой, обыденный этот эпизод я привожу вовсе не для того, чтобы доказать, что в молодости сам ходил в атаку, как говорится, понюхал пороху. Нет! Мне кажется, что атака наша на Днепровку говорит прежде всего о том, что надо было иметь большую силу воли, чтобы в светлое время, в голой степи наступать на противника, подготовленного и вооруженного куда лучше нас. Казалось бы, на что мы могли надеяться?

Но если вдуматься, этот вопрос повторяли в то время очень многие зарубежные наблюдатели и в отношении всей Красной Армии, всей Республики Советов. А Республика Советов и надеялась и победила. Победила потому, что на защиту ее встали миллионы рабочих и крестьян, беззаветно преданных революции, готовых в открытом бою победить ее врагов.

Сутки спустя после взятия Днепровки, мы вели бой уже в районе Большой и Малой Белозерки. Потом был переход через Сиваш вслед за 15-й стрелковой дивизией, преследование противника в направлении к Симферополю. Здесь мы встретились с частями Латышской дивизии, которая к этому времени уже вышла из боев и стояла на отдыхе.

Передо мной приказ по 1-й конной армии от 12 ноября 1920 года за подписями С. М. Буденного и К. Е. Ворошилова. В этом документе подводятся некоторые итоги по-

ложения на фронте, характеризуются действия наших частей. «Войска барона Врангеля, — говорится в приказе, — не добитые нами в боях на левом берегу Днепра, укрылись на Крымском полуострове в полной уверенности, что им удастся отсидеться за естественными и искусственными укреплениями.

Царскому барону казалось, что скоро он снова возобновит свои разбойничьи набеги на Советскую республику, что его неудачи — временного характера, а расстройство его армии и потери быстро ликвидируются с помощью мировой буржуазии. Так мечтал кровавый генералитет, сидя за неприступными позициями Сиваша и искусственными сильнейшими укреплениями.

Генералы и вручившая себя их подчинению буржуазия просчитались... То, что невозможно для обманутых солдат барона, стало доступно беззаветной храбрости красных воинов.

Доблестные геройские полки 51-й стрелковой дивизии под руководством беззаветно преданных республике и революции командиров при содействии стрелковой Латдивизии, под ураганным огнем противника с моря и с суши, голодные и усталые, беспрерывными штурмами овладели этой крепостью. Во время боев с 8 ноября они, прорезывая несколько линий проволочных заграждений, устилая трупами своих лучших бойцов путь к победе, многочисленными атаками нанесли колоссальные потери противнику.

Сбитый пехотой, разложенный паникой, потерявший с падением этой единственной укрепленной полосы Крыма надежду на дальнейший успех своего черного дела, противник откатывается в глубь Крыма. Впереди у них гибель от нашей меткой пули или сабли, позади волны бездонного Черного моря, преграждающего путь к спасению.

Пехота блестяще выполнила возложенную на нее задачу. Теперь дело за вами»[1].

И конница Буденного преследовала врангелевцев до «волн бездонного Черного моря».

Латышская дивизия продолжала наступление на юг и окончила свой боевой путь в Евпатории 14—15 ноября 1920 года.

---

[1] ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 388, л. 17.

Южный фронт — последний фронт гражданской войны — перестал существовать. 16 ноября Михаил Васильевич Фрунзе телеграфировал В. И. Ленину: «Сегодня нашей конницей взята Керчь. Южный фронт ликвидирован»[1].

Участием в разгроме Врангеля, взятием Ишуньских позиций белых закончился боевой путь Латышской стрелковой дивизии.

Подняв в мае 1917 года ленинское интернациональное знамя, латышские стрелки пронесли его сквозь бои гражданской войны, стали надежным оплотом революционного пролетариата, верными и преданными солдатами социалистической революции. Ход исторических событий сложился так, что красные латышские стрелки вынуждены были дважды покидать свою родину — Латвию — в начале 1918 года, когда она была оккупирована немцами, и в конце 1919 года, когда власть в Латвии захватила националистическая буржуазия. И каждый раз революционные стрелки уходили в Советскую Россию, чтобы на фронтах гражданской войны биться за Советскую власть, за социализм. В рядах латышских стрелков сражались многие тысячи лучших сынов Латвии, выдвинувших из своей среды большое число прославленных командиров, военачальников Красной Армии.

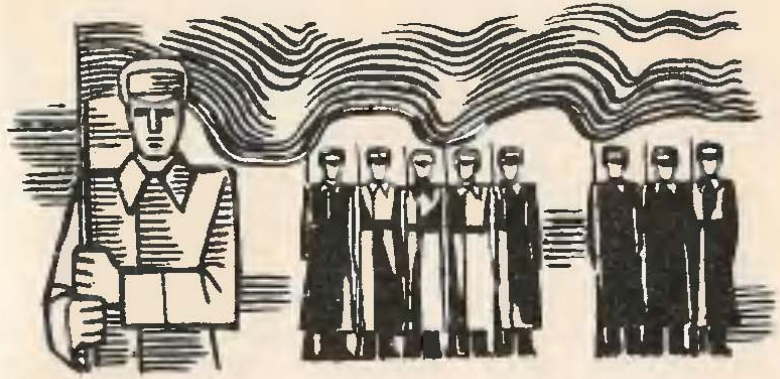
Бессмертные красные латышские стрелки вошли в историю нашей Родины наравне со славными чапаевцами, легендарной конницей Буденного, отважными бойцами Котовского, мужественными красноармейцами 51-й дивизии Блюхера и другими частями Красной Армии.

В суровом 1941 году, когда гитлеровские полчища рвались к сердцу нашей Родины — Москве, — снова была создана Латышская стрелковая дивизия. Весьма характерно, что давая согласие на организацию этого, первого в составе Красной Армии, национального формирования, И. В. Сталин особо подчеркнул героические подвиги красных латышских стрелков в годы гражданской войны. И еще одна характерная черта этой дивизии: она начала свой боевой путь с наступательных боев в декабре 1941 года под Москвой. Там, под Наро-Фоминском и Боровском, вместе с русскими, украинцами, белорусами, грузинами, казахами — представителями всех народов СССР — воины-латыши ковали победу Красной Армии. В начале октября 1942 года за проявленные в боях против немецко-фашистских захватчиков мужество и стойкость, за героизм личного состава дивизии приказом народного комиссара обороны было присвоено наименование «43-я Гвардейская Латышская стрелковая дивизия». Это была высокая награда за бои под Москвой, за стойкость и упорство в боях на Северо-Западном фронте.

Во время освобождения Советской Латвии от фашистских оккупантов наша 10-я гвардейская армия участвовала в боях, имея на фланге воинов 130-го Латышского стрелкового корпуса, в который входили 43-я гвардейская и 308-я Латышские стрелковые дивизии. Мы вместе участвовали в Рижской наступательной операции, вместе громили фашистов в Курляндском котле. Латыши-гвардейцы, солдаты и партизаны в годы Великой Отечественной войны не посрамили славы своих отцов — красных латышских стрелков, честно и мужественно выполняли свой воинский долг.

Все дальше и дальше в глубь времен уходят годы гражданской и Великой Отечественной войн. Но время не властно поглотить золотые страницы нашей истории, на которых записаны бессмертные подвиги народа. Они будут передаваться из поколения в поколение, будут служить примером и образцом для подражания людям грядущих лет.

[1] ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 391, л. 13.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЛЮДИ ВЫСОКОГО ДОЛГА

1. КОРНИ

Здесь я хочу сказать о том, без чего немыслим наш общий рост и становление каждого человека. Я имею в виду нашу партию — великую партию коммунистов-ленинцев.

Я начинал свою военную биографию политбойцом, то есть коммунистом, одетым в гимнастерку и шинель. Таких были тысячи. Все вместе мы составляли ядро Рабоче-Крестьянской Красной Армии. До сих пор за рубежом некоторые недоумевают, как могло случиться, что отсталая, разоренная четырехлетней войной Россия могла выстоять и одержать победу в борьбе с армиями внутренней контрреволюции и крупнейшими капиталистическими державами, имевшими опытные командные кадры, новейшее по тому времени оружие, боевую технику и неисчислимые запасы материальных средств. Между тем, если серьезно подходить к оценке революционных событий, а не заниматься политическими выдумками по поводу «роковых ошибок самодержавия» или не менее «роковых» неудач «белого движения», если глубоко вдуматься в ленинские мысли о причинах победы нового строя, то станет понятным, что мы оказались в состоянии победить потому, что руководящая роль в защите Советского государства принадлежала Коммунистической партии.

Цементирующей силой Красной Армии и Красного флота были коммунисты. Своей преданностью Советской власти и стойкостью в бою они сплачивали бойцов, прививали им революционную дисциплину, политическое сознание. Они первыми бросались в бой, увлекая за собой красноармейские массы. Около 300 тысяч коммунистов (почти половина состава партии того времени) сражались на фронтах гражданской войны, из них более 50 тысяч человек героически пали в схватках с врагами[1].

[1] БСЭ, изд. 3, т. 12, с. 552.

В. И. Ленин писал, что всякий раз, когда наступал трудный момент в войне, партия мобилизовала коммунистов, и они гибли в первых рядах, тысячами они гибли на фронте Юденича и Колчака, гибли лучшие люди рабочего класса, которые жертвовали собой, понимая, что они погибнут, но они спасут поколения, спасут тысячи и тысячи рабочих и крестьян.

В связи с ростом коммунистических рядов в армии улучшалась и политическая работа в войсках. В октябре 1918 года Центральный Комитет партии принял постановление о партийной работе в армии. ЦК партии обязывал армейские организации сосредоточить свое внимание на воспитательной работе. Коммунисты должны были разъяснять политику партии и правительства, вести агитационную работу, распространять литературу, укреплять воинскую дисциплину.

Летом 1918 года начали создаваться политотделы в армии и на флоте. К концу года они уже существовали на всех фронтах, во всех армиях и почти во всех дивизиях действующих войск. 5 декабря 1918 года было принято «Положение о политотделах Реввоенсовета фронта и армий». В нем указывалось, что политотделы создаются для партийно-политической и культурно-просветительной работы как в действующей Красной Армии, так и среди населения прифронтовой полосы.

Обобщая опыт партийно-политической работы в армии, ЦК партии утвердил в январе 1919 года «Инструкцию партийным ячейкам красноармейских частей фронта и тыла». Я помню, что эта инструкция долгое время была «карманной книжкой» каждого политработника. Еще бы! Опыта партийной работы мы не имели, а в этой инструкции устанавливалась единая структура военных партийных организаций, определялись обязанности армейских партийных ячеек и каждого коммуниста.

Первое требование к нашим коммунистическим ячейкам — осуществление всех постановлений руководящих органов партии. За этим мы следили особенно строго, видя в соблюдении этого партийного принципа основу укрепления Красной Армии. Ячейки беспощадно боролись с нарушениями партийной дисциплины и энергично помогали комиссару и командиру укреплять воинскую дисциплину.

Вот у меня на столе лежит потрепанная книжечка — «Инструкция партийным ячейкам красноармейских частей фронта и тыла». Диву даюсь, как сохранило ее беспощадное время! Некоторые ее положения и мысли не утеряли своего значения и теперь — почти шесть десятилетий спустя. Ну, скажем, вот это: «Вся работа партийной ячейки в каждой красноармейской части должна сводиться к задаче создания в части крепкого ядра из коммунистов и сочувствующих, проникнутых сознанием серьезного значения победы на фронте для социалистического отечества, способных в нужный момент показать пример готовности пожертвовать своей жизнью ради победы, увлечь за собой менее сознательных товарищей красноармейцев и противостоять везде и всюду распространению тревожных слухов и паники».

Ячейка не должна была вмешиваться в действия и распоряжения командного состава. Всеми силами она обязана была поддерживать и укреплять авторитет комиссара и командира.

В организаторской и идейно-воспитательной деятельности политических органов и коммунистических ячеек В. И. Ленин видел главное условие высокого морального духа Красной Армии, железной дисциплины в ней и повышения ее боеспособности. «Армия есть, — говорил В. И. Ленин в декабре 1918 года. — В ней новая дисциплина. Дисциплину поддерживают ячейки, рабочие и комиссары, которые сотнями тысяч шли на фронт и разъясняли рабочим и крестьянам, от чего идет война. Вот отчего наступил перелом в нашей армии»[1].

Разветвленная сеть политических органов и коммунистических ячеек, руководимых военными комиссарами, сделала армию монолитной, связала ее единством устремлений и чувств, воли и действий во имя защиты Советской Родины.

Важнейшее место в укреплении Красной Армии и завоевании победы над врагами Советской власти партия отводила военным комиссарам, политорганам и армейским партийным организациям. Являясь представителями партии и Советского правительства в армии и на флоте, военные комиссары возглавляли партийно-политическую работу и осуществляли политический контроль за деятельностью старых военных специалистов, насаждали в

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 127.

войсках железную воинскую дисциплину. Военные комиссары проводили большую организаторскую и политико-воспитательную работу среди бойцов и командиров, через партийные организации оказывали влияние на весь личный состав воинских частей. «Комиссары в армии являются не только прямыми и непосредственными представителями Советской власти, но и прежде всего носителями духа нашей партии, ее дисциплины, ее твердости и мужества в борьбе за осуществление поставленной цели. Партия может с полным удовлетворением оглянуться на героическую работу своих комиссаров, которые рука об руку с лучшими элементами командного состава в короткий срок создали боеспособную армию», — так говорится в решениях VIII съезда РКП(б). Имена комиссаров П. С. Батурина, В. В. Куйбышева, Н. Г. Толмачева, К. А. Петерсона, Д. А. Фурманова, О. Ю. Калныня, А. В. Белышева, Я. Ф. Фабрициуса, Е. А. Трифонова, А. А. Юдина, Г. А. Осепяна, Н. Г. Маркина, П. А. Кобозева, В. С. Ковалева, А. А. Кондратьева, И. И. Жукова и многих других навсегда вошли в историю гражданской войны.

Вдохновителем и организатором защиты Социалистического Отечества был Владимир Ильич Ленин. Под его руководством решались самые сложные проблемы военной политики, стратегии и тактики, вопросы вооружения армии и флота, расстановки руководящих кадров. Военные вопросы находились в центре внимания нашей партии, систематически обсуждались на партийных съездах и конференциях, на пленумах. Только за восемь месяцев 1919 года, в один из самых напряженных периодов борьбы с врагами, под руководством В. И. Ленина состоялось 164 заседания ЦК партии, на которых первоочередными были вопросы защиты нашей Родины.

Закономерно, что в дивизии, полки, роты, где была значительная партийная прослойка, сражались с врагами и более сознательно, и с большим боевым задором, и успешнее решали текущие оперативные задачи. И в этом отношении Латышская дивизия не представляла исключения. Даже самый беглый анализ цифровых данных показывает, что на всех этапах гражданской войны в дивизии было большое число партийцев. Даже в последний период ее существования — в ноябре 1920 года — когда дивизия вышла из боев с большими потерями, она имела

общее число коммунистов 1998 человек (в сентябре в дивизии было 2218 членов и 164 кандидата партии).

В Латышской дивизии была широко развернута партийно-политическая и культурно-просветительная работа. В сентябре 1920 года, например, в условиях боевой обстановки, в дивизии было проведено 33 митинга-концерта по полкам, 80 общих собраний стрелков, 59 собеседований с беспартийными, 64 партсобрания, не считая собраний кружков партучебы. В Латышской дивизии издавалась газета «Цинияс Балсс» («Голос борьбы») на латышском и русском языках. Стрелкам доставлялись газеты «Правда», «Известия ВЦИК», «Беднота», «Циня» («Борьба»), журнал «Стрелниекс» («Стрелок»). Активной была деятельность стрелковых корреспондентов. В заметках стрелков находили отражение их боевой дух, верность Октябрьской революции, миропонимание, проникнутое духом пролетарского интернационализма. Яркое отражение находило боевое содружество латышских стрелков с революционным русским пролетариатом.

* *
*

В предыдущих главах я рассказывал о боевом пути Латышской дивизии на фронтах гражданской войны, коротко говорил о некоторых деятелях нашей армии — славных сынах латышского народа. Дальше я расскажу о коммунистах, сражавшихся с врагами революции не только в составе Латышской дивизии, но и в других частях Красной Армии. Люди высокого революционного долга, они отстаивали Советскую власть на Урале и Украине, в Забайкалье и на Крайнем Севере, в Средней Азии и в Приморье. Мои заметки не претендуют на полноту освещения жизненного пути этих замечательных латышских коммунистов. Мне хочется отдать дань уважения людям, на протяжении всей моей жизни являвшим мне пример рыцарей без страха и упрека.

2. «СТАРИК»

Я смотрю на фотографию этого человека: очень серьезные и очень добрые глаза. Строгий овал лица венчают пышные седые волосы. В петлицах гимнастерки — четыре

ромба, а чуть ниже, у сердца, — ордена Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды. Впрочем, ордена он носил редко, а колодок в то время еще не было.

«Старик». Это и подпольная кличка и ласковое обращение близких товарищей. У него было много кличек и псевдонимов (даже имя и фамилия, под которыми его знали как начальника разведуправления РККА — Ян Берзинь — псевдоним. Его настоящее имя Петерис, а фамилия Кюзис).

Стариком в буквальном смысле этого слова он так и не стал, потому что ушел из жизни в сорок восемь лет. Но он стал «стариком» в шестнадцать, когда казачьи шомпола превратили в месиво его спину, и когда он был приговорен к смертной казни, поседела его голова. Этот «старик» всю жизнь оставался юношей — удивительнейшее человеческое качество, которое отпускается «избранникам», как талант. И еще одним бесценным даром наградила его природа — любовью к детям. Крупные наши военачальники (их никак не заподозришь в «сентиментах») в один голос рассказывали мне, что Ян Берзинь весь преображался, когда приходил на пионерские сборы и рассказывал нашим школьникам о детях Испании.

Сам «Старик» не изведал радостного детства. Пройдя школу пастушонка и батрачонка, он сразу шагнул в отряд боевиков революции пятого года. (Знаменательно, что одним из последних документов, подписанных Яном Берзинем, руководителем нашей разведки, был рапорт Наркому обороны о судьбе семидесяти двух мальчиков и девочек, приехавших в Советский Союз из борющейся Испании в 1937 году.)

С Испанией его связывала не только судьба детишек, но и личная работа. Когда в этой стране вспыхнул фашистский мятеж, Берзинь оказался на передовой линии огня. По роду своей деятельности он, как никто другой, знал, что на мир надвигается коричневая волна. Знал, какими бешеными темпами фашисты куют оружие против человечества и человечности. Он мог бы и не ехать в Испанию... Но поехал. Такой у него был характер: самому докапываться до сути явления, сначала самому побывать там, где впоследствии станут работать его боевые соратники.

Именно побывав в Испании, воочию увидев все, что несет с собой фашизм, Ян Берзинь смог сделать вывод,

который впоследствии стал законом жизни и для Рихарда Зорге, и для Льва Маневича, и для многих других наших разведчиков: надо не просто спасать мир от гнили, а спасать людей от их собственного равнодушия, от безразличия к тому, что их окружает, что тянет их в мещанское болото.

Юность Яна Берзиня совпала с революцией девятьсот пятого года. В Латвии горели помещичьи имения. Шли баррикадные бои в городах. В некоторых была провозглашена власть Советов. Пылали пожары, в которых сгорало помещичье и баронское прошлое, но в искрах этих пожаров рождалось и будущее — социалистическая революция.

В годы революции Ян был среди знаменитых «лесных братьев» — партизан, бившихся с карателями, с жандармерией. В одной из схваток он прикрывал отход товарищей и попал в руки палачей. Тогда-то и получил пятьдесят шомполов по спине. Мать думала, что он не выживет. А он победил смерть и в девятьсот шестом оказался в Риге в группе боевиков. Но на след этой группы напали казаки. Снова бой!

Ян Берзинь снова прикрывал огнем отход товарищей, а сам не успел уйти. Три пулевых раны — в левое плечо, в голову и ногу. Его хотели расстрелять на месте, но потом каратели решили через него докопаться до остальных «членов шайки». Его приговорили к смертной казни, замененной «из-за несовершеннолетия» каторжными работами. Потом был суд, после которого его отправили на пожизненную ссылку в Якутию.

Он бежал через километры топей и непроходимого бурелома. Мать не верила собственным глазам, когда ее Петерис ночью вернулся домой. Ведь мысленно она его уже похоронила — во второй раз похоронила. Затем революционная подпольная работа в Риге, Пскове и Петербурге.

С первого дня Октября Ян Берзинь включился в борьбу с контрреволюцией. Летом восемнадцатого года — Ярославль. Мятеж Савинкова. Снова кровь, снова смерть. Гибель Семена Нахимсона — первого комиссара красных латышских стрелков. К этому времени Ян Берзинь уже сам был комиссаром, одним из тех, о которых десятилетия спустя молодежь станет слагать песни, а у людей

старшего поколения будет трепетно замирать сердце от воспоминаний.

Весной девятнадцатого Ян Берзинь вернулся в Латвию. Опять очень короткая встреча с родными. И опять он в работе. Его назначили заместителем наркома внутренних дел Советской Латвии. А потом, после подавления Советской власти в Латвии, он уходил вместе со стрелками... Снова прикрывал огнем товарищей. Это стало свойством его характера — заслонять собой других, ценой собственной жизни спасать жизнь другим. Это свойство с особой силой проявилось впоследствии, когда он возглавил разведку страны.

Фронты гражданской войны. XV армия. Военные будни, сложившиеся в общую победу.

В конце двадцатого года партия направила Яна Берзиня на новую работу — в разведуправление РККА. Сначала начальником отдела, потом — заместителем начальника управления, наконец, начальником разведуправления.

О подвигах наших разведчиков написано много книг. Их работа оценена по достоинству. И в их подвигах отразился талант его самого, Берзиня. Ведь достойный ученик всегда в чем-то повторяет своего учителя.

3. ГЕРОЙ ОБОРОНЫ САСЫЛ-СЫСЫ

Три предварительных справки:

1. Сасыл-Сысы — в переводе с якутского «лисья поляна».

2. Не так давно в якутском селе Абага умер человек, носивший необычное для этих мест имя — Строд Александрович Карманов.

3. 23 июля 1944 года части 29-й и 8-й гвардейских дивизий нашей 10-й гвардейской армии освободили город Лудзу.

Я хорошо запомнил этот летний день, потому что по расчетам штаба армии фашисты должны были цепко держаться за первый латвийский город на нашем пути (так сообщала разведка), а они сдали Лудзу без боя. Потом солдаты рассказывали, что с опаской шли по притихшим улицам, ожидая подвоха. Но когда в центре

города их встретили радостные жители, на душе полегчало...

В тот летний день сорок четвертого, въезжая в Лудзу, я, конечно же, не подозревал, что наша армия освободила родной город человека, о котором три десятилетия спустя я буду писать вот эти заметки. После окончания войны я побывал в Лудзе, и на улице Кульиева мне показали дом, где родился Иван Яковлевич Строд — латышский большевик, национальный герой якутского народа.

Он родился в 1894 году в семье фельдшера. Учился, гонял по крышам голубей, купался в светлом Лудзенском озере, слышал, как по вечерам над городком разносится унылый колокольный благовест. Короче — пошел бы по жизни, как шли по ней сотни парней из этого богом забытого городишка... Но пришла революция и круто изменила судьбу Ивана Строда. В 1918 году он добровольно вступил в Красную Армию. Думал, будет воевать в родных латгальских перелесках, по берегам бесчисленных здешних озер, а судьба забросила его в тайгу, на берега Лены...

За заслуги и подвиги в годы гражданской войны в Забайкалье, на Дальнем Востоке и в Якутии Иван Строд награжден тремя орденами Красного Знамени, нагрудным Золотым Знаком ЦИК Якутии и серебряной саблей командования V армии с золотой надписью «Герою Якутии». Якутский народ установил Ивану Строду — своему национальному герою — памятник в селе Амга. Его именем в этом селе названы главная улица и колхоз. По Лене ходит пассажирский пароход «Иван Строд». Помните?

Мы идем
сквозь револьверный лай,
чтобы,
умирая,
воплотиться
в пароходы,
в строчки
и в другие долгие дела.

Иван Строд не умер. Он жив в памяти народа как герой Севера, герой беспримерной обороны Сасыл-Сысы.

... В начале сентября 1922 года войска генерала Пепеляева высадились в Аяне и Охотске. Свою армию этот авантюрист, возомнивший себя «спасителем России», набрал в Харбине из недобитых семеновских банд и разного рода деклассированных элементов, прослышавших, что воевать придется в Якутии, где золотом и алмазами вымощены таежные дороги. Отряд стал продвигаться в глубь якутской территории.

Подходила зима. Вот-вот должны были исчезнуть и без того редкие дороги. По указанию областного комитета партии, ВЦИК и Совнаркома Якутской АССР, командующий войсками К. Байкалов (его настоящая фамилия Нэкуиде, и заметки о нем и его братьях публикуются в этой книге) принял срочные меры для борьбы с врагом. Была объявлена мобилизация и организованы отряды коммунистов. В середине октября последним пароходом из Олекминска в Якутск прибыл отряд Ивана Яковлевича Строда. Этот отряд громил банды контрреволюционеров, устанавливал на местах Советскую власть, снискал уважение в народе за кристальную честность каждого бойца, высокую принципиальность и непримиримость ко всякого рода лжи, предательству, своекорыстию. Нужно иметь в виду, что в то время в Якутии почти все население было неграмотным, поэтому простое, доходчивое слово агитатора и пропагандиста-ленинца здесь ценилось очень высоко. А Иван Строд был умным, знающим оратором, любил меткое словцо и острую шутку. Стоит ли удивляться, что когда он выступал, собиралось много народа. И вот, когда в Якутск прибыл отряд Строда, настроение у сторонников Советской власти сразу поднялось.

Ревком Якутской республики принял решение попытаться ликвидировать пепеляевский мятеж мирным путем, бескровно. Было составлено специальное обращение к генералу Пепеляеву, в котором ему предлагалось немедленно прекратить дальнейшее продвижение в глубь Якутии, сложить оружие и сдаться Советской власти. При этом всем добровольно сдавшимся гарантировалась «неприкосновенность личности и имущества».

Но необходимо было передать Пепеляеву выработанную декларацию. Штаб генерала находился за многие сотни километров заснеженной тундры. Лютые морозы и злые вьюги хозяйничали на необозримых ее просторах.

Нечего было и думать отсылать декларацию с простым нарочным. Генерал мог его просто не принять... Требовался человек авторитетный, которого хорошо знали враги.

Эту миссию доверили И. Я. Строду — «самому храброму из храбрых, самому честному из честных, самому опытному из опытных командиров». Так было сказано в постановлении ревкома.

И вот Иван Яковлевич Строд отправился в далекий путь по «белому безмолвию» в самое логово контрреволюции. Ни он сам, ни его товарищи не сомневались — один неверный шаг, и вся операция провалится, пепеляевские банды расправятся и с ними и с сотнями ни в чем не повинных мирных жителей... Сорок человек было в его отряде. Сорок храбрых сердец, бившихся в унисон с сердцем командира. А еще было у них два ручных пулемета и три десятка «лимонок». И это — против вооруженных до зубов батальонов генерала Пепеляева!

«Их высокопревосходительство» не пожелал принять мирные предложения Строда, ревкома. Сложить оружие перед этими «красными голодранцами»? Нет и еще раз нет! Пепеляевцы переходят в наступление и в начале февраля занимают Амгу, отрезав отряд Строда от основных сил. Точнее сказать, оставив горстку храбрецов в глубоком вражеском тылу.

Строд на глазах изумленных пепеляевцев снимается с места и идет в Петропавловск. Здесь отряд Строда соединяется с местным гарнизоном и после изнурительного пятидневного перехода 13 февраля вновь оказывается «у стен» Амги, намереваясь сходу взять этот опорный пункт белых. Но как это часто бывает на войне, противник оказался хитрее, чем можно было предполагать. Красных бойцов ждала ловушка. Вовремя предупрежденные местными жителями, они успели свернуть с дороги и избежать неминуемой гибели. Расположился отряд в местечке Сасыл-Сысыы — «Лисья поляна».

Селение это подковой раскинулось по лесным склонам, резко обрывающимся в широкой котловине. На южной стороне местечка, отделенной от северной части лесистым мысом, стояли семь юрт. Некоторые из них пустовали. В них расположилась группа бойцов во главе с

С. П. Дмитриевым. Сам Строд разместился в трехстах метрах отсюда, в доме якута Александра Николаевича Карманова, рядом с заброшенной мельницей.

На рассвете застрекотали вражеские пулеметы. Ближайший помощник Пепеляева генерал Вишиевский торопился исправить вчерашнюю ошнбку и с утра пораньше захватить Строда и его отряд. Но, как говорится, вышла осечка. Отряд красных не только отбил атаку белых, но и заставил их позорно бежать.

Тяжело раненный Строд принимает решение — держаться до последнего, живьем бандитам не сдаваться. Жнтелей Сасыл-Сысыы отправляют из местечка, которое превращается в неприступную крепость. Хозяин усадьбы — Александр Карманов оставил Строду самую дорогую свою вещь — самовар... (Через два года Иван Яковлевич снова оказался в гостях у Карманова и подарил ему самое дорогое — боевого коня, верного друга во многих походах).

15 февраля генерал Пепеляев привел к Сасыл-Сысыы шестьсот лучших своих всадников. Шестьсот сабель против горстки красноармейцев! Генерал решил быть «великодушным» и из «гуманных соображений» решил вступить в переговоры со Стродом. В свою очередь, Иван Яковлевич старался оттяиуть решительный бой, чтобы укрепить свои позиции. Для начала обменялись «парламентерами». Когда представителн Строда пришли к «их превосходительству», тот полюбопытствовал:

— А коммунистов у вас много?

— Все!

Пепеляев дал отряду Строда несколько часов «иа размышлеиие», которые были использованы для производства саперных работ. Когда срок генеральского ультиматума истек, Строд послал пепеляевцам такой ответ: «Вы бросили вызов всей Советской Сибири и России. Ваша авантюра обречена на гибель. Сложить оружие отряд отказывается и предлагает вам сложить оружие и сдаться на милость Советской власти».

Начался бой. Почти сутки не смолкала стрельба. Почти сутки раз за разом белогвардейцы штурмовали ледяную крепость, устилая трупами подступы к позициям красного отряда. В атаки ходил «сам» Пепеляев, надеясь вдохновить своих солдат, прорваться в центр обороны

храбрецов, сломить их сопротивление. Давно кончились запасы продовольствия, не было медикаментов, росло число раненых и убитых, но отряд ие сдавался.

Восемнадцать суток продолжалась оборона Сасыл-Сысыы. Восемнадцать суток среди тундры, среди льда и огня за низким окопным бруствером, исхлестаниым пулеметными очередями, стояли насмерть защитники революции.

Впоследствии Иван Яковлевич Строд писал: «В этом темном, насквозь пронизаином пулями хотоие, страдания былн нечеловеческне, черные крылья смерти закрыли солнце, воздух, свет. Но вместе с дыханием смерти и ужаса реяли другие — красиые крылья Октябрьской революции, непреклонной борьбы и неизбежной победы. Не слышно жалоб, не слышио упреков, нет малодушия и отчаяния. Из каждого угла этой черной ямы несутся проклятия, плещет классовая ненависть к врагам трудящихся, последиим могиканам сибирской контрреволюции, приехавшим из Харбина».

На девятнадцатый день к Сасыл-Сасыы подошли свежие силы красных н банды генерала Пепеляева были разгромлены.

А еще через месяц, 21 марта 1923 года, героев этой беспримерной схваткн торжественно встречал Якутск. И эта встреча, в которой было и много теплых, нскрениих слов, и нескрываемых слез, и законной гордостн за ратный подвиг красноармейцев, знаменовала крупнейшее событие в истории Якутской АССР — полный и окончательный разгром контрреволюции, полное и окончательное завершеиие гражданской войны в этом далеком краю Советской Родины.

Отважный красный командир Иван Яковлевич Строд — «якутский Чапай», как любовно называли его в народе, за героическую оборону Сасыл-Сысыы и разгром банд Пепеляева был награжден вторым орденом Красного Знамени.

Александр Кармаиов — якут, который в трудные дии сражения подарил Строду самовар, назвал своего сына Стродом. Активный участиик Великой Отечественной войны, один нз лучших табунщиков колхоза имени Строда в якутском селе Абага, Строд Александрович Карманов прожил честную, трудовую жизнь.

Кто сказал, что между Якутском и Лудзой лежат тысячи безмолвных километров? Нет, их связывают самые прочные нити человеческих отношений — нити кровной дружбы.

4. «... И КОМИССАРЫ В ПЫЛЬНЫХ ШЛЕМАХ»

После одной из очередных поездок в Ригу у меня появился дорогой сувенир — книга военного журналиста А. М. Семенова «Путь комиссара».

В книге «Путь комиссара» речь идет о человеке, который почти не встречается на страницах официальной истории гражданской войны, но который вписал в нее интереснейшие страницы. Его звали Константином, а фамилия у него была самая что ни на есть латышская — Озолинь.

Итак, комиссар Константин Озолинь. О нем пишет в своих воспоминаниях Семен Мнхайлович Буденный. Пишет очень и очень тепло...

А вот о комиссаре Мильде Булле мог бы написать Сергей Миронович Киров. Но не написал. Не успел...

Два человека. Два комиссара гражданской войны. В характерах — ни малейшего сходства. Один — суховатый, резкий, быстро «зажигающийся», но так же быстро остывающий. Другая — мягкая, женственная, улыбчивая и одновременно твердая. Смотрю на их фотографии и с удивлением вижу сходство. Даже похожесть. Как у брата и сестры. Хотя ни в близком, ни в дальнем родстве они не состояли. Даже не были знакомы.

А сходство — в выражении глаз. Даже по этим пожелтевшим от времени фотографиям видно, что в главном, в самом важном оба эти человека — столь разные по характерам — смотрели на мир одними глазами.

В годы моей молодости портреты Мильды Оттовны Булле украшали улицы наших городов по революционным праздникам. Она была столь же популярна, как, скажем, пулеметчица Маруся Попова и другие героини гражданской войны. Откройте четвертый номер журнала «СССР на стройке» за 1937 год. В нем опубликована фотография «Горький среди участниц гражданской войны». Вторая справа — Мильда Булле.

В биографии Мильды Булле (Грундмане) дореволюционного периода нет, пожалуй, ничего, что выделяло бы ее из ряда точно таких же биографий бедняков. Хотя... Пользуясь правом бесплатного обучения по бедности, Мильда в 1911 году окончила восьмилетнюю женскую гимназию в Митаве (Елгаве) и стала преподавателем русского и немецкого языков. В годы первой мировой войны работала корректором и секретарем в редакциях ряда газет. Затем жизнь забросила ее в Ставропольский край, потом — в Кисловодск.

В декабре 1917 года Мильда Оттовна была избрана депутатом Кисловодского Совета. В феврале 1918 года она вступила в партию. Через несколько месяцев на Терскую Советскую республику напали хорошо вооруженные, мобильные банды Шкуро. Мильда Булле — в числе тех, кто организует рабочую гвардию, потом сама отправляется на фронт. У станицы Бургустанской она принимает первое боевое крещение. В этом бою был убит комиссар, и Мильда Булле возглавила атаку красноармейцев... За этот бой командование наградило Мильду Булле серебряным портсигаром. Но, узнав, что комиссаром, поднявшим в атаку бойцов, была молодая женщина, командование заменило портсигар боевым конем.

В январе 1919 года XI Красная Армия отступала в астраханские степи. Мильду Булле назначили комендантом станции Моздок. Сколько раз бывало, что какой-нибудь не в меру ретивый командир эскадрона (вспоминала Мильда Оттовна впоследствии) приставлял к ее затылку маузер и требовал вагонов. А она хладнокровно (чего оно ей стоило, это кажущееся спокойствие!) выбивала оружие из рук нахала и приказывала ему «очистить помещение!».

Люди гибли в боях. Люди гибли от тифа. На какое-то время Мильда Булле стала уполномоченной Реввоенсовета фронта по делам эвакуируемых, раненых и больных. Тут уж она хлебнула горя полной чашей. И чужого и своего. Впрочем, чужого горя для нее не существовало никогда — ни в годы войны, ни в мирные дни... Сыпняк скосил и ее. Старый друг Батырбек Абуков вывез ее, полумертвую, на тачанке из Кисловодска в Астрахань.

После выздоровления Мильда Оттовна настояла, чтобы ее отправили в действующую армию. Так она стала начальником политотдела 7-й кавалерийской дивизии,

входившей в состав XI армии. Сложная обстановка сложилась тогда в армии. Главное командование решило ее расформировать, а Сергей Миронович Киров, возглавлявший оборону Астрахани от колчаковского генерала Толстова и деникинского генерала Драценко, прилагал все силы к тому, чтобы не только сохранить, но и укрепить армию.

Партийная организация призвала сотни коммунистов в ударные отряды и роты. Комсомольцы от восемнадцати до двадцати трех лет объявили себя мобилизованными. Члены профсоюза добровольно записывались в рабочий батальон. Всех, кого поставили в строй, под ружье, Киров посылал на фронт. Ушли на фронт командные пехотно-пулеметные курсы, чекистские подразделения, штабные работники. Именно тогда, на Астраханской партконференции, Сергей Миронович произнес пламенную речь которую закончил известными словами: «Пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье Волги было, есть и будет советским».

Мильда Булле была в самой гуще боев. Сколько раз она ходила в кавалерийские атаки! Сколько раз случалось — летела на кое навстречу дрогнувшим рядам красных кавалеристов и с криком: «за мной, в атаку!» — возвращала бойцов, вселяла в них силы и уверенность в победе.

Эта женщина с прекрасными лучистыми глазами не раз и не два смотрела в глаза смерти.

По ходатайству Сергея Мироновича Кирова группа бойцов и командиров, отличившихся в обороне Астрахани, была награждена орденами Красного Знамени. Среди награжденных была и начальник политотдела 7-й кавалерийской дивизии Мильда Оттовна Булле.

Но ко времени вручения этого боевого ордена она была уже заместителем начальника политотдела XI армии. Снова бои, сиова бесконечные линии фронтов, атаки, полуденный зной и... И жаркое биение собственного сердца.

Однажды ее вызвал Киров.

— Вот что, Мильда. Хватит тебе ходить в атаки. Не женское это дело. Мы тебя демобилизуем...

— Мироныч! Ты понимаешь, что говоришь? Разве меня можно демобилизовать? — на глазах Мильды выступили слезы.

— Сейчас ты нужнее здесь, в Астрахани! Так что придется подчиниться...

В сентябре 1919 года Мильду Булле избрали секретарем Астраханского губкома партии. Конечно, демобилизация была чисто условной. Она по-прежнему была в центре военных событий, вместе с Кировым организовывала оборону Астрахани от контрреволюции. В марте 1920 года ее избирают делегатом IX съезда партии. Во время заседаний съезда она впервые увидела В. И. Ленина, слушала его доклад, его речь о хозяйственном строительстве. В одном из перерывов к группе фронтовиков подошел Ильич и о чем-то спросил Мильду Оттовну. И вот эта женщина, ходившая в атаках с шашкой наголо, умевшая двумя-тремя фразами поставить на место демагога на красноармейском митинге, она, прошедшая горнила тифа, гибели друзей, она так разволновалась, что не смогла ничего ответить. Улыбнувшись, Ильич сказал: «Что же вы так смущаетесь, героиня Астрахани?».

После отъезда Мильда Оттовна была избрана членом президиума и секретарем Азербайджанской организации компартии, потом недолго работала в Иваново-Вознесенске. Казалось, с военной службой покончено навсегда... И вдруг крутой «излом» в биографии: ее посылают на учебу в Академию им. М. В. Фрунзе. Немного женщин училось в этом прославленном учебном заведении — высшем в Красной Армии. Мильда Оттовна Булле получила диплом об окончании академии в 1924 году и была направлена на работу в Народный комиссариат иностранных дел. Именно тогда в зарубежных журналах появилась ее фотография: женщина в военной гимнастерке с двумя ромбами в петлицах и орденом Красного Знамени на груди. Подпись под снимком гласила:«Первая женщина — генерал Красной Армии».

Судьба комиссара Константина Озолиня сложилась по-другому.

12-летним мальчуганом он стал очевидцем революционных событий 1905—1907 годов в Латвии. В декабре 1916 года Константина Озолиня направили на фронт в тяжелый артиллерийский дивизион. После Февральской революции солдаты избрали его председателем дивизионного комитета. Было это в Смоленске, и К. Озолинь установил связь с местной организацией большевиков, в ряды которой он вступил 24 августа 1917 года. Когда

наступили тревожные дни корниловщины, тяжелый артиллерийский дивизион во главе с председателем комитета Озолинем принял активное участие в борьбе против заговора контрреволюции в Октябрьские дни, он сыграл важную роль в установлении Советской власти в Смоленске.

В начале 1918 года артиллерийский дивизион перебросили в Тамбов. Константин Озолинь включился в борьбу с белогвардейским подпольем, сформировал из прибывших сюда латышских стрелков боевой отряд и возглавил его.

Этот отряд был осенью 1918 года включен в состав IX армии и вместе с 3-й латышской бригадой участвовал в наступлении против белоказаков на Поворинском участке фронта. В разгар боев командующий IX армией А. И. Егоров поручил Константину Озолиню сформировать кавалерийскую бригаду. Задание было выполнено в короткий срок. Комиссаром бригады был назначен К. Озолинь. Так начался его боевой путь в красной конице.

Когда в январе 1919 года советские войска перешли в решительное наступление против красновцев, кавалерийская бригада, где Константин Озолинь был комиссаром, одной из первых вышла к Северному Донцу, начала освобождение Донецкой области. Но к весне положение на юге снова обострилось. Деникинская армия упорно рвалась на север. Все силы республики были брошены на борьбу с этим нашествием. В сентябре была сформирована 11-я кавалерийская дивизия, комиссаром которой стал Константин Озолинь. Дивизия была направлена под Воронеж в состав конного корпуса Буденного. Впоследствии Семен Михайлович так характеризовал действия дивизии: «Как равиая среди равных она вошла в состав корпуса на поле боя, и теперь со своими братьями по оружию торжествовала победу. Дивизия произвела на меня хорошое впечатление. Поиравились и начальник Матузенко и комиссар — латыш Озолинь».

17 ноября 1919 года коиный корпус Буденного был преобразоваи в Первую конную армию. В ее составе сражалась и 11-я дивизия. К концу декабря Первая конная совместно с 13-й и 8-й армиями освободила Доибасс, а в начале 1920 года противник был отброшен за Дон, в Сальские и Кубанские степи.

В Сальских степях в конце января — начале февраля завязались особеино упорные бои. Не каждому солдату доводится пережить свою смерть. Константину Озолиню довелось. А случилось это так. Во время одного из боев комиссар К. Озолинь во главе штабного эскадрона атаковал белых, выходивших на левый фланг дивизии. В заснеженной степи, в пургу красные и белые конннки встретились лицом к лицу. Константин Озолинь в пылу боя далеко вырвался вперед и не заметил, что его товарищи отошли за Маныч. С ним остался только ординарец. В небольшой лощине они внезапно натолкнулись на белоказаков. Ординарец Алеша, прошитый вражескими пулями, упал на снег.

Озолинь решил дорого продать свою жизнь. Завязалась отчаянная схватка. Расстреляв патроны, комнссар отбивался шашкой. Кругом валялись трупы белоказаков. Но вот, обливаясь кровью, Константин Озолинь рухнул на землю. Казаки решили, что покончили с красным комиссаром, стянули с него сапоги и ускакали в степь... 7 февраля 1920 года в приказе по Первой конной армии было сказано: «В бою с белогвардейскими бандами 29 января сего года ... пал смертью храбрых испытанный сын революции — военком 11-й кавалерийской дивизии тов. Озолинь, который будучи преследуем целой оравой белых, отстреливаясь и расстреляв все свои патроиы, был зверски изрублен. Приказ прочесть во всех эскадронах, ротах, командах и батареях...».

В память о славном комиссаре один из захваченных у белых бронепоездов был назван «Константин Озолинь». Об этом сохранился приказ РВС Первой конной армии.

Но комиссар Константин Озолинь остался в живых. Его подобрали и выходили местные жители. Оправившись от ран, он перешел линию фронта и явился в штаб Первой конной армии, где и узнал о собственной смертн. «Теперь тебе долго жить! — шутили друзья. — Никакая пуля тебя не возьмет». Но пуля так-таки его нашла! Правда, не смертельная.

Летом 1920 года Первая конная вела упорные бои на Западном фронте против белополяков. Особенно жестокие бои шли на реке Случь, под Ровно и Дубно. Эскадроны 11-й дивизии несколько раз врывались в Дубно, но

потом снова откатывались. Во главе атакующих — боевой начдив Федор Морозов и бесстрашный комиссар Константии Озолинь. Как всегда — рядом. Крепко, на всю жизнь, сроднила их фронтовая дружба. Бойцы любили командира и комиссара, верили им. Знали, что с ними ни в какой переделке не пропадешь. А в Дубио бой был сущим адом. Белополяки дрались остервенело.

...К утру 11-я кавалерийская дивизия почти очистила город, но со старинного форта ударили орудия, шквал пулеметного огня развел лавину наступающих конников. Тяжело ранило и комиссара. Он упал на луку седла и умный конь вынес его с поля боя.

Хирурги спасли жизнь Константину Озолиню, но от службы в кавалерии пришлось отказаться. В феврале 1930 года в приказе Военного Совета республики, в связи с десятилетием Первой конной армии, было отмечено, что среди особо отличившихся бойцов и командиров был награжден вторым орденом Красиого Знамени также и Константин Озолинь. В 1934 году он вернулся на военную службу, стал военкомом Воеино-технической академии им. Подбельского. Потом бригадный комиссар Константин Озолинь назначается членом Военного Совета Харьковского военного округа.

Я рассказал только о двух комнссарах гражданской войны. А сколько их было — скромных, строгих, честных, мужественных! Большевистский комиссар! Он олицетворял собой ленинскую правду своей партии, он — ум и совесть боевого коллектива, всей нашей армии. Как высок был авторитет большевнстского комиссара, как ненавидели его враги революции! И с каким благоговением мы вспоминаем теперь комиссаров далекой гражданской войны! Не сомневаюсь, что каждому из нас — участников гражданской и Великой Отечественной войн — в душу запали строки из стихотворения Булата Окуджавы:

Какое б новое сраженье
Не покачнуло шар земной.
Я все равно паду на той,
На той далекой, на гражданской,
И комиссары в пыльных шлемах
Склонятся молча надо мной.

5. БРАТЬЯ

В семье батраков Карла и Доры Нэкунде было пять сыновей: Карл, Екаб, Павел, Фриц и Яннс. А сестренка одна — Мильда.

В 1905 году, когда по России прокатилась первая волна революции, члены семьи Нэкунде участвовали в ней уже как вполне сознательные борцы за власть трудового народа. Именно в 1905 году Карл и Дора Нэкуиде, их старший сын Карл связали свою жизнь с партией, став членами СДРП Латвии. Они распространяли прокламацин, литературу, помогали «лесным братьям» в доставке оружия. Очень рано братья Нэкунде отведали и тюремной похлебки. Причем первым за решеткой оказался старший из братьев — Карл. Его много раз арестовывали за революционную деятельность, и в конце концов Петербургская судебная палата приговорила его к ссылке в Сибирь. В январе 1910 года он по этапу прибыл в Канский уезд Енисейской губернии. Но ссылка отнюдь не сломила духа Карла. Наоборот, осмотревшись, познакомился с другими ссыльными и стал вести агитационную работу среди крестьян. За это его снова арестовали и сослали еще дальше — в Якутию. И пошли, понеслись трудные для Карла годы. Кем только не довелось ему быть! Грузчик на Качугской пристани, рабочий на рытье колодцев, отбойщик в Черемховских угольиых копях, конторщик на Иркутском вокзале. Короче говоря, жизнь обкатывала Карла Нэкунде, как бурная гориая река обкатывает донные камешки. Но в отличие от них, Карл не становился «круглее», «глаже» — не отказался от своих революционных убеждений, а как раз наоборот — глубже и глубже постигал науку классовой борьбы.

В 1913 году в связи с трудными материальными условиями жизни в Латвии и возможностью получить землю в Сибири к Карлу в Иркутскую губернию переехал и отец с семьей. Они поселились в Баяндайской волости Верхоленского уезда.

С первых дней Февральской революции все члены семейства Нэкунде (кроме Екаба) включились в борьбу за ликвидацию местных органов царской власти. Екаб в начале войны был мобилизован и в 1915 году попал в германский плен. В 1918 году он бежал из Штутгартского

лагеря и в рядах Красной Армии сражался за Советскую власть в Латвии. В мае 1919 года, когда Красная Армия под натиском превосходящих сил немцев и белолатышей оставила Ригу, Екаб Нэкунде погиб в бою. Погиб за свободу своего народа.

Несмотря на очень тяжелые жизненные условия, Карл Нэкунде неустанно продолжал свое образование, много читал, конспектировал политическую литературу. После победы Февральской революции он был избран в иркутский городской рабочий Совет, где вместе с другими большевиками последовательно отстаивал большевистскую программу и разоблачал соглашательскую политику меньшевиков и эсеров.

После победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде Иркутский Совет рабочих и солдатских депутатов провозгласил, что вся власть переходит в руки Советов. Но контрреволюция не желала смириться с потерей власти. 8 декабря реакционно настроенные офицеры, юнкера, казаки и верхушка чиновничества начали вооруженную борьбу против народной власти. Мятеж вспыхнул как раз в тот момент, когда в здании бывшей резиденции иркутского губернатора шло заседание военно-революционного комитета. Дом оказался в окружении контрреволюционеров. В течение семи дней иркутские большевики и красногвардейцы выдерживали в этом доме непрерывные атаки юнкеров. И кто знает, как бы сложился этот бой, если бы на третий день Фриц Нэкунде не пробился к осажденным и не доставил им продовольствие и боеприпасы.

В эти дни состоялось знакомство двух советских военных и общественных деятелей — Карла Нэкунде и Роберта Эйдемана. Последний возглавлял тогда Конный отряд революционных солдат, который пришел на помощь большевикам Иркутска.

Наступили мирные дни. Все с энтузиазмом принялись за хозяйственные дела. Надо было налаживать работу заводов и фабрик, устанавливать связь с крестьянством. Члены семьи Нэкунде работали день и ночь. Но они были счастливы, потому что там, за разрухой, за неустроенностью видели светлые дали.

И тут вспыхнул чехословацкий мятеж. Первые достижения молодой Советской власти смыло, будто в половодье. Но только внешне. Правда — большевистская

вера в окончательную победу революции ни на день, ни на час не исчезала в народе. Осенью 1918 года братья Нэкунде приступили к сколачиванию партизанского отряда в Баяндайской волости. Сам Карл печатал воззвания к населению, остальные братья были — кто агитатором, кто организатором, кто связным. По распоряжению К. Нэкунде в тайге строили землянки, собирали оружие и продовольствие.

В это время колчаковцы арестовали Нэкунде-отца. Ему удалось бежать из заключения, спастись от смертной казни... Младшего брата — Яна — в ту зиму мобилизовали в белую армию и включили в латышский батальон. Но революционная «закваска» была в каждом Нэкунде! Ян быстро сориентировался в обстановке, увидел, что большинство солдат тяготеет к большевикам, и организовал совместный побег мобилизованных в тайгу, к партизанам.

Между тем, 1-й Верхоленский советский партизанский отряд из горстки плохо вооруженных крестьян (их вначале было 33 человека) вырос в заметную воинскую единицу, насчитывавшую 380 бойцов. Чтобы повысить оперативность отряда, его разделили на три подразделения. Командиром всего отряда был избран Карл Нэкунде — сын, начальником 2-го подразделения был Павел Нэкунде. Командиром разведывательного отряда назначили Яна. Сестра Мильда и мать выполняли обязанности связных.

Партизанский отряд Нэкунде действовал на обширной территории, вплоть до озера Байкал. После гражданской войны в бурятской газете была напечатана статья «Герой Баяндая Нэкунде», в которой рассказывалось о том, как все попытки белых уничтожить отряд или хотя бы схватить его командира — кончались неудачей. В то же время высшее командование Верхоленской советской группы войск часто передавало сообщения об успехах красных партизан, о количестве захваченных ими пленных, об уничтоженных солдатах противника.

Действия партизан настолько деморализовали солдат Колчака, что нередко, прослышав о приближении отряда Нэкунде, карательные экспедиции быстро покидали села, не вступая в бой. За голову командира Карла Нэкунде было обещано крупное вознаграждение. Белые арестовали Дору Нэкунде, надеясь, что братья придут

на выручку матери и их удастся схватить. Тогда партизаны расклеили листовки, в которых было сказано, что за малейшее насилие над матерью командира всех богатеев Верхоленского уезда ждет неминуемая смерть. Угроза подействовала. Дору Нэкуиде отправили в Иркутскую тюрьму, откуда ее освободила Красная Армия.

Главной своей целью 1-й Верхоленский отряд ставил отвлечь по возможности больше сил колчаковских войск с фронта, дезорганизовать тыл белых. И надо сказать, эту свою задачу отряд (не такой уж большой, к тому же плохо вооруженный) выполнял блестяще. Партизаны наносили ощутимые потери колчаковцам, вселяли страх в пособников белых, представителей власти Колчака. В декабре 1919 года партизаны Нэкунде полностью освободили Баяндайскую волость от белых.

К этому времени организовался Иркутский фронт, и все партизанские отряды объединились в одно подразделение, которым стал командовать видный грузинский революционер Нестор Александрович Каландаришвили. (Очень противоречивой и непростой была жизнь этого человека. В 1903 году он стал эсером, но быстро порвал с их «платформой» и в революции 1905 года участвовал уже как анархист, причем прославился безудержной личной смелостью во время восстаний грузинских крестьян. В 1917 году Нестор Каландаришвили примыкал к партии так называемых «анархистов-коммунистов» и принимал участие в установлении Советской власти в Иркутске. Потом партизанил, с весны 1920 года вел борьбу в Забайкалье против японских интервентов и семеновцев. В январе 1921 года Каландаришвили вступил в партию большевиков, причем «за особые заслуги» партийный стаж ему был установлен с 1917 года. Погиб грузинский революционер 6 марта 1922 года в бою под Якутском при подавлении кулацкого мятежа.)

Карл Нэкунде стал заместителем Н. А. Каландаришвили и начальником контрразведки. Они очень быстро сошлись — горячий, порывистый, «типичный кавказец» Каландаришвили и спокойный, немного медлительный «типичный латыш» Нэкунде. Но было в их характерах что-то очень важное, объединяющее этих непохожих людей. Что? Не могу сказать. Как бы там ни было, но дружбу их разрушила только смерть.

Став политическим руководителем отряда, Карл Нэкунде наладил работу по укреплению дисциплины и повышению сознательности бойцов. Конечно, по характеру действий отряд оставался партизанским. Но разве это мешало ему громить колчаковцев? Мы потому и вспоминаем о таких отрядах много десятилетий спустя, что они воплощали в себе все лучшие качества нашего народа — свободолюбие, отвагу, непримиримость к врагам революции. Когда я видел на экране телевизора, как по африканским джунглям пробирается отряд освободителей Анголы, мне невольно на память приходили сибирские партизаны времен гражданской войны или легендарные «деды» из Освейского края Белоруссии, установившие Советскую власть в самом центре оккупированной гитлеровцами территории. Нет, что бы там ни говорили любители потеоретизировать по поводу «самобытного» хода истории в освобождающихся странах, но наш опыт народной партизанской войны всегда имел и будет иметь огромное значение для всех, кто стремится к свободе.

После разгрома колчаковцев решением губернского комитета партии Карл Нэкунде был назначен комендантом железнодорожной станции Иркутск и начальником отряда по охране эшелона золотых запасов России, похищенных Колчаком. В состав отряда входила и часть партизан, в их числе был и Яи Нэкунде.

В начале февраля 1920 года к Иркутску стали приближаться части генерала Каппеля, которые под натиском Красной Армии откатывались вдоль Сибирской железной дороги на восток. Для защиты города губком партии организовал рабочие отряды. Павлу Нэкунде доверили командовать отрядом в 280 бойцов (в этом отряде были его отец и брат Фриц). Но каппелевская разведка донесла своему командованию, что Иркутск сильно укреплен, что под городом стоят «прекрасно вооруженные части регулярной армии», и белые предпочли не вступать в бой, а обошли город стороной.

Весной 1921 года по рекомендации Сибирского бюро ЦК РКП(б) Военно-Революционный Совет V армии назначил Карла Нэкуиде командиром оперативной группы Красной Армии для борьбы с белогвардейскими бандами, проникшими в Монголию. Напомню, что в 1921 году в эту страну ворвались белогвардейские банды наемника японских империалистов барона Унгерна, а также остатки белогвардейских отрядов атамана Казанцева, есаула

Кайгородова и генерала Бакача. Временное народное правительство Монголии подняло народ на борьбу с контрреволюцией и попросило помощи у правительства РСФСР. Советская республика отправила в Монголию три оперативные группы. Одну из них (320 бойцов) возглавил Карл Нэкунде, принявший в целях конспирации и в память о партизанских боях в районе Байкала фамилию Байкалов. Обязанности командира разведки в отряде выполнял Ян Нэкунде.

Десять месяцев отряд сражался в Монголии. Десять месяцев почти непрерывных боев! И заметьте: бои в то время, когда на западе страны гражданская война уже была только в воспоминаниях. А там, в совершенно «чужой» для Нэкунде стране, лилась кровь его товарищей. Снова братские могилы, снова письма из Рязани, из Бобруйска или Омска, не находившие живых адресатов. И снова до боли тяжелые строки: «ваш сын..., ваш муж..., ваш отец... пал смертью... за революцию». Письма из Монголии, где устанавливалась своя (своя!) народная власть.

Вначале бои случались главным образом с объединенными силами Казанцева и Кайгородова (интересно, что знают о них нынешние школьники? Наверное, еще меньше, чем о «батьке» Махно!), оборонявшими награбленное «барахло» в городке Кобдо. Здесь успех сопутствовал красноармейцам. Да, если по правде говорить, «казанцы» и «кайгородцы» строчили из пулеметов, поминутно оглядываясь назад: цел ли их обоз. Но в августе в тылу наших отрядов оказался так называемый «Оренбургский корпус» генерала Бакича — и по численности, и по вооружению намного превосходивший отряд Нэкунде-Байкалова. Тут было над чем подумать. Правда, митинговали недолго. Единодушно постановили: перед «гидрой мировой контрреволюции не отступать, принять бой».

Сорок четыре дня длилась героическая защита осажденного белыми монастыря Сарульгук! Сорок четыре дня! Мне рассказывали, что в Монголии об этом сражении сложены песни. Их передают уже в третье поколение...

Белогвардейцы держали монастырь под непрерывным огнем. Атаки следовали одна за другой. Но безуспешно! Однажды на рассвете в одном из секторов белым удалось прорвать оборону и ворваться в монастырь. В неравном бою погибло много красноармейцев, противник достиг уже центральной части монастыря. Связь между ротами нарушилась. В этот критический момент Карл Нэкунде послал в контратаку взвод из северного сектора под командованием Яна Нэкунде! Получив неожиданный контрудар, белые дрогнули, и после короткой рукопашной схватки их прорыв был ликвидирован.

В октябре 1921 года на помощь нашим войскам пришел 185-й полк 21-й дивизии Красной Армии и освободил осажденных. А вскоре отряды генерала Бакича и другие белогвардейские банды были разгромлены. Благодаря революционному подъему народных масс и помощи, оказанной Красной Армией, в Монголии победила революция.

За доблесть и личную храбрость, проявленные в Монголии, братьев Нэкунде — Карла и Яна — наградили орденами Красного Знамени, а старшего также личным оружием.

Два других брата в это время оставались в Сибири. Фриц Нэкунде был политработником в Красной Армии, а Павел — членом коллегии Верховного суда, позднее он работал в советском посольстве в Вене. Отец был секретарем латышской ячейки РКП(б) Баяндайского села, а мать в 1921 году в одной из анкет писала: «Агитирую за РКСМ».

Есть люди, чья жизнь не умещается в одну биографию. Кончив одну, они начинают вторую, потом третью... Так и с Карлом Нэкунде. Ну разве мало для биографии одного человека всего того, о чем я рассказал выше? Да если бы нашелся писатель (кстати, почему он до сих пор «не нашелся»?) и рассказал бы в романе эту невыдуманную историю-эпопею о жизни братьев-революционеров, наверняка какой-нибудь бойкий критик «разделал» бы его под орех за «выдумки», за «преувеличения»...

А биография Карла и Яна Нэкунде, между тем, продолжала «писаться» в Якутии. Карла Байкалова назначили главнокомандующим вооруженными силами Якутии и всего Северного края вместо погибшего в бою Каландаришвили.

В ту пору положение в Якутии было совсем непростым. В разгаре была гражданская война, навязанная

трудящимся бывшими царскими офицерами, местными богатеями и иностранными капиталистами. Большая часть Якутии была в руках контрреволюционеров... Сорок дней в стужу и бураны добирался в Якутск Карл Нэкунде-Байкалов. Потом он писал, что отправился сюда «с группой своих монгольских соратников, с непоколебимой решимостью во что бы то ни стало оправдать доверие своей партии».

Следует признать: у Карла Нэкунде был огромный военный и организаторский талант. Он умел находить путь к людям, умел зажечь их, направить их силы в нужную сторону. В короткий срок Нэкунде-Байкалов буквально преобразил части Красной Армии, подобрал толковых командиров и предпринял обширные атакующие операции. Причем громил белогвардейцев, не бросая на верную гибель сотни бойцов, а дорожил жизнью каждого красноармейца, вел бои тактически умно, по всем правилам фланговых охватов, фронтальных атак, хотя не чурался и партизанских внезапных налетов, ночных контратак и прочих «хитростей» командира-самоучки. Как бы там ни было, но к осени контрреволюция в Якутии была разгромлена.

Но мир был очень коротким. Не успели зажить военные раны, а в пределы республики вторглись войска генерала Пепеляева. Выше я уже описывал военную обстановку той тревожной осени 1922 года и зимы 1923 года. Пепеляевцам удалось оккупировать часть территории Якутии с важным во всех отношениях Амгинским селом.

Бои вокруг этого населенного пункта велись упорные, кровопролитные. То одна, то другая сторона брала верх. В конце концов красноармейцы разгромили врага. Утром 2 марта после форсированных переходов и нескольких бессонных ночей, в 40-градусный мороз, красноармейцы развернулись в цепь, и Ян Нэкунде повел их в атаку на Амгинское село. Бойцы вышвырнули противника из всех окопов, но в этой атаке погиб Ян. «Это был, — писал Карл Нэкунде-Байкалов, — последний бой в Якутии».

За боевые заслуги в Якутии К. Байкалова наградили вторым орденом Красного Знамени. Он оставался главнокомандующим вооруженными силами республики, вел большую партийную и государственную работу. Он был

членом Президиума ЦИК Якутской АССР и членом бюро Якутского обкома РКП(б).

В 1923 году Карл Нэкунде-Байкалов на время расстался с Якутией. Он работал членом коллегии военного трибунала V армии, а после ее расформирования — заместителем председателя и председателем военного трибунала 19-го стрелкового корпуса. В 1925 году ЦК ВКП(б) и ВЦИК послали его председателем комиссии по ликвидации мятежа на побережье Охотского моря — работа, которой снова хватило бы на целую биографию.

В 1927 году К. Байкалов стал председателем Северного комитета ЦИК Якутской АССР и заместителем председателя Совета Народных Комиссаров Якутии. Он руководил также изучением условий жизни малых народностей Дальнего Севера.

Карл Нэкунде-Байкалов умер 8 августа 1950 года в селе Бютейдах, в Якутии.

Но традиции семьи Нэкунде продолжили сыновья Карла Байкалова — Матвей, Лев, Карл и Юлий. Старший — Матвей — был летчиком-истребителем, воевал в годы Великой Отечественной войны. Он погиб уже в мирные дни, будучи первым испытателем советских вертолетов. Лев стал врачом, имеет ученую степень, живет и работает в Якутии. Карл — военнослужащий, а Юлий — рабочий.

Фамилия Нэкунде-Байкалова не забыта в Сибири. Главная улица села Баяндайского названа именем Нэкунде. В Якутии есть колхозы, улицы городов и пионерские дружины имени Байкалова.

Жили на земле братья Нэкунде. И хотя уже давно нет среди нас этих простых латышских парней — они до сих пор идут рядом с нами, олицетворяют собой отличнейшие качества человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы гордимся латышскими красными стрелками, точно так же, как русскими красногвардейцами, белорусскнми партизанами, украинскими подпольщиками, грузинскими витязями-конниками, казахскими пограничниками. Впрочем, мы не делим мужественных людей по национальным признакам. Они — иаша общая гордость, наша общая история. А история, как известно, обращена не столько в прошлое, сколько в будущее.

В этой книге я попытался в доступной для самого широкого круга читателей форме рассказать, как воевали на фронтах гражданской войны латышские стрелки. Может возникнуть вопрос: почему я — вологодчанин — взялся рассказывать именно о сынах Латвии, а не, скажем, черноморских моряках или донских казаках? Я исходил из старой и мудрой истины: надо рассказывать другим только то, что сам хорошо знаешь, что сам прочувствовал, что горячо любишь. Моя жизнь сложилась так, что я сначала полюбил небольшой латышский народ — полюбил в суровое, но святое время общей борьбы с фашизмом, — а потом уж постарался узнать о нем как можно больше.

Все послевоенные годы я бываю в Латвии. Смею верить, что у меня здесь имеются верные и дорогие друзья. Я люблю самобытное народное искусство латышей, их чуть застенчивое хлебосольство, их ворчлнвую доброту и непростой юмор . . . В годы войны я видел, как плакали латышские женщины над могилками своих детей. Но я ни разу не видел слез в глазах мужчнн. Наверное, это от того, что латыши всегда вглядываются в дали, откуда берут начало злые ветры . . .

Все доброе, что накопилось во мне по отношению к латышским стрелкам, я высказал на страницах этой книги. Все лучшее, что может пожелать человек человеку, я желаю наследникам боевой славы латышских красных стрелков — их сыновьям, внукам, правнукам. Пусть они приумножают эту славу каждый в своем деле и все — в нашем общем деле.

* *
*

Моя самая искренняя благодарность историкам, чьи труды служили мне путеводными вехами при создании этой книги: доктору исторических наук академику АН Латвийской ССР А. А. Дризулу, доктору исторических наук А. И. Спреслису, кандидатам исторических наук Б. А. Томану, В. Р. Раевскому и латышскому литератору Г. И. Курпнеку, осуществившему литературную запись этой книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 7

Часть I. ОТ «ПУЛЕМЕТНОЙ ГОРКИ» ДО СМОЛЬНОГО

1. Общая цель 25
2. Ложь и правда 28
3. Под красное знамя 35
4. Накануне 41
5. В первых рядах 50

Часть II. ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО

1. Начало 57
2. По боевой тревоге 63
3. Бои на главной улице 71
4. На двух направлениях 86
5. Против белоказаков 92

Часть III. НЕ ПЕРЕВОДЯ ДЫХАНИЯ

1. К берегам Даугавы! 99
2. На Деникина! 110
3. «На вас смотрит вся Советская Россия...» . 119
4. Последние залпы 126

Часть IV. ЛЮДИ ВЫСОКОГО ДОЛГА

1. Корни 143
2. «Старик» 147
3. Герой Сасыл-Сысы 150
4. «...И комиссары в пыльных шлемах» . . . 156
5. Братья 163

Заключение 172

Михаил Ильич Казаков

ЛЮБЫЕ ФЛАНГИ

ИБ 1160

Редактор С. Суворова
Худ. редактор А. Гринберг
Техн. редактор И. Сойде
Корректор Е. Рузина

Сдано в набор 22 июля 1976 г. Подписано к печати 7 января 1977 г. Типографская бумага № 1. формат 84×108/32. 5,75 физ. печ. л.; 9,86 усл. печ. л.; 9 уч.-изд. л. Тираж 20 000 экз. ЯТ 05004. Цена 58 коп. Издательство «Лиесма», г. Рига, бульвар Падомью, 24. Изд. зак. № 352 28134-Р158. Набрано в Рижской Образцовой типографии Государственного комитета Совета Министров Латвийской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Рига, Виенибас гатве № 11. Заказ № 1089. Текст отпечатан в типографии «Циня» ул. Блаумана № 38/40. Заказ № 3262-L., вклейки отпечатаны в Рижской Образцовой типографии. Заказ № 1030.

М.И.КАЗАКОВ ЛЮБЫЕ ФЛАНГИ

М.И.КАЗАКОВ

ЛЮБЫЕ ФЛАНГИ